UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01795548 5

КНИГА БЫЛИНЪ.

LR.C
A9518kn

Avenarius, Vasily Petrovich

КНИГА БЫЛИНЪ.

Kniga bylin

СВОДЪ ИЗБРАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ.

Составилъ В. П. Авенаріусъ.

Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова, и рисунками А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина.

---

3. izd.,

Изданіе третіе,

ПЕЧАТАННОЕ СО ВТОРАГО БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

ОДОБРЕНО Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ учащимся.

РЕКОМЕНДОВАНО Учебнымъ Комитетомъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, какъ классное пособіе и для подарковъ.

495527
11.8.99

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., д. 32.
1885.

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Введеніе къ былинамъ IX

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ:

I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой) 3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра 12
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична 23
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.) 27
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ . 36
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.) 41
VII. Ставёръ Годиновичъ и Василиса Микулична 49
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.) 60
IX. Исцѣленіе Ильи Муромца. 71
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.) 77
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.) 93
XII. Святогоръ 101
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична 105
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.) 109
XV. Илья Муромецъ и Идолище 114
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ 121
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.) 130
XVIII. Чурила Плёнковичъ (съ карт.) 148
XIX. Дюкъ Степановичъ 156
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.) 178
XXI. Михайло Потыкъ 190
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.) 198
XXIII. Три поѣздочки Ильи Муромца (съ карт.) 209
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси 217

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ:

I. Молодость Василія Буслаева (съ карт.) 223
II. Смерть Василія Буслаева 239
III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ 243
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.) 249

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ:

I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ 259
II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ (съ карт.) 260
III. Ермакъ, покоритель Сибири 266
IV. Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ 270
V. Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ 271
VI. Смерть Стеньки Разина 274
VII. Азовъ 279
VIII. Плачъ войска по Петрѣ 277

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ:

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ 281
II. Татарскій полонъ 284
III. О Горюшкѣ (съ карт.) 286
IV. «Ужъ какъ палъ туманъ на синё море...» 287
Примѣчанія къ былинамъ III
Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ XXXI
Отзывъ печати о «Книгѣ былинъ» XLII

ВВЕДЕНІЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность—все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи—безъ *„рапсода“* (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсень, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безъискусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіи столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ,—смѣтливый разсказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, причемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину,

смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то-же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачные обороты сохраняются вѣками: въ варіянтахъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы варіянтовъ тѣхъ-же пѣсень, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общею идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опоэтизированная *исторія* народа, разсказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „*былинъ*“ (разсказъ о *быломъ*), а также „*старинъ*“ (разсказъ о *старинѣ*) или просто „пѣсень“ *). Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ—о полумиѳическихъ герояхъ до-владимірской эпохи, такъ-называемыхъ „*старшихъ*“ богатыряхъ, 2) *кіевскій* или *владиміровъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о „старшихъ“ богатыряхъ, относительно происхожденія которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанію

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былеваго творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—«Слово о Полку Игоревѣ», которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

своему близко къ слѣдующему затѣмъ былевому кругу—о „младшихъ“, владиміровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ „старшихъ“ богатырей, *Сухманъ*, даже прямо находится при князѣ Владимірѣ; двое, *Святогоръ* и *Самсонъ*, попадаются (въ двухъ разныхъ былинахъ) кіевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дочери четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настасья Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя кіевскими богатырями (Ставромъ Годиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ, былины о „старшихъ“ богатыряхъ, если нѣсколько и предшествуютъ „владимірову“ циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней кіевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть разсматриваемы и какъ часть кіевскаго эпоса.

Кругъ былинъ, относящихся собственно къ *кіевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчателенъ. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владиміра стольно-кіевскаго“, т.-е. *Владиміра Святаго* (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневняго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „гридня“, подобно римскому форуму,—свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ „полуторапудовыхъ“ чашъ, подъ звуки „яровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кіевскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса — объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно

самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіятскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ — Дмитрія Донскаго, Ермака — безсознательно пріурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т.-е. того именно цвѣтущаго періода его, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующіе за отчизну, за вѣру, „за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей“; это, вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удальства или для личной своей пользы. Но удальство ихъ все-же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древняго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удальцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ „славномъ Великомъ Новѣ-городѣ“, кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массами всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ бы выказать свою удаль и гдѣ бы поживиться на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человѣкъ, чтобы сплотить эту вольницу около себя въ непреоборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человѣкъ — *Василій Буслаевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недюжиннымъ для того времени образованіемъ (умѣетъ читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно, что ему съ его молодецкой дружиной удается сдѣлаться грозою цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы, однако, выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря — изъ богатаго, степеннаго купечества. И Василій Буслаевъ воюетъ уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кіевскіе, а просто-нà-просто дубиною (червлёнымъ вязомъ) или осью тележною; *Садкò* же, богатырь купеческій, борется хоть и не дубьёмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта—община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража при его

кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торговаго гостя*. Былинъ о Василіѣ Буслаевѣ и Садкѣ-купцѣ записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4-мъ отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на каждаго удальца. Кромѣ Василія Буслаева и Садки-купца, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *гость Терентьище*; но былина о послѣднемъ—шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинъ изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кіевскаго и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былину о *Суровцѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому* или Азовскому морю); но былина эта, описывающая борьбу Суровца-Суздальца съ татарскимъ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ Курбановичемъ, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что на долго, на цѣлые вѣка заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ. Но эти такъ-называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почитаться даже особымъ циклом, а по содержанію и складу своему на столько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ средины XVI вѣка, народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 г.г.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера головою выше своихъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско-петровскія*, какъ и примыкающія къ нимъ *казацкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти, и по духу, и по формѣ своей, уже значительно разнятся отъ пѣсень древней Руси—кіевскихъ и новгородскихъ. Тамъ, при могучихъ фантастическихъ образахъ, разсказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ-бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ—краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задушевная, элегическая нота, которая, чѣмъ ближе къ нашему

времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то-же время все чаще попадаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ лѣтописей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты до-петровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ: памятуются въ ней царевичъ *Димитрій Угличскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепьевъ* и *Тушинскій воръ*, *Михайло Скопинъ*, *Василій Шуйскій и Прокопъ Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и *князь Пожарскій*. Но истинно поэтическій элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I*, народное вдохновеніе какъ-бы на время окрыляется. Энергическій, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаютъ въ памяти народной незабытаго еще вполнѣ въ теченіи ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ „выводилъ измѣну изъ Москвы"; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ тэмъ, „петровскія" пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, причемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, *князья Долгорукіе*, *Семенъ Палій* и *Иванъ Краснощековъ*, донцы *Флоръ Миняевичъ*, *Сенька Маноцкій* и *Некрасовъ*, *шведскій король*, *Мазепа*, *Шлиппенбахъ* и *Лёвенгауптъ*. Не говоря, однакожь, уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ реформахъ народное творчество вполнѣ умалчиваетъ (единственный намекъ на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ тэмахъ полётъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ „петровскихъ" былинъ, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирическій, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Съ смертію Петра умолкаетъ навсегда и настоящая быле-

вая пѣсня. Солдатскія пѣсни, слагавшіяся еще послѣ того и въ царствованіи Екатерины II, и въ 1812 году, и въ наше время, имѣютъ съ былевою поэзіею одно только общее: что пріурочиваются къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ; но лишены уже всякаго литературнаго значенія.

Параллельно съ былинами *московско-петровскаго* цикла возникали былины *казацкія,* воспѣвающія героевъ *казачества*: *Ермака*, *Стеньку Разина* и другихъ. Судьба этихъ героевъ и въ самыхъ былинахъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ царей московскихъ, что былины объ нихъ составляютъ только необходимое дополненіе къ общей картинѣ былевой Москвы. И здѣсь, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе плавно и спокойно течетъ стихотворный разсказъ, прерываемый личными изліяніями пѣвца. Богатыри-казаки, покорившіе царство Сибирское, мельчаютъ и обращаются въ разгульныхъ бродягъ, въ разбойничковъ-„затюремщичковъ"; стройная былина переходитъ въ простую удалую пѣсню.

Кромѣ перечисленныхъ рязрядовъ былинъ можно различить еще одинъ: разрядъ былинъ *безъимянныхъ* или *молодецкихъ*. Сложенныя въ свое время объ опредѣленномъ лицѣ, былины эти, благодаря своему преимущественно пѣвучему складу и лирическому характеру, не успѣли еще разложиться въ побывальщину или прозаическую сказку, но съ теченіемъ времени утратили уже имя воспѣваемаго лица и потому не могутъ быть прямо отнесены къ тому или другому былевому кругу. Онѣ служатъ какъ-бы послѣднею ступенью отъ настоящихъ былинъ къ обыкновеннымъ народнымъ пѣснямъ.

Первымъ собирателемъ нашихъ народныхъ былинъ былъ англичанинъ *Ричардъ Джемсъ*, въ рукопись котораго, начинающуюся съ 1619 года (со „ста двадцать седьмаго года осьмой тысячи"), вошли однѣ былины московскія. Только въ началѣ слѣдующаго XVIII вѣка, *Киршею Даниловымъ* (вѣроятно, казакъ сибирскій) были записаны и наиболѣе извѣстныя былины кіевскія и новгородскія, которыя, такимъ образомъ, по *рукописному* своему возрасту на сто лѣтъ моложе московскихъ. Въ печати же рукопись Кирши, подъ названіемъ „Древнія Россійскія Стихотворенія", появилась впервые всего въ 1804 году. Кромѣ этого изданія, до второй четверти настоящаго столѣтія былины, именно московскія, печатались, также съ рукописей, только въ пѣсенникахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова, Сопикова и др. Съ этого времени начинается прилежное записываніе былинъ *съ устъ народа* нѣсколькими

ревностными собирателями народной старины, преимущественно тремя: *П. В. Кирѣевскимъ* (10 томовъ „Пѣсень", изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома „Пѣсень", изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Ѳ. Гильфердингомъ* (1 томъ „Онежскихъ былинъ" въ 1336 стран. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако, и до послѣдняго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія оставались недоступными, какъ потому что они разсѣяны по множеству дорого-стоющихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ варіянтовъ, такъ и потому, что едва-ли хоть одинъ изъ записанныхъ варіянтовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варіянты тойже былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности.

Первыя „попытки соединенія разныхъ варіянтовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ" принадлежатъ графу Л. Н. Толстому, составившему сводъ 4-хъ былинъ о „старшихъ" богатыряхъ (Вольгѣ, Микулѣ, Сухманѣ и Святогорѣ). Опытъ въ томъ-же родѣ сдѣланъ былъ В. П. Острогорскимъ въ его былевомъ разсказѣ „Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ".

Наша задача была—дать русскимъ читателямъ и, въ особенности, русскому юношеству возможность—въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ, близко ознакомиться съ лучшими перлами русской народной эпической поэзіи. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варіянты избранныхъ былинъ, выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ, — мы составили возможно-полный сводъ каждой былины, причемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ-называемыми *„побывальщинами"*, ни прозаическими *„богатырскими сказками"*, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинъ. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы въ отношеніи кіевскихъ былинъ, представляющихъ какъ-бы разрозненныя части цѣлой народной эпопеи, позволили себѣ, для большей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Лёнрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древне-германской „Пѣсни объ Амелунгахъ" и финской „Кале-

валы“ сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинъ, мы связали ихъ въ возможно-послѣдовательную хронику, стоявшія же отдѣльно отъ владимірова круга былины о „старшихъ“ богатыряхъ вложили въ уста славнаго „загусельщика“— Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ.

Имѣвшійся у насъ въ распоряженіи матеріалъ для свода избранныхъ былинъ прочихъ былевыхъ цикловъ, по *количеству*, хотя еще богаче матеріала, послужившаго намъ для возстановленія древне-кіевской эпопеи, но по *качеству* своему онъ значительно уступаетъ послѣднему; почему, при строгомъ выборѣ, всѣ остальные разряды былинъ дали въ общей сложности едва третью часть того, что далъ одинъ древне-кіевскій эпосъ. Сводъ былинъ о новгородскихъ удальцахъ приведенъ нами вполнѣ *). Зато изъ слѣдующихъ разрядовъ: московскаго, петровскаго и казацкаго, а также изъ былинъ безъимянныхъ, мы выбрали только такіе образцы, которые имѣютъ дѣйствительное литературное достоинство и притомъ, разумѣется, по содержанію своему, вообще соотвѣтствуютъ настоящему изданію, предназначенному для большинства читающаго общества, въ томъ числѣ и для юношества. Въ виду той связи, которая существуетъ между героями казачества съ царями московскими, мы сочли нужнымъ былины казацкія помѣстить хронологически среди былинъ московскихъ, вслѣдъ за которыми расположили былины петровскія, какъ составляющія прямое ихъ продолженіе.

Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ-то: огнестрѣльное оружіе въ древнемъ Кіевѣ, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца „казакъ“ и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически-сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ, напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ кіевлянъ „татаровьями“) мы не считали себя въ правѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро разсказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены нами и нѣкоторые,

*) Шуточная новгородская былина о *гостѣ Терентьищѣ*, удобная только для спеціальнаго изданія, помѣщена нами въ «Историч. Библіотекѣ» 1878 года, № 3.

заслуживающіе вниманія, варіянты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинъ мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный Указатель* которымъ также приложенъ.

Относительно стихосложенія былинъ находимъ неизлишнимъ объяснить слѣдующее:

Первоначальный размѣръ большей части былинъ—правильный хореическій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль; напр.:

«Въ стольномъ | было | горо | дѣ во | Кіевѣ.»

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами довольно строго, принятъ нами въ бо̀льшей части былинъ. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для бо̀льшей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полу-удареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатырицы Настасьи Микуличны:

«Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе бога̀тыри пощёлкиваютъ.»

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хореическій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе, какъ *три* ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ послѣдней стопы:

«Въ сто̀льномъ было го̀родѣ во Кіевѣ
Да у ла̀сковаго кня̀зя у Владі̇міра
Было пирова̀ньице почѐстенъ пиръ
На̀ многихъ князѐй, на бо̀яровъ.»

(Или:

«На многі̇хъ князѐй, на бо̀яровъ.»)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ от-

дѣльное слово, имѣющее въ прозаической рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать „во чистòмъ полѣ“, „ни однòй птички“, а не „во чистомъ пòлѣ“, „ни одной птички“. Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У бòльшей части народныхъ пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хореическій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ было *три* ударенія; изъ слоговъ же, неимѣющихъ ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами съ удареніемъ оставался одинъ *безъ* ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухореическій, полудактилическій *) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова“, очевидно, навѣянной на чуткаго поэта „Древними Стихотвореніями“ Кирши Данилова):

«Закатилося крàсное сòлнышко,
Закатилось за гòрушки высòкія,
За моря глубòкія, широкія,
Разсаждàлись часты звѣзды по свѣтлу небу.»

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или на первомъ:

«Дружина моя дòбрая, хорòбрая,
Тридцать мòлодцевъ безъ единаго!»

Точно также къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную размашистую упругость:

«Я какъ ржи напашу да въ скирды сложу,
Въ скирды сложу, съ поля выволочу,
Съ поля выволочу, дома вымолочу,
Дрàни надеру да пива накурю,

*) Подъ *дактилемъ* (—◡◡) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрахій* (◡—◡), и *анапестъ* (◡◡—) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

Пива накурю да гостей наберу,—
Станутъ гости пить, станутъ кушати,
Станутъ здравствовать меня да похваливати:
— Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!»

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе(—⏑⏑). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ всего пять былинъ кіевскихъ, а именно: три о „старшихъ“ богатыряхъ (№№ 1, 11 и 12) и первая и послѣдняя объ Ильѣ Муромцѣ (№№ 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется на лицо ни одного варіянта ихъ такого стихосложенія,—по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореическо-дактилическій размѣръ даже соотвѣтствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ перехожихъ, такъ и нетвердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ исцѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ по-старчески при всякомъ случаѣ сѣдой головой покачиваетъ.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предъидущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

«Высота-ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!»

Или:

«Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Пленковича.»

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ-бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми рапсодами и изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ кіевскихъ: Соловьѣ Будиміровичѣ (№ 8) и Чурилѣ Плёнковичѣ (№ 18). Къ этому-же размѣру приближается и былина московская о Гришкѣ Отрепьевѣ (№ 5).

Былины лирическаго характера принимаютъ любимый раз-

мѣръ обыкновенныхъ народныхъ пѣсень, гдѣ, вслѣдствіе двойнаго соединенія дактиля съ анапестомъ, въ стихѣ остается всего два ударенія (⏑—⏑ | ⏑—⏑), и стихъ пріобрѣтаетъ особенную пѣвучесть:

«Ужъ какъ пàлъ туманъ на синё море.»

Этимъ складомъ (съ неизбѣжными въ народной пѣснѣ отступленіями) поются четыре изъ приведенныхъ въ настоящемъ сборникѣ былинъ: былина о „царевичѣ Димитріѣ и Борисѣ Годуновѣ“, послѣдняя петровская („Плачъ войска“) и двѣ безъимянныя: „Татарскій полонъ“ и „Ужъ какъ палъ туманъ“.

Съ замѣною второй половины двойнаго стиха дактилемъ, стихъ укорачивается еще на два слога (⏑—⏑|—⏑) и даетъ столь-же звучный, довольно рѣдкій размѣръ, которымъ изложена у насъ одна былина („О добрымъ мòлодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ“):

«Отломилася вѣточка
Отъ кудрявàго дѐревца.»

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ стихосложеніи, рѣзко отличающемся отъ обыкновеннаго былеваго стиха амфибрахическимъ окончаніемъ (⏑—⏑), вмѣсто дактилическаго (—⏑⏑):

«Подымалась полтавская батàлья.»

Образцы этого размѣра, свойственнаго главнѣйше „солдатскимъ“ пѣснямъ, можно видѣть въ прим. 132.

Что касается прибаутокъ къ былинамъ, этихъ вызывающихъ ритурнелей въ началѣ или въ концѣ ихъ, то, не стѣсняясь размѣромъ самой былины, онѣ или принимаютъ лихой дактилическій складъ:

«Нàшему хозяину чѐсть бы былà!»

или раскидываются широкимъ хореическимъ стихомъ, съ хореическимъ же окончаніемъ:

«Охъ, вы, рощи, рощи зеленыя! липушки цвѣтныя!»

или коротко обрываются:

«Здупинай-най-най!
Болѣ пѣть впередъ не знай.»

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ рапсодовъ

также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинъ одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразится напѣвъ, такъ что тотъ-же немногосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой протяжно-уныло, въ третьей весело-игриво. „Въ Ставрѣ", какъ выразился пѣвецъ Рябининъ, „надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше."

Какое впечатлѣніе производитъ это пѣніе въ безъискусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человѣка— лучше всего можно видѣть изъ описанія г. Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 года поѣздки въ Заонежье, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго „*сказителя*", какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

„Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣнные вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ „баженымъ" (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтный" вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Наволоку—пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченая „фатера"—домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера" народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и хоть было очень холодно, но не похотѣлась мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхивалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становилсь быстрѣе, порой

обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ, съ окладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ-купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серёдки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіянты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикцію, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варіянты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтья на Шуй-Наволокѣ.“

Хотя былины поются въ настоящее время и „каликами“, пѣвцами по ремеслу, спеціальность которыхъ — „духовные“ стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются „сказители“, непромышляющіе своимъ пѣніемъ, а занимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно — зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другаго собирателя былинъ, Гильфердинга, „былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни.“ Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается вышеупомянутый старикъ-крестьянинъ деревни Серёдки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ

Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ) — ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина—Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми перехожими ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человѣкъ грамотный не въ состояніи уже удержать въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Первымъ гонителемъ свободнаго народнаго творчества было варварство, вторымъ — цивилизація. Былевая пѣсня наша, пѣвшаяся когда-то „загусельщиками“ и „каликами перехожими“, вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и базарахъ,—съ татарскимъ погромомъ по-неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали, на сѣверѣ и на востокѣ, гдѣ ей можно было еще вольно раздаваться. Но на смѣну татарамъ явились тутъ просвѣщеніе и грамотность и, съ каждымъ шагомъ впередъ, оттѣсняли стародавнюю пѣсню все далѣе. Лучшіе образцы историческихъ былевыхъ пѣсень сохранились до насъ благодаря лишь тому счастливому обстоятельству, что были записаны благовременно, за сотни лѣтъ назадъ. Былины же древне-кіевскія и древне-новгородскія должны были быть отыскиваемы новѣйшими собирателями на отдаленнѣйшихъ окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, преимущественно между раскольниками, крѣпко держащимися старины. Но и тамъ начинаетъ понемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ г. Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожиловъ, еще не такъ давно—въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки „съ сказителями“; но теперь сказители „вышли изъ моды“ и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунгской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевыя пѣсни, исчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько „ради порядка“, по настоянію земской полиціи. Этотъ

простонародный „продуктъ“ постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы—старики съ семьювосемью десятками за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замолкнетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ!

Тѣмъ бо̀льшее значе̂ніе, поэтому, пріобрѣтаютъ записанные нашими почтенными собирателями еще „съ голоса“ послѣднихъ пѣвцовъ обрывки русскаго народнаго эпоса. Поэтому же, надѣемся, будетъ неизлишенъ и настоящій, возможно-полный, систематическій сводъ лучшихъ изъ этихъ обрывковъ, своего рода антологія нашей народной эпической поэзіи.

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ.

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испилъ да и намъ бы поднёсъ.
Станемъ мы, ребята, сказывати,
А вы, люди добрые, послушайте
Что про старое время, про доселѣшнее.
Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова, (1)
Изъ-подъ бѣлаго горюча камня Латыря—(2)
Тутъ повышла, повышла, повыбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи верстъ,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
Широко-далеко подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьё ровно семьдесятъ верстъ,
Выпадала во морюшко Хвалынское.
Да все это, братцы, не старинушка,
Все-то это, братцы, прибауточка,
А теперь старинамъ у насъ зачинъ пойдетъ.

* *
*

Какъ не красно солнце въ небѣ разыгралося—
Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У Владиміра у князя солнышка

Заводилось пированьице—почѐстенъ пиръ,
Собирались всѣ князья да бо̀яре,
Русскіе могучіе богàтыри, (3)
Да и поленѝцы ли удàлыя. (4)
А живетъ во городѣ во Кіевѣ
У своей любезной ро̀дной матушки,
У честно̀й вдовы Афимьи Александровны,
Добрый мо̀лодецъ, боярскій сынъ,
Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. (5)
Какъ садила его матушка за грамоту,
Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
Какъ возро̀стила до полнаго до возраста,—
Сталъ Добрынушка въ чисто̀ поле поѣзживать,
На почѐстенъ пиръ къ Владиміру похаживать,
На пиру да во гусёлышки поигрывать.
А и будетъ день во половинѣ дня,
Княженецкій столъ да во полу̀-столѣ,
За столомъ всѣ пьяны-веселы,
Самъ Владиміръ свѣтелъ-радошенъ,—
Во столовую во гридню княженецкую
Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Крестъ кладетъ да по писàному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Солнышку Владиміру въ особину.
Проводили мо̀лодца тутъ во большо̀й уголъ,
Во большой уго̀лъ, во мѣсто бо̀льшее,
За столы садили за дубовые,
За тѣ яства за сахàрныя,
За тѣ питья за медвѝныя.
Не златая трубочка вострýбила,
Не серебряна сапо̀вочка возы̀грала—
Воспрого̀ворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:
„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Наливайте-ка вы чару зеленà вина,
Наливайте чару пива пьянаго,
Наливайте чару меду сладкаго,
Слейте всѣ три чары во едѝную,
Подносите чару добру мо̀лодцу,
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу.“
Слушалися князя слуги вѣрные,

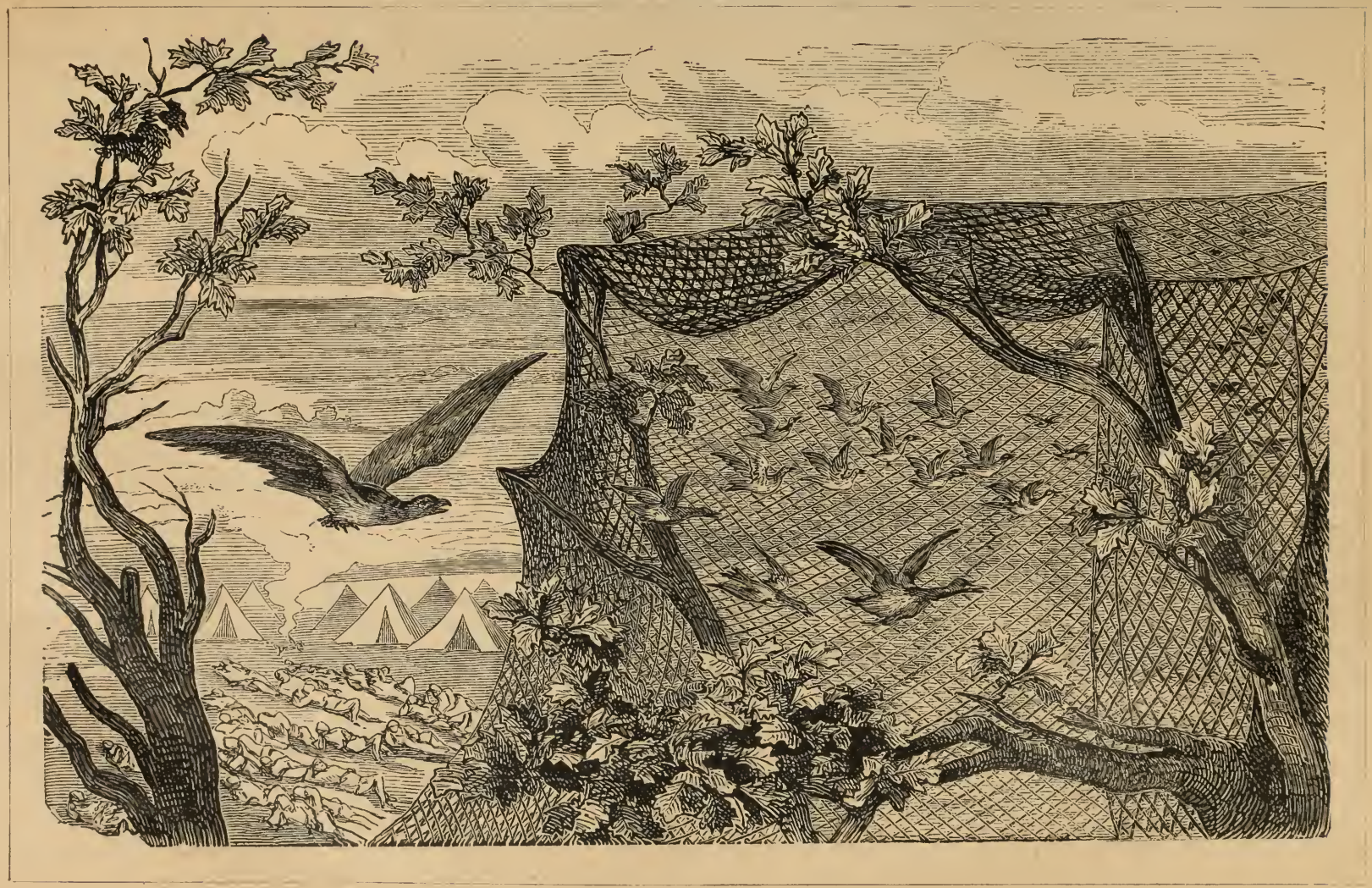
Наливали чару зелена̀ вина,
Наливали чару пива пьянаго,
Наливали чару меду сладкаго,
Слили всѣ три чары во единую:
Стала мѣрой чара въ полтора ведра,
Стала вѣсомъ чара въ полтора̀ пуда;
Подносили молоду Добрынюшкѣ.
Принималъ ее Добрыня едино̀й рукой,
Выпивалъ ее Никитичъ единымъ духомъ,
Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.
И спрого̀воритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А бери-ка ты гусёлышки яро̀вчаты,
Поподёрни-ка во струнки золочёныя,
По унылыному сыграй намъ, по умильному,
Во другой сыграй да по весёлому.“
Какъ беретъ Добрыня во бѣлы руки
Тѣ звонча̀тыя гусѐлышки яро̀вчаты,
Поподёрнетъ да во струнки золочёныя,
Заиграетъ стихъ Еврейскій по унылыному,
По унылыному да по умильному—
Во пиру всѣ призадумались,
Призадумались да позаслушались.
Заигралъ Добрыня по весёлому,
Игрище завелъ отъ Ерусо̀лима,
Игрище другое отъ Царя̀-града,
Третіе отъ стольна града Кіева—
Во пиру̀ привелъ всѣхъ на весельице.
Какъ Владиміру игра та показалася,
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, лихой игрокъ Добрынюшка!
Распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бо̀яровъ,
Звесели могучіихъ бога̀тырей:
Заведи старѝнку стародавнюю
Про того про ста̀ршаго бога̀тыря,
Про уда̀лаго Вольгу̀ Всеславьича.“ (6)
Какъ повелъ опять Добрыня по гусёлышкамъ,
Заигралъ напѣвки святорусскія,
Заводилъ старѝнку стародавнюю
Про уда̀лаго Вольгу̀ Всеславьича:

* *
*

„Закатилося красное солнышко,
Закатилось за горушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлу̀ небу—
Нарождался на матушкѣ святой Руси
Молодой богатырь Вольга̀ Всеславьевичъ.
Только будетъ Вольгѣ полтора часа,
Говоритъ Вольга̀, будто громъ гремитъ:
„—А и гой еси, сударыня матушка,
Молодая Марѳа Всеславьевна!
Ты не пѐленай во пѐлену червчатую,
Не поясай въ поясья шелко̀вые—
Пелена̀й меня, сударыня матушка,
Въ крѣпкія латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Въ праву руку — па̀лицу свинцовую,
Чтобы вѣсомъ была па̀лица въ триста пудъ.—
„Росъ-подросъ Вольга̀ до пяти годковъ,
Какъ пошёлъ Вольга̀ по сыро̀й землѣ—
Мать-сыра̀ земля вскольбалася,
По темны̀мъ лѣсамъ звѣри разбѣжалися,
По подоблачью птицы разлеталися,
По синю̀ морю рыбы разметалися.
И пошёлъ Вольга Всеславьевичъ
Обучаться всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Обучался первой хитрости-мудрости—
Обертываться яснымъ соколомъ;
Обучался другой хитрости-мудрости—
Обертываться сѣры̀мъ волкомъ;
Обучался третьей хитрости-мудрости—
Обертываться туромъ — золотые рога.
Да зада̀лся отъ семи годовъ,
Обучался до двѣнадцати.
Сталъ дружину себѣ набирать Вольга̀,
Дружинушку добрую, хоро̀брую,
Набиралъ дружину трѝ года:
Самому Вольгѣ пятнадцать лѣтъ,
И всей его дружинѣ по пятнадцати.
Тридцать мо̀лодцевъ набралъ безъ единаго,
Становился самъ тридцатыимъ.
„И возго̀воритъ Вольга̀ таковы̀ слова:
„— Дружина моя добрая, хоро̀брая,

Тридцать молодцевъ безъ единаго!
Слушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Отъ моей отъ славы богатырскія
Звѣри ушли во темны лѣса,
Птицы ушли подъ оболока,
Рыбы ушли во синё море,
Во синё море, въ глубокій станы:
Вейте-ка тенета шелковыя,
Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
И ловите въ нихъ куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ соболей.—
„Они слушали братца большаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили тенета шелковыя,
Становили ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
Ловили три дня и три ночи—
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Обернулся Вольга лютымъ звѣрёмъ,
Поскачилъ въ темный лѣсъ, по сырой землѣ,
Загонялъ въ тенета куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и чёрныхъ соболей;
Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ;
Да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брёзгивалъ:
Забиралъ поскакучіихъ заюшекъ,
Бралъ и малыихъ горнастаюшекъ.
И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ,
И носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то — барсовыя.
„И возговоритъ Вольга таковы слова:
„— Дружинушка моя добрая, хоробрая!
Слушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Звѣри въ лѣсахъ всѣ повыловлены;
Вейте-ка сѣти шелковыя,
Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
И ловите въ нихъ гусей-лебедей,
Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.—

„Они слушали братца бо̀льшаго,
Дѣлали дѣло повелѣ̂ное:
Вили сѣточки шелко̀выя,
Становили ихъ во темно̀мъ лѣсу,
Во темно̀мъ лѣсу, на самый верхъ,
Ловили три дня и три̂ ночи—
Не могли добыть ни одно̀й птички.
Обернулся Вольга̀ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ Вольга̀ по подоблачью,
Заворачивалъ въ сѣти гусей-лѐбедей
Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.
И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
Всѣ-то яства у него отборныя,
Перемѣнныя яства — саха̀рныя.
„И возго̀воритъ Вольга̀ таковы̀ слова:
„— Дружина моя добрая, хоро̀брая!
Слушайте-ка братца бо̀льшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣ̂ное:
Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ повыловлены;
Вы берите-ка топоры дроворубные,
Стройте-ка судёнышко дубовое,
Ладьте-ка то̀невья шелко̀вые,
Поплавочки кладите чиста золота,
Выѣзжайте на синё море,
И ловите рыбу-сёмжинку, бѣлужинку,
Дорогую рыбу осётринку,
Да и щученьку, малую плотиченьку.—
„Они слушали братца бо̀льшаго,
Дѣлали дѣло повелѣ̂ное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Ладили тоневья шелко̀вые,
Выѣзжали на синё море,
Ловили три дня и три̂ ночи —
Не могли добыть ни одно̀й рыбки.
Обернулся Вольга̀ рыбой-щучиной,
Опустился Вольга̀ во синё море,
Изъ глубокихъ стано̀въ рыбъ повыпугалъ,
Заворачивалъ рыбу-сёмжинку, бѣлужинку,
Дорогую рыбку осётринку,
Бралъ и щученьку, малую плотиченьку...
„Какъ прошла тутъ слава великая



Обернулся Вольга̀ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ Вольга̀ по подоблачью,
Заворачивалъ въ сѣти гусей-лѐбедей,
Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.

Ко стольному граду Кіеву,
Что индейскій царь (7) снаряжается,
Стольный Кіевъ градъ взять похваляется,
Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.
„И возговоритъ Вольга таковы слова:
„— Дружина моя добрая, хоробрая!
А и есть ли удалый добрый молодецъ,
Что сходилъ бы во царство индейское,
Про царя Салтыка Ставрульевича
Да про думу его тайную провѣдати,
Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
Таго молодца я буду жаловать
За его за услугу великую.—
„Тутъ всѣ молодцы добрые, хоробрые —
Большій туляется за средняго,
Средній туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Какъ-бы листъ со травой пристилается,
Вся дружина его приклоняется:
„— Ужь какого ли удала добра молодца
Нѣтъ опричь тебя, Вольгй Всеславьича!—
„— Такъ ужь видно жь Вольгѣ самому пойти!—
„Обернулся туромъ — золотые рога,
Первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой-то скокъ не мголи найти.
Добѣжалъ до царства индейскаго,
Обернулся малой птицей-пташицей,
Садился на царское окошечко,
И слушалъ рѣчи тайныя.
„Говоритъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ
Со своею царицей Азвяковной:
„—Ай же ты, жена возлюбленная,
Молодая царица Азвяковна!
Знаешь ли мою царскую выдумку?—
„Говоритъ царица Азвяковна:
„—Ай же, царь Салтыкъ Ставрульевичъ!
Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—
„Говоритъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ:
„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,

А тебѣ, царица Азвяковна,
Подарю дорогую шубоньку.—
„Говоритъ царица Азвяковна:
„—Ночью спа̀лось—во снѣ мнѣ видѣлось:
Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки
Налетѣла мала птица-пташица,
А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки
Налетѣла птица черно̀й воронъ;
Во чисто̀мъ полѣ онѣ слеталися,
Межъ собою билисъ-подира̀лися;
Малая-то птица-пташица
Черна ворона повы̀клевала,
По перышку его повы̀щипала,
На̀ вѣтеръ всего повы̀пустила.
Малая птица-пташица—
Молодой богатырь Вольга̀ Всеславьевичъ,
Черный воронъ—царь Салтыкъ Ставрульевичъ.—
„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:
Какъ ударитъ онъ царицу по бѣлу̀ лицу,
Повернется—и въ другой-то разъ,
Кинетъ царицу о кирпичатъ полъ,
Кинетъ ее и въ другой-то разъ:
„—А поѣду же я на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—
„Воспрого̀воритъ Вольга̀ Всеславьевичъ:
„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрульевичъ!
Не бывать тебѣ на святой Руси,
Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—
„Обернулся Вольга̀ сѣры̀мъ волкомъ,
Поскочилъ Вольга̀ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ конѐй всѣхъ попѐребралъ,
Глотки у всѣхъ попѐрервалъ;
Обернулся ма̀лымъ горнастаюшкой,
Побѣжалъ по подваламъ, по по̀гребамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У калёныхъ стрѣлъ желѣзца повы̀нималъ,
Сабли острыя повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Обернулся тогда яснымъ соколомъ,
Высоко̀ взвился по подоблачью,

Полетѣлъ далече во чистò поле,
Ко дружинушкѣ доброей, хорòброей,
Разбудилъ удалыхъ добрыхъ мòлодцевъ:
„—Гой, дружина моя добрая, хорòбрая!
Не время теперь спать, порà вставать!
Мы пойдемте-ка къ царству индейскому!—
„И пошли они къ царству индейскому,
Подошли къ стѣнѣ бѣлокаменной;
Крѣпкà стѣна бѣлокаменна,
Ворòты въ стѣнѣ желѣзныя,
Крюкѝ-засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны̀-нощны,
Стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудрёные вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
Закручинились мòлодцы, запечалились:
„—Потерять, знать, даромъ буйны голòвы!
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—
„Молодой Вольгà догадливъ былъ:
Самъ себя обернулъ мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ мòлодцевъ мурашками—
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
На ту сторону, въ царство индейское.
Обернулъ опять добрыми мòлодцами
Со всею со сбруею ратною,
Говоритъ имъ самъ, приказъ даетъ:
„—Дружина моя добрая, хорòбрая!
Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало—семь тысячей.—
„А и ходятъ они по царству индейскому,
А и рубятъ и стараго и малаго,
А и только оставляютъ женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало—семь тысячей.
„—Дружина моя добрая, хорòбрая!
А станемъ-ка теперь полонỳ дѣлить.—
„Чтò было на дѣлежѣ дорого,
Чтò было на дѣлежѣ дешево?

Добры кони были по семи рублей,
Сабли острыя по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по три рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
Молодушечки по двѣ полушечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.
„То старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
Старымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
А веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи во бесѣдушкѣ смиренноей,
Испиваючи медъ, зелено вино;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ СВАТОМЪ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА.

Хорошо Добрынюшка Никитичъ младъ
Во гусёлышки играетъ во яровчаты,
Хорошо поетъ старинку стародавнюю
Про удалаго Вольгу Всеславьича
Со его дружиной доброю, хороброю.
На пиру всѣ пріутихли, пріумолкнули,
Пріумолкнули да призаслушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
Старый тутъ Бермята (8) сынъ Васильевичъ,
Говоритъ самъ таковы слова:
„А слыхалъ еще я отъ старыхъ людей,
Что того Салтыка-то Ставрульича,
Ухватя, Вольга ударилъ о кирпичатъ полъ,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,

Взялъ себѣ царицею Азвяковну,
А его дружина добрая, хорòбрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася.“
Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшился,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запохàживалъ,
Частую бородку запоглàживалъ,
Бѣлыми руками заразвàживалъ,
Желтыми кудрями запотряхивалъ,
Пословечно сударь выговàривалъ:
„Гой же вы, мои князья да бòяре,
Сильные, могучіе богàтыри!
Всѣ-то вы во Кіевѣ пожѐнены,
Всѣ-то дѣвушки-боярушки повыданы,
Только я, Владиміръ, не женатъ живу,
Не женатъ живу да холостымъ слыву.
Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
Чтобы станикомъ была ровнёшенька,
Ростомъ, какъ и самъ я, высокòшенька,
Очи были бъ ясна сòкола,
Брови были бъ чёрна соболя,
Тѣло было бъ снѣгу бѣлаго,
Красотой краснà и мнѣ умòмъ сверстна;
Было бъ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
Было бъ съ кѣмъ словечко перемолвити,
Во пиру-бесѣдушкѣ кѣмъ похвалитися,
А и было бы кому вамъ поклонитися,
Было бы кому вамъ честь воздать.“
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
Красну дѣвицу да супротивницу:
Какъ во той землѣ, во хоробрòй Литвѣ,
У того у короля литовскаго (9)
Есть двѣ дочери любимыя на выданьѣ;
Бòльшая-то дочь Настасья королевична
Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
Ѣздитъ въ полѣ сильной поленицею;
Мѐньшая же дочь Апраксья королевична (10)
Въ теремѝ сидитъ все, во златомъ верху,

Что за трйдевятью ли замочками
Да за трйдевятью сторожочками:
Красно солнышко ее не запечетъ,
Буйны вѣтрушки ее не бвѣютъ,
Многи люди не увидятъ, не обзарятся.
А и ростомъ-то она высокая,
А и станомъ становитая,
Красотою красовитая:
Черны брови—соболя заморскаго,
Ясны очи—сокола пролётнаго,
Личушкомъ бѣла какъ зимній снѣгъ,
Да и въ грамотѣ-то поучёная:
Будетъ съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ коротати,
Будетъ намъ кому и честь воздать."
Какъ то слово князю по душѣ пришло,
Больно солнышку словечко полюбилося,
И возговоритъ онъ таковы слова:
„Ай же вы, мои князья да бояре,
Ай же вы, могучіе богатыри!
А кого же мнѣ послать посвататься
За меня, за князя за Владиміра,
У того у короля литовскаго
На прекрасной на Апраксьѣ королевичнѣ?"
Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
Пріумолкнули да пріутихнули,
Пріутихнули да затулялися:
Большіе туляются за средніихъ,
Средніе туляются за меньшіихъ,
А отъ меньшей тулицы-то и отвѣту нѣтъ.
Возстаетъ опять Бермята сынъ Васильевичъ:
„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
Бласлови еще мнѣ слово молвити.
Ты пошли-ка сватомъ добра молодца,
Тихаго Дунаюшку Иванова (11):
Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бывалъ,
Много множетво чужихъ земель видалъ,
Тихій-то Дунай и говоритъ гораздъ—
Ужь кому, какъ не ему бы, и посвататься."
Не изъ большаго тутъ мѣста, не изъ меньшаго,
Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
Изъ-за столья изъ-за бѣлодубова
Возстаетъ удалый добрый молодецъ,

Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
Понизѐнько князю поклоняется:
„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій!
Бласлови и мнѣ словечко молвити,
Безъ казнѐнія, безъ дальней высылки?“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Хочешь говорить, такъ говори теперь.“
„Жилъ я, государь, во хоробрѐй Литвѣ
Девять лѣтъ у короля литовскаго:
Трѝ года у короля я кѐнюхалъ,
Трѝ года у короля я стольничалъ,
Трѝ года у короля я клюшничалъ.
А и вѣрно слово говорилъ тебѣ
Старый человѣкъ Бермята сынъ Васильевичъ:
Есть двѣ дочери у короля литовскаго,
Обѣ дочери—пригожія, хорошія.
Много ѣзживалъ я по инымъ землямъ,
Много видывалъ я королевишенъ,
Много видывалъ и изъ ума пыталъ:
Та краснà лицомъ—да не сверстнà умомъ,
Та сверстнà умомъ—да не краснà лицомъ.
Не нахаживалъ я эдакой красавицы,
И не видывалъ я эдакой пригожицы,
Какъ та младша дочка королевская,
Молода Апраксья королевична:
Ходитъ—словно бѣлая лебёдушка,
Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
А и въ грамотѣ-то больно гòразда.
Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
Было бы кого назвать намъ матушкой,
Величать намъ государыней!“
„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
Ты умѣлъ ее теперичко повы̀хвастать,
Такъ умѣй-ка ты ее оттоль и вывести.
Ты возьми съ собою силы сорокъ тысячей,
Ты возьми казны да десять тысячей,
Поѣзжай во ту во хоробрỳ Литву,
О томъ добромъ дѣлѣ да о свàтовствѣ
На прекрасной на Апраксьѣ королевичнѣ.“
Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,

Дорогаго хрусталя восточнаго,
Со краями позлачёными,
Наливалъ во чару зелена̀ вина,
Да не малую стопу, а полтора ведра,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подноситъ тихому Дунаюшкѣ;
Скоро бралъ Дунаюшка Ивановичъ
Чарочку отъ князя во бѣлы̀ ручки,
Принималъ одною ручкою,
Выпивалъ однимъ душкомъ,
Подавалъ назадъ Владиміру,
Понизѐнько князю поклоняется:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
А не надобно мнѣ силы княженецкія,
И не надобно мнѣ золотой казны:
Да не биться же мнѣ тамъ, не ра̀титься;
Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
Молода Добрынюшку Никитича:
Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго,
Да умѣетъ онъ съ людьми и рѣчь вести;
Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
Выбрать два сѣдёлышка недѐржанныхъ,
Да еще вѣ плёточки нехлы̀станныхъ,
Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
О томъ добромъ дѣлѣ да о сва̀товствѣ.“
Бралъ опять Владиміръ чару во бѣлы̀ ручки,
Наливалъ во чару зелена̀ вина,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подноситъ молоду Добрынюшкѣ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
Да идите съ нимъ вы на конюшенъ дворъ,
Да берите тамъ всего, что̀ надобно.“
Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы̀ ножки,
Скоро бралъ отъ князя чару во бѣлы̀ ручки,
Принималъ одною ручкою,
Выпивалъ однимъ душкомъ,
Понизѐнько князю кланялся;
Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
Выходили на конюшенъ дворъ,
Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,

Брали два сѣдёлышка недержанныхъ,
Да еще двѣ плёточки нехлыстанныхъ,
Сами обкольчужились, облатились,
Приняли еще отъ князя солнышка
Ярлыки тѣ скорописчаты,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали;
А и видѣли ихъ на коней-то сядючи,
Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
Будто ясны соколы воспорхнули,
По пути-дорожкѣ только пыль пошла.
Какъ поѣхали они тутъ изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
Пріѣзжали скоро въ хоробру Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
Заѣзжали на широкій королевскій дворъ,
Становились противъ самыихъ окошечекъ,
Соскочили со добрыхъ коней.
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты побудь-ка тутъ, покарауль коней,
Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
За собой добрыхъ коней поваживай,
Во палаты королевскія поглядывай,
Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя.“
Самъ проходитъ во палаты королевскіе;
Знаетъ онъ порядки королевскіе:
Что не надо ни креститься, ни молитвиться,—
Бьетъ челомъ лишь королю онъ, поклоняется:
„Здравствуй, батюшка, король ты хороброй Литвы!“
На Дуная тутъ король оглянется:
„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:
Три года ли жилъ во конюхахъ,
Три года ли жилъ во стольникахъ,
Три года ли жилъ во клюшникахъ,
Жилъ-служилъ мнѣ вѣрой-правдою.
За твои услуги молодецкія
Посажу тебя теперь за большій столъ,
Посажу за большій столъ, во мѣсто большее,
Ѣшь-ка до-сыта да пей-ка до-люби.“
Посадилъ за большій столъ, во мѣсто большее
Тихаго Дунаюшку Иванова,

Самъ Дуная сталъ выспрашивать, вывѣдывать:
„А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя,
За какимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловалъ?
Насъ ли повидать, себя казать,
Аль по старому пожить да мнѣ служить?“
„Гой ты, батюшка, король ты хоробрòй Литвы!
Я не васъ пріѣхалъ повидать, себя казать,
Не по старому пожить, тебѣ служить,
Я прибылъ о добромъ дѣлѣ къ вамъ — о сватовствѣ
На твоей на дочери Апраксіи
За Владиміра за князя солнышка.“
Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;
А король въ сердцàхъ ихъ мѐчетъ о кирпичатъ полъ,
Чёрны кудри рветъ себѣ на гòловѣ,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Глупый князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Мѐньшую-то дочку сватаетъ,
Бòльшую во дѣвкахъ зàсадилъ!
Коль Апраксью за кого просватаю,
Такъ просватаю во Золотỳ Орду,
За того собаку царя Кàлина.
Самого тебя, Дунаюшка Ивановичъ,
Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,
За твои за рѣчи неумильныя
Посадилъ бы въ погребà глубокіе,
Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,
Позасыпалъ бы песками рудожёлтыми,
Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;
Погостилъ бы у меня ты въ хоробрòй Литвѣ,
Ума-разума въ головку понабрался бы.“
Какъ тутъ тихому Дуная за бѣдỳ пало,
Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвы ножки,
Поднялъ ручку выше гòловы,
Кулакомъ ударилъ пò столу —
Столъ дубовый порастрѐскался,
Питья на столѣ порасплескàлися,
Вся посуда на столѣ разсыпалась.
Какъ забѣгалъ тутъ король по зàстолью,
Куньей шубкой укрывается:
„Ахти, братцы! вòтъ такъ на бѣду попалъ,
Ахти, братцы! на великую.
Кàкъ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“

Со двора ли тутъ бѣгцы бѣгутъ, гонцы гонятъ:
„Ай ты батюшка, король нашъ хороброй Литвы!
Ѣшь ты, пьешь да утѣшаешься,
А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:
На твоемъ дворѣ на королевскоемъ
Добрый молодецъ невѣдомый уродствуетъ:
Во лѣвой рукѣ два повода шелковыихъ—
Держитъ двухъ коней да богатырскіихъ,
Во правой рукѣ дубинка сорочинская,
Чебурацкаго свинцу налита въ сорокъ пудъ.
Яснымъ соколомъ онъ по двору полётываетъ,
Чернымъ ворономъ онъ по двору попархиваетъ,
Изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ,
На всѣ стороны дубинкою помахиваетъ,
Крупной силы побилъ сорокъ тысячей,
Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.
Неужто намъ изъ-за дѣвки всѣмъ погинути?“
А король-то бѣгаетъ по застолью,
Куньей-шубкой укрывается:
„Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!
Ужь попомни-ка ты стару хлѣбъ да соль,
Поуйми-ка своего товарища,
Видно, дочушка самимъ вамъ Богомъ сужена.
Ужь вы, служки, нянюшки да мамушки!
Вы бѣгите-ка во теремъ ко златымъ верхамъ,
Отомкните тридевять замочиковъ,
Тридевять да сторожочиковъ,
Къ молодой Апраксьѣ королевичнѣ,
Поумойте дѣвицу бѣлёхонько,
Сокрутите хорошохонько,
Проводите на широкій дворъ,
Посадите на добра коня,
Отпустите на святую Русь,
Во замужество за князя за Владиміра.“
Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылецъ,
Унималъ любимаго товарища:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Полно же тебѣ теперь уродствовать,
А и есть намъ, видно, помочь божія.“
Проходилъ самъ ко златымъ верхамъ,
Тридевять замочиковъ отщёлкивалъ,
Дверцы со крюковъ выставливалъ—

Королевскія палаты зашаталися.
А сидитъ во теремѣ, въ златомъ верху
Молода Апраксья королевична,
Во однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Русая коса-то пораспущена.
Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
Испужалась бѣлая лебёдушка,
Бросилась какъ угорѣлая.
Воспроговорилъ Дунай Ивановичъ:
„Ай же ты, Апраксья королевична!
А идешь ли ты за князя за Владиміра?“
Говоритъ Апраксья королевична:
„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!
Три года я Богу вѣдь молилася,
Чтобъ попасть замужъ за князя за Владиміра.“
Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
Напушили личико ей бѣлое,
Сокрутили хорошохонько,
Проводили на широкій дворъ.
Бралъ ее Дунай да за бѣлы ручки,
На добра коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Да по славному раздолью по чисту полю.
Какъ настигла во раздольѣ во чистомъ полѣ,
Во пути-дороженькѣ ихъ ночка темная,
Пораздёрнули палатку полотняную,
Заходили во палатку опочивъ держать;
Въ ноженки поставили добрыхъ коней,
Въ головы ли копья долгомѣрныя,
По правой рукѣ ли сабли острыя,
По лѣвой рукѣ ли палицы тяжелыя.
А и спятъ они да высыпаются,
Темну ночку сномъ коротаютъ.
Темной ночкой ничего не видѣли,
Ничего не видѣли, да много слышали,
Слышали погоню богатырскую,
Услыхали посвистъ по-змѣиному,
Услыхали покрикъ по-звѣриному.
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!

Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
Поѣзжай-ка со Апраксьей королевичной
На святую Русь, во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Отвези ему поклоны, челомъ-бітьице,
Да подай ему невѣсту во бѣлы ручки.
Самъ я здѣсь останусь, во чистòмъ полѣ,
Со богàтыремъ побиться да порàтиться.“
И садили красну дѣвицу да на добрà коня,
На добрà коня да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицомъ,
Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
На святую Русь, на стольный Кіевъ градъ.
Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
Не съ упадкою, а со прихваткою,
Со прихваткой богатырскою
Ѣдетъ ко богàтырю на стрѣтушку.
Какъ не двѣ тутъ горушки скатилися—
Съѣхалися два могучіихъ богàтыря,
Попытать ли богатырскихъ плечъ,
Поиспробовать отваги молодецкія;
Сдѣлали разъѣздъ въ чистòмъ полѣ,
Съѣхалися во однò мѣсто,
Пріударили во палицы булатныя,
Словно громъ грянулъ въ поднѐбесьи—
Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.
Какъ разъѣхались опять въ чистòмъ полѣ,
Съѣхалися во однò мѣсто,
Пріударили во сабли острыя—
Остры сабли притупилися.
Въ третій разъ разъѣхались въ чистòмъ полѣ,
Съѣхалися во однò мѣсто,
Пріударили во копья долгомѣрныя—
Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ
Изъ сѣдла лихаго супротивничка,
Со добрà коня сронилъ да на сырù землю,
Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
Не казнилъ удàла супротивничка,
Только ко сырòй землѣ копьемъ прижалъ,
Въ бѣлу грудь тупымъ концомъ уперъ:
„Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый мòлодецъ,
Ты коѐй земли, коѐй орды,

Коегò отца да кòей матери?“
Добрый мòлодець ему отвѣтъ держитъ:
„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Что же ты меня не ѐпознавалъ?
Во одной дороженькѣ со мною ѣзживалъ,
Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживалъ,
Со одной и чарочки со мною кушивалъ.
Жилъ у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:
Трѝ года ли жилъ во конюхахъ,
Трѝ года ли жилъ во стольникахъ,
Трѝ года ли жилъ во клюшникахъ.“
„Ай же ты, Настасья королевична!
А почтò ты ѣздишь по чистѝ полю,
Поленицею удàлою полѧкуешь?“
„А почтò вы, святорусскіе богàтыри,
Увезли сестрицу мнѣ любимую?
А полѧковать я ѣзжу во чистò поле—
Поискать себѣ да супротивничка:
А и кто меня побьетъ въ чистòмъ полѣ,
За того мнѣ и замѝжъ идти!“
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Во семи землѧхъ служилъ я, во семи ордахъ,
Не съумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
А теперь я во чистòмъ полѣ
Супротивницу нашелъ себѣ, обрѝчницу.
Ай ты, молода Настасья королевична!
Собирайся-ка со мною въ путь-дороженьку,
Скидывàй-ка златъ шеломъ со буйной гòловы,
Скидывàй-ка латы со кольчугою,
Обряжайся по-дѣвичьему
Во простую епанѐчку бѣлую,
Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Сходимъ вмѣстѣ въ церковь божію,
Примемъ вмѣстѣ по златѝ вѣнцу.“
Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
Подъѣзжали къ матушкѣ ко церкви божіей;
А Владиміръ князь съ Апраксьей королевичной
Въ церковь божію ужь ко вѣнцу идетъ.
На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,

Встрѣтились сестрицы, поздоровкались,
Вмѣстѣ ли крестились и молитвились,
Вмѣстѣ ли пошли теперь и въ церковь божію,
Вмѣстѣ приняли и по злату̀ вѣнцу,
Положили заповѣдь великую:
Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ коро̀тати.
Завели тутъ свадебку, почѐстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещёный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дёнъ.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ и НАСТАСЬЯ КОРОЛЕВИЧНА ([12]).

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксьей королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ бо̀льшею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасьей королевичной.
Какъ пошли со церкви божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны,—
Заводили тутъ почѐстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещёный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дёнъ.
Всѣ-то за столы посàжены,
Всѣмъ-то яства, питьица налажены;
Всхоже солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
А почѐстенъ пиръ идетъ ко вѐселу;
Въ по̀лъ-сыта всѣ наѣдаются,
Въ по̀лъ-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежъ собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый щапъ—одёжей цвѣтною,
А богатый—золотой казной;
Кто гораздъ боротьcя рукопашкою,

Кто гораздъ стрѣляти изъ туга̀ лука,
Кто гораздъ поѣздить на добро̀мъ конѣ;
Умный хва̀лится отцомъ да матерью,
А безумный—молодой женой.
Какъ выходитъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Изъ-за тѣхъ скамеечекъ окольныихъ,
Отъ своей семеюшки любимыя,
Молодой Настасьи королевичны;
Сталъ Дунай по горенкѣ похаживать,
Пословечно выговаривать:
„А и нѣту мо̀лодца во Кіевѣ
Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
Отъ того отъ короля Литовскаго
Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
Самъ себя женилъ и друга по̀дарилъ.“
Говоритъ ему Настасья королевична:
„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я по̀была,
Много я во Кіевѣ повы̀знала:
Нѣту силой мо̀лодцевъ, ухваткою
Супроти̇̀въ Самсона да Самойлова,
Нѣтъ поѣздкой мо̀лодцевъ, посадкою
Супротивъ Михайла По̀тыка Иванова,
Уговоромъ мо̀лодцевъ, смиреньицемъ
Противъ молода Добрынюшки Никитича,
Красотою мо̀лодцевъ, угожествомъ
Противъ князя солнышка Владиміра,—
А на выстрѣлъ нѣту изъ туга̀ лука
Супроти̇̀въ Настасьи королевичны:
На твою головку молодецкую
Покладу свое колечико серебряно,
Понаставлю свой булатный ножъ,
Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
Три̇̀ раза калёну стрѣлочку повы̀стрѣлю,
Пропущу сквозь то колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Чтобъ разсѣклась стрѣлочка калёная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взгля̀дъ равны,
Покатилися бы на двѣ стороны,

Не сронили бы колечика съ головушки.“
Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты, Настасья королевична!
А мы выйдемъ-ка съ тобою во чистò поле,
Востроты другъ ỳ друга отвѣдаемъ,
Кто стрѣлять гораздѣй изъ тугà лука.“
Выходилъ Дунай съ ней во чистò поле,
Полагалъ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую,
Понаставилъ свой булатный ножъ;
Отошла Настасья королевична
Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ,
Брала въ ручки тỳгой лукъ разрывчатый,
Налагала стрѣлочку калёную:
Натянула зà ухо тетивочку,
И спущала стрѣлочку калёную:
Пропустила сквозь колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому;
Раскололась стрѣлочка калёная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатились на двѣ стороны,
Не сронили съ головы колечика.
Трѝ раза Настасья королевична
Пропустила стрѣлочку калёную
Во колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Да не сшибла съ головы колечика.
Говоритъ Дунай ей таковы̀ слова:
„Ай же ты, Настасья королевична!
Становись-ка супротѝвъ меня.“
Полагалъ колечико серебряно
Ей на буйную головушку,
Понаставилъ свой булатный ножъ,
Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.
Первый разъ стрѣлилъ — перѐстрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ — не дòстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ — попасть не могъ.
Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова
Разгорѣлося тутъ ретивò сердцо,
Ретивò сердцò да молодецкое;

Сталъ онъ стрѣлочкой помахивать,
Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:
„Ай же ты, моя стрѣла любимая!
Ужь пади-ка ты не на̀ воду, не на̀ землю,
Попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь.“
Восполо̀шилась княгинюшка Апраксія,
Стала тихаго Дуная уговаривать:
„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,
Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!
То была лишь шуточка пошучена.“
Возмолѝлася ему и молода̀ жена,
Кланялася въ землю, убивалася,
Горючьмѝ слезами уливалася:
„Гой еси ты, мой любезный ладушка,
Молодой Дунаюшка Ивановичъ!
Ты прости, прости меня во женской глупости!
Ты оставь-ка шутку до другаго дня;
Ты теперь, Дунаюшка, хмѣльнёшенекъ,
Ты теперь, Дунаюшка, пьянёшенекъ,
Угодишь и въ-правду въ молоду̀ жену,
Сдѣлаешь головку безповинную.“
Стали всѣ князья да бо̀яре,
Сильные, могучіе бога̀тыри
Тихаго Дуная уговаривать.
Озадо̀рился Дунай, не слушаетъ,
Налагаетъ стрѣлочку калёную;
Спѣла у туга̀ лука тетивочка,
Угодила стрѣлочка калёная
Молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь,
Пала молода Настасья на сыру̀ землю,
Облила̀ся кровію горючею;
Тутъ Настасьѣ и сла̀ву поютъ.
Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,
Запечалился Дунаюшка, расплакался,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ пади головкой и ясёнъ соколъ!“
Вынималъ изъ но̀женъ саблю острую,
Становилъ въ сыру̀ землю тупымъ концомъ,
Падалъ самъ на саблю ретивы̀мъ сердцомъ;
Тутъ и тихому Дунаюшкѣ славу̀ поютъ.
Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,

Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченька;
А гдѣ палъ головкою ясёнъ соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекала славная Дунай-рѣка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣстò опять сходилися.
Выростало тутъ два древца кипарисныихъ,
Во одно мѣстò верхушки совивалися,
Вѣточки со вѣточками сплетталися:
Малы дѣти идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
Стары люди идутъ—понаплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

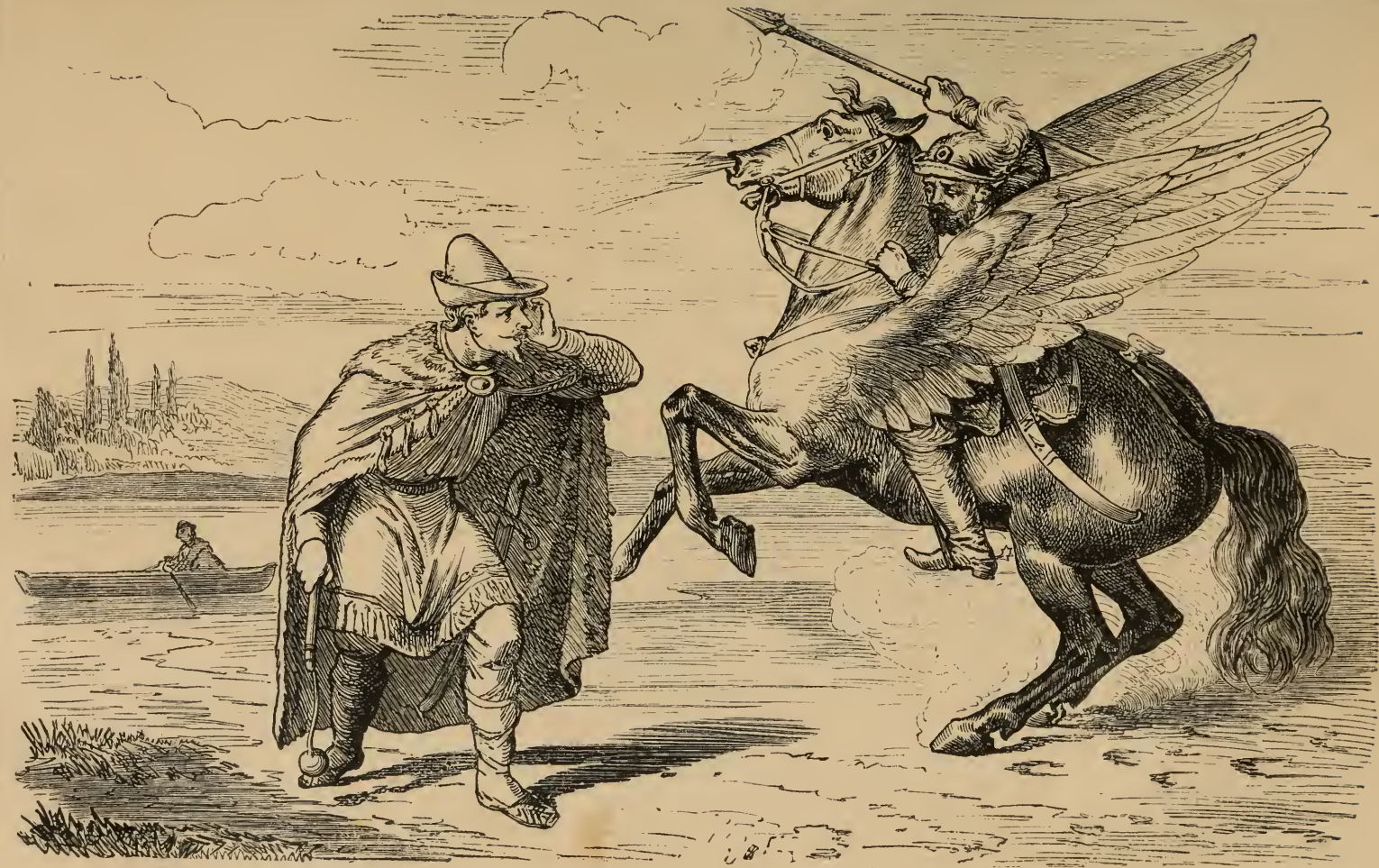
АЛЕША ПОПОВЧИЪ ([13]).

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясёнъ соколъ съ соколикомъ вылётывалъ—
Выѣзжали два могучіихъ богàтыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, ([14])
Съ нимъ молоденькій Екимъ Ивановичъ.
Ѣздили богàтыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское:
Ѣздили, гуляли по чисту̀ полю,
Не наѣзживали ничего въ чистòмъ полѣ,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали звѣря порыскучаго;
Только и наѣхали въ чистòмъ полѣ
Три дороженьки широкія,
Промежду̀ дороженекъ горючъ камѐнь лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой, Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поучёный въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи.
Что̀ на камнѣ-то подписано?“

Соскочилъ Екимъ тутъ со добра̀ коня,
Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
А на камнѣ три дороженьки расписаны:
„Первая дороженька на Муромъ градъ,
А другая на Черниговъ градъ,
Третья ли ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“
Говоритъ Екимъ Ивановичъ:
„Ай ты, братецъ мой, Алешенька Поповичъ младъ!
Ты какой дорожкою изволишь путь держать?“
Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:
„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“
Повернули добры молодцы добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Не доѣхавши до славной до Сафатъ-рѣки, (15)
Становились на лугахъ зеленыихъ,
Покормить своихъ добрыхъ коней,
Разставляли два бѣлыхъ шатра.
И Алеша поизволилъ опочивъ держать.
Мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ добрыхъ коней
Въ зѐленъ лугъ пустилъ стреноживши,
Самъ въ шатеръ ложился опочивъ держать.
Какъ прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алеша пробуждается,
Возстаетъ ранò ранёшенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкой утирается,
Ко востоку Богу молится.
Молодой Екимъ Ивановичъ
По добрыхъ коней сходилъ скорёшенько,
Попоить сводилъ ихъ на Сафатъ-рѣку.
Приказалъ Алеша тутъ сѣдлать добрыхъ коней.
Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,
Снаряжалися ко городу ко Кіеву.
Приходилъ къ нимъ тутъ калика перехожая: (16)
Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковыренные чистымъ сѐребромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная да долгополая,

Шляпа сорочинская да земли греческой,
Шелепуга подорожная
Чебурацкаго свинцу налѝта въ тридцать пудъ.
Говоритъ калика перехожая:
„Ой вы гой еси, удàлы добры мòлодцы!
Видѣлъ я за славной за Сафатъ-рѣкой
Молода Тугарина Змѣёвича: ([17])
Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежъ плечъ-то у него косà сажень,
Промежъ глазъ-то каленà стрѣла,
Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлѝща-то огòнь пышетъ,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ валитъ."
Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!
Дай свое мнѣ платьице каличее,
Самъ возьми мое да богатырское,
Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,
Подковыренные чистымъ сѐребромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
Шубку соболиную да долгополую,
Шляпу сорочинскую да земли греческой,
Шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу налѝту въ тридцать пудъ."
Не отказывалъ калика перехожая,
Далъ ему свое онъ платьице каличее,
Надѣвалъ самъ платье богатырское.
Наряжается Алешенька каликою,
Взялъ съ собою шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу налѝту въ тридцать пудъ,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И пошелъ за славную Сафатъ-рѣку.
Какъ завидѣлъ тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ
Отъ далѝ Алешеньку Поповича,
Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ,
Инъ продрогнула дубравушка зелёная,
Младъ Алеша еле живъ идетъ.
Говоритъ ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:
„Ай ты гой еси, калика перехожая!
Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ
Про младà Алешу про Поповича?
Я бъ Алешу закололъ копьемъ,

Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ."
Говоритъ Алешенька каликою:
„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчищу:
Не слыхать мнѣ отъ далй-то, что̀ ты го̀воришь."
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ.
Какъ сверста̀лся младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ,
Повалилъ собаку на сѣру̀ землю,
Самъ вскочилъ ему на чёрну грудь.
А и взмо̀лится Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
Ты не самъ ли есть Алешенька Поповичъ младъ?
Если ты Алеша—побратаемся."
Въ тѣ̀ поры Алешенька врагу не вѣровалъ,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да на̀ сто тысячей,
Самого во торокй вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился, на люта̀ звѣря,
И поѣхалъ ко своимъ бѣлы̀мъ шатрамъ.
Какъ увидѣли его Екимъ съ каликою,
Испужались, сѣли на добры̀хъ коней,
Побѣжали ко Ростову городу.
Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.
Какъ обёрнется Екимъ Ивановичъ,
Показался онъ ему Тугариномъ,
И выдёргивалъ онъ боевую па̀лицу,
Палицу булатную во тридцать пудъ,
И бросалъ ее назадъ себя—
Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,
Сшибъ Алешу изъ черкасскаго сѣдёлышка,
И упалъ онъ на сыру̀ землю.
Соскочилъ Екимъ тутъ со добра̀ коня,
Сѣлъ ему на груди бѣлыя,
Ладитъ ихъ пороть ему чингалищемъ—
И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,
Самъ заплакалъ, говоритъ каличищу:
„По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,
Что убилъ я братца своего родимаго!"



„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко ста̀рчищу:
Не слыхать мнѣ отъ далѝ-то, что̀ ты го̀воришь.“

Стали оба тутъ его трясти, качать,
Пòдали ему питья заморстаго,
И пришелъ онъ отъ того ко живности.
Помѣнялися они съ каликой платьицемъ:
Надѣвалъ калика платьице каличее,
Надѣвалъ Алеша богатырское,
А Тугарина-то платье цвѣтное
Положили въ торокѝ къ себѣ.
Сами сѣли на добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Соскочили со добрыхъ коней,
Привязали ко столбамъ дубовымъ
И пошли во гридни свѣтлыя.
А у ласковаго князя у Владиміра
Со его княгиней со Апраксіей
Поразставлены столы дубовые,
И идетъ хорошъ почѐстенъ пиръ.
Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
Молятся святому Спасу образу,
Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Говоритъ имъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси вы, добры мòлодцы!
А и какъ же васъ зовутъ по имени,
Величаютъ по изотчеству?
Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать.“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Я изъ славнаго Ростова, красна города,
Сынъ Леонтья, стараго попа соборнаго,
А зовутъ Алешею Поповичемъ.
Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
Голову̀ срубилъ чудовищу,
Въ торокàхъ его привезъ къ тебѣ.“
Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
Говоритъ Алешѣ таковы̀ слова:
„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
А садись-ка ты да по отечеству
Во большое мѣсто, во большòй уголъ,

Во другое мѣсто богатырское—
Во скамью дубову супротивъ меня,
Въ третье мѣсто—куда самъ захошь."
Не садился младъ Алеша во большой уголъ,
Не садился во скамью дубовую,
Сѣлъ онъ со товарищами на палатный брусъ.
Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси вы, слуги вѣрные!
Вы идите-ка да на широкій дворъ
За чудовищемъ Тугариномъ Змѣевичемъ,
Вы берите-ка со тороковъ его,
Принесите предъ лицо мое."
И идутъ двѣнадцать добрыхъ молодцевъ,
Принесли Тугарина Змѣевича
На доскѣ изъ красна золота,
Посадили во большой уголъ,
Рядомъ со княгиней со Апраксіей. ([18])
Были же тутъ повара догадливы:
Приносили яствушекъ сахарныихъ,
Приносили бѣлую лебёдушку.
Стали ѣсть всѣ, прохлажатися;
А Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ нечестно ѣстъ:
По ковригѣ цѣлой за щеку мечётъ,
Проглотилъ заразъ всю лебедь бѣлую,
Закусилъ еще ковригой монастырскою.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Какъ у моего у государя батюшки,
У Леонтья у попа Ростовскаго,
Было псище старое, сѣдатое,
Еле по подстолію таскалося;
Какъ хватило псище кость великую,
Гдѣ хватило, тамъ и подавилося;
Подавиться и Тугарину Змѣевичу
Отъ меня Алеши отъ Поповича."
Почернѣлъ Тугаринъ какъ осення ночь,
Прояснѣлъ Алеша, какъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
Были повара опять догадливы:
Приносили зелена вина,
Приносили питьицевъ медвяныихъ,
Питьицевъ медвяныихъ, заморскіихъ.
Стали пить всѣ, прохлажатися;
А Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ нечестно пьетъ:

Въ разъ охлёстываетъ чары цѣлыя,
Каждая-то чара въ полтора ведра.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Какъ у моего родителя у батюшки,
У Леонтья у попа Ростовскаго,
Было старое корòвище,
Еле по двору таскалося,
На поварню къ поварамъ забилося,
Браги прѣсной цѣлый чанъ охлестнуло,
Гдѣ охлестнуло—и треснуло:
Треснуть и Тугарину Змѣевичу
Отъ меня Алеши отъ Поповича.“
Потемнѣлъ Тугаринъ какъ осення ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ во Алешу во Поповича;
Да Алешенька на то повёртокъ былъ,
И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
А стоялъ у печки у мурàвленой
Молодой Екимъ Ивановичъ,
Налету чингалище подхватывалъ,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:
„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Самъ не брошу и тебѣ бросать не дамъ.
Зàутро ужò съ нимъ перевѣдаюсь:
Бьюся съ нимъ я о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ—
Бьюся о своей о буйной гòловѣ.“
Въ тѣ поры князья и бòяре
Повскочили на рѣзвы ноги,
Всѣ поруки держатъ за Тугарина:
Какъ по сту рублей князья кладутъ,
По пятидесяти бòяре,
А крестьяне по пяти рублей.
Гости ли торговые случилися:
Подъ Тугарина Змѣевича
Подписали корабли свои,
Чтò стояли на быстрòмъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Изо всѣхъ владыка лишь черниговскій.

Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушелъ,
На добра коня садился, на люта звѣря;
Поднялся на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ высоко близъ подъ облакомъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добрыхъ коней садилися,
И поѣхали ко славной ко Сафатъ-рѣкѣ;
Поразставили бѣлы шатры,
Отпустили коней въ зелены луга,
Сами стали опочивъ держать.
Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ да на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:
„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сыру землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посъѣхаться.“
По тому ли по Алешину моленію,
По Господнему да по велѣнію,
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,
Палъ Тугаринъ на сыру землю.
Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сырой землѣ.
Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ съ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И садился на добра коня,
Ѣдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.
А Тугаринъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ да по сырой землѣ,
Увидалъ Алешеньку Поповича,
Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?
Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?
Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“
Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,

Чтобы снять съ Алеши буйну голову;
А Алеша былъ востёръ собой:
Завернулся за ту гриву лошадиную;
Промахнулося чингалище булатное
И ушло въ сырỳ землю до чѐрена.
Говоритъ Алешенька Тугарину
Изъ-за гривы лошадиныя:
„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ:
Биться-драться одинъ-нà-одинъ,
А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ
На меня Алешу на Поповича.“
Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,
Младъ Алеша былъ востёръ собой:
Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,
Да ударитъ палицей тяжелою
Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—
Своротилося главѝще на правỳ страну,
Туловѝще да на лѣвую.
Соскочилъ Алеша со добрà коня,
Брàлъ чингалище булатное,
Прокололъ собакѣ уши въ гòловѣ,
Да главѝща-то не можетъ на плечо поднять,
Жалкимъ голосомъ кричитъ товарищамъ:
„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!
Подсобите-ка главѝще на плечо поднять.“
Подъѣзжали вѣрные товарищи,
Помогли главѝще на плечо поднять.
И несетъ его Алеша ко добрỳ коню,
Привязалъ кудёрушками желтыми
Къ стременамъ ко лошадиныимъ,
И повезъ ко городу ко Кіеву.
Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Бросилъ онъ середь двора чудовище.
Увидалъ ихъ ласковый Владиміръ князь,
Выходилъ къ нимъ на краснò крыльцо,
Проводилъ ихъ въ гридни свѣтлыя,
За убрàные столы сажалъ,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:
„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
Ужь живи-ка ты теперь у насъ во Кіевѣ,

Послужи-ка мнѣ, князю Владиміру;
До-люби тебя пожалую.“
Такъ про молода Алешу старину поютъ,
Морю синему на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ НИКИТИЧА СЪ ЗМѢЕМЪ ГОРЫНЧИЩЕМЪ.

Середи ли было лѣта краснаго,
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшкѣ Никитичу
Во студёной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходилъ Добрыня къ родной матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ,
Говорилъ ей таковы слова:
„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужь ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Съѣздить ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: ([19])
Мнѣ охота во студёной, быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.“
Говоритъ Добрынѣ родна матушка,
Та честна вдова многоразумная:
Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынышка Никитичъ младъ!
Ты не ѣзди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь сѣчётъ,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,
Изъ-за третей струйки дымъ столбомъ валитъ,

Дымъ столбомъ валитъ да съ жаромъ-пламенемъ."
Не послушался Добрыня рòдной матушки,
Выходилъ онъ изъ столовой горенки
Да во славныя палаты бѣлокаменны,
Одѣвалъ одёжицу дорожную,
Накрывался шляпой земли греческой,
Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
И уздалъ, сѣдлалъ добрà коня;
Бралъ копье съ собою долгомѣрное,
Тýгой лукъ да калены̀ стрѣлы,
Саблю острую да палицу тяжелую—
Не для драки бралъ, для кроволитьица,
Для потѣхи бралъ для молодецкія.
Какъ садился тутъ Добрыня на добрà коня,
Какъ съѣзжалъ да съ широкà двора
Съ молодымъ слугою, съ малымъ пàробкомъ,—
Плеткою добрà коня понуживалъ,
Палицей булатною поигрывалъ,
Долгомѣрнымъ копьемъ да поворачивалъ.
Какъ поѣхалъ по чистý полю да ко Пучай-рѣкѣ,
Какъ проѣздилъ часъ-другой по красну солнышку—
Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Пришравлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
Соскочилъ скорѐнько со добрà коня,
Бросилъ поводъ малу пàробку:
„Ай же ты, дѣтинка, малый пàробокъ!
Подержи-ка мнѣ, покарауль коня."
Снялъ съ головки шляпу земли греческой,
Разболàкивалъ одёжицу дорожную,
Штаники со спусками да чёрны чòботы,
Скидывалъ рубашку миткалйную,
Да спустился во студёну, быстру рѣченьку.
Заходилъ за стрýечку за первую,
Заходилъ за стрýечку за среднюю,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
Мнѣ, Никитичу, наказывала рòдная:
— Не купайся ты, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая.—
Анъ Пучай-то рѣченька кротка, смирна,

Будто лужица дождёвая.“
Не успѣлъ Добрыня слòво смолвити,
Вѣтра нѣтъ, а тучу нàнесло,
Тучи нѣтъ, а будто дождь дождитъ,
И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,
Громъ гремитъ, да свищетъ молнія.
Ни отколь на молода Добрынюшку
Налетѣло змѣище Горынчище,
Лютая змѣя о трехъ о гòловахъ,
О двѣнадцати змѣя о хòботахъ.
Говоритъ ему змѣя проклятая:
„А вѣдь стары люди-то пророчили,
Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчищу,
Молодымъ Добрынею Никитичемъ,
А теперь Добрыня самъ въ моихъ рукахъ!
Захочу теперь—Добрыню я огнемъ сожгу,
Захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру,
Захочу теперь—Добрыню въ хобòта возьму,
Въ хобòта возьму, да во полонъ снесу.“
Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же ты, змѣя проклятая!
Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,
Въ тỳ пору Добрынюшкой и хвастайся,
А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ.“
Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:
Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,
Такъ у здѣшняго повынырнулъ;
Вышелъ по желтỳ песку да на крутòй берёгъ.
Въ тỳ пору-то пàробокъ былъ тòропокъ:
Вонъ угналъ коня Добрынина,
Взялъ съ собой копье Добрынино,
Тỳгой лукъ и калены̀ стрѣлы,
Саблю острую и палицу тяжелую—
Нечѣмъ-то ему съ змѣею попротивиться.
А она опять летитъ, проклятая,
Сыплетъ искрами горючими,
Жжетъ ему да тѣло бѣлое.
Пріужàхнулося сердце богатырское!
Поглядѣлъ Добрынюшка по бèрежку—
Не случилось ничему лежать на бèрежкѣ,
Нèчего-то взять ему въ бѣлы̀ ручки.

Вспомнилась Добрынѣ рòдна матушка:
„Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, рòдная
Во Пучай-рѣкѣ купатися;
А теперь приходитъ мнѣ кончинушка!“
Поглядѣлъ въ послѣдній разъ по бѐрежку—
Увидалъ тутъ шляпоньку на бѐрежкѣ,
Шляпоньку свою да земли греческой.
Скоро бралъ онъ шляпоньку въ бѣлы̀ ручки,
Насыпа̀лъ въ нее песочку желтаго,
Желтаго песочку цѣлыхъ трѝ пуда,
Да со всей досадушкой великою
Какъ ударитъ шляпонькой поганую—
Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,
Повалилъ змѣю съ размаху на сырỳ землю,
На сырỳ землю да во ковыль-траву,
Повскочилъ на груди ей колѣнками,
Отшибить ей хочетъ остальные хоботы.
Какъ возмòлится змѣя Добрынюшкѣ:
„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка!
Не убей меня ты за напраслину,
А спусти летать да по бѣлỳ свѣту:
Буду я тебѣ сестрою мѐньшею,
Будешь ты мнѣ братцемъ бòльшіимъ. (20)
И положимъ мы съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь велику, нерушѝмую:
Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшкѣ, въ чистò поле,
Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;
Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,
Не носить въ полонъ народу христіанскаго.“
Поддался̀ Добрынюшка на рѣчь лукавую,
Положилъ съ змѣею заповѣдь великую,
И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.
Поднялася̀ вверхъ змѣя подъ òблака,
Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;
Пролетая черезъ Кіевъ градъ,
Увидала князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну, (21)
Чтò повышла съ мамками да съ няньками
Погулять во зеленомъ саду,—
Припадала лютая къ сырой землѣ,
Ухватила князеву племянницу

Въ хобота свои змѣиные,
Унесла съ собой на гòру Сорочинскую, ([22])
Во пещерушки свои змѣиныя.
Въ тỳ пору Добрынинъ малый пàробокъ
Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру мòлодцу,
Подавалъ одежицу дорожную,
Подводилъ коня да богатырскаго.
Только сѣлъ Добрыня на добрà коня—
Какъ не тѣни темныя затѐмнѣли,
Какъ не тучи черныя попàдали—
Какъ летитъ по воздуху змѣя проклятая,
Въ хоботàхъ несетъ да князеву племянницу.
Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на свой широкій дворъ,
Проходилъ въ палату бѣлокаменну,
Во столову горенку ко рòдной матушкѣ,
Да садился на брусòву лавочку,
До самòй земли повѣсилъ буйну голову,
Ни словечкомъ не промолвился.
Подходила ко Добрынѣ рòдна матушка,
Стала старая его выспрашивать,
Стала старая вывѣдывать:

„Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:
„Не объ чемъ я не кручинюся,
Не объ чемъ я не печалюся;
Только дай-ка, матушка, прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
У него, у князя у Владиміра,
Зачался почѐстенъ пиръ да на двѣнадцать дѐнъ,
На многихъ князей его, на бòяровъ,
Да на всѣхъ могучіихъ богàтырей.“
Говоритъ Добрынѣ рòдна матушка:
„Ай ты, свѣтъ мой, душенька Добрынюшка!
Не ходи-ка ты ко князю на почѐстенъ пиръ,
А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
Хлѣба-соли ѣшь-ка до-сыта,

Зелена̀ вина пей до̀-пьяна,
Золотой казны держи по на̀добью.“
Не послушался Добрыня матушки,
Снаряжался, отправлялся на почѐстенъ пиръ
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Какъ на этомъ старина кончается,
А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

ВТОРОЙ БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ
На почѐстенъ пиръ ко князю ко Владиміру,
Какъ проходитъ въ гридню княженецкую,
Гдѣ стоятъ столы дубовые,
Стланы скатерти шелкòвыя,
Понакладаны уѣдушки сахàрныя,
Поразставлены напиточки медвя̀ные,—
Крестъ кладетъ онъ по писàному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большòй уголъ,
Во большой угòлъ, во мѣсто бòльшее.
Какъ тутъ ласковый Владиміръ князь
По столовой гриднѣ запохаживалъ,
На своихъ богàтырей посматривалъ,
Пословечно, сударь, выговаривалъ:
„Ай вы, сильные, могучіе богàтыри!
Хоть идетъ у насъ почѐстенъ пиръ на-вѐселѣ,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчище
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.

Вы подумайте-ка, братцы, посовѣтуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Съѣздить на ту гòру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ
Отыскать, добыть любимую племянницу?"
То услышавши, могучіе богàтыри
Большіе туляются за средніихъ,
Средніе хоронятся за мѐньшіихъ,
А отъ меньшіихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходитъ тутъ изъ-за стола съ-за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:
„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кіевскій!
Былъ вчерась я во чистòмъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣки Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-рàтился,
Покорилася змѣя ему, винилася,
Называла братцемъ бòльшіимъ,
Нарекалася сама сестрою мѐньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ бою, бозъ драки-кроволитьица
У назвàной у сестры своей повыпроситъ."
И возговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты садись-ка на добрà коня,
Поѣзжай-ка на ту гòру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Прикажу тебѣ, Добрынѣ, голову̀ рубить."
Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,
Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныихъ,
Отдавалъ великое почтеніе
Князю за весёло пированьице,
И пошелъ къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Какъ пришелъ въ столовую во горенку

Ко своей ко рòдной матушкѣ,
Говоритъ ему тутъ рòдна матушка,
Та честнà вдова Афимья Александровна:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты объ чемъ, про чтò такъ пригорюнился,
Пригорюнился да закручинился?
Мѣсто ли въ пиру былò не пò чину,
Чарой ли въ пиру тебя подòбнесли,
Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“
Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ.
„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было пò чину,
Чарою въ пиру меня не òбнесли,
Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
А накинулъ на меня Владиміръ князь
Служебку не малую, великую—
Съѣздить на ту гòру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ,
Отыскать ему, добыть племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.“
Говоритъ Добрынѣ рòдна матушка:
„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
Мудренѣе утро будетъ вечера:
Встанешь утрушкомъ отъ молодецка сна,
Заходи въ конюшеньку стоялую,
Выводи буркà съ конюшеньки,
Дѣдова коня матёраго,
А стоитъ бурка пятнадцать лѣтъ,
По колѣна ноженьки въ назёмъ зарощены,
Дверь по пòясу въ назёмъ ушла.“
И ложился спать Добрыня съ вечера,
Утрушкомъ вставалъ ранёшенько,
Умывался водушкой бѣлёшенько,
Утирался полотёнышкомъ сушохонько,
Подкрутился хорошохонько,
Выходилъ къ конюшенькѣ стоялоей,
Изъ назема дверь повытащилъ,
Дѣдову коню матёрому
Изъ назема ноженьки повыдернулъ.
Выводилъ за уздицу тесьмянную
На широкій дворъ добрà коня,
Сталъ добрà коня засѣдлывать, улаживать:

Полагалъ сперва подпотничекъ,
На подпотничекъ клалъ потничекъ,
Сверху потничка еще да войлочекъ,
А на войлочекъ черкасское сѣдёлышко—
Что сѣдёлышко-то изукрашено:
Цѣнными шелкàми пообшивано,
Да червоннымъ золотомъ обвивано.
Сталъ подтягивать тутъ пòдпруги шелковоньки,
Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
Полагаетъ пряжки красна золота:
Шелкъ не пòрвется, булатъ не пòтрется,
Красно золото не ржàвѣетъ,
Добрый мòлодецъ въ сѣдлѣ не стàрѣетъ.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать пòдпруговъ,
Клалъ еще тринадцатый для крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра мòлодца въ чистòмъ полѣ не выронилъ.
Какъ садился тутъ Добрыня на добрà коня,
Какъ съѣзжалъ да съ широкà двора,
Провожала его рòдна матушка,
Подавала на поѣздѣ плёточку,
Плеточку семи шелковъ да разныихъ,
Говорила, слезы утираючи:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Ты возьми-ка плеточку семи шелковъ:
Какъ пріѣдешь на ту гору Сорочинскую,
Какъ начнешь змѣенышей потаптывать,
Да не станетъ бурушко поскакивать,—
Ты хлыщи бурка промѐжъ ушей,
Промежъ ногъ хлыщи да промежъ задніихъ:
Станетъ у тебя бурка поскакивать,
Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать,
Всѣхъ притопчетъ до единаго.“
Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
Откатилось яблочко отъ яблоньки,
Отъѣзжаетъ сынъ отъ рòдной матушки
Въ чужедальнюю сторонушку.
День уходитъ зà день будто дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
Ѣдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу;
Въѣхалъ на ту гору Сорочинскую,

Сталъ топтать поганыихъ змѣенышей.
Подточили тутъ змѣеныши
У добрà коня копытушки,
И не можетъ добрый конь поскакивать,
Сталъ онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
Вспомнилъ тутъ Добрынюшка наказъ родительскій,
Выдернулъ онъ плетку изъ-за пояса,
Плеточку семи шелковъ да разныихъ,
Сталъ хлыстать буркà промѐжъ ушей,
Промежъ ногъ хлыстать да промежъ задніихъ,
Сталъ буркỳ да приговаривать:
„Ай ты, бурушко, скачи-поскакивай,
Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивай.“
Сталъ тутъ бурушко скакать-поскакивать,
По верстѣ да по другой помахивать,
По колѣнушки въ сырỳ землю погрязывать,
Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать,
За три выстрѣла да камешки откидывать;
Сталъ онъ прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать,
Притопталъ всѣхъ до единаго.
И сходилъ Добрыня со добрà коня,
Облачался во доспѣхи крѣпкія,
Бралъ во праву руку саблю острую,
Полагалъ подъ лѣвую подъ пазушку
Палицу тяжелую булатную,
На бѣлы̀ груди копье да долгомѣрное,
Клалъ подъ поясъ шелепугу подорожную,
Съ ней и плеточку семи шелковъ—
И пошелъ къ пещерушкамъ змѣиныимъ.
Какъ не тѣни темныя затѐмнѣли,
Какъ не тучи черныя попàдали—
Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
Увидала молода Добрынюшку—
Опустила тѣло мертвое
На сырỳ землю, на муравỳ-траву,
Подлетѣла къ молоду Добрынюшкѣ:
„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка!
Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь,
Притопталъ моихъ дѣтенышей-змѣенышей?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:
„Ай же ты, змѣя проклятая!
Я-ль нарушилъ нашу заповѣдь,
Али ты, змѣя, ее нарушила?
Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочъ Путятичну
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица.“
Не хотѣла отдавать змѣя
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица,
Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.
Бились-ратились они тутъ двое суточекъ,
А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,
Начала змѣя его покидывать,
Начала его побрасывать.
Вспомнилъ онъ опять про плеточку,
Плеточку семи шелковъ да разныихъ,
Бралъ во праву руку плеточку,
Лѣвою поймалъ змѣю поганую,
Преклонилъ ее къ сырой замлѣ,
Билъ той плеточкой шелковою,
Укротилъ аки скотинушку.
Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,
Распиналъ ее да по чисту полю,
Разрубилъ на мелки частички.
И пошла съ востока внизъ до запада
Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;
Простоялъ въ крови Добрыня трое суточекъ—
Не пожрала крови той сыра земля.
Бралъ опять Добрыня плеточку шелковую,
Билъ той плеточкой сыру землю,
Самъ землѣ да приговаривалъ:
„Разступись-ка, мать-сыра, земля
На четыре раступись на четверти,
Всю пожри-ка кровь змѣиную.“
Раступилась мать-сыра земля
На четыре да на четверти,
Всю пожрала кровь змѣиную.
И сошелъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко пещерушкамъ змѣинымъ.
Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
Подперто желѣзными подпорами—

„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
Для тебя съ змѣею бился-ратился.
Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ.“

Не пройти въ пещерушки змѣиныя.
Онъ желѣзныя подпоры прочь откидывалъ,
Мѣдные затворы вонъ отдвигивалъ,
Проходилъ въ пещерушки змѣиныя.
А сидитъ тамъ полонòвъ-то много множество:
Съ сорокà земель царей, царевичей,
Съ сорокà ли королей да королевичей,
А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
И спрогòворилъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же вы, цари, царевичи,
Короли да королевичи,
Ты, простая силушка несмѣтная!
Выходите-ка на божью волюшку,
Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ.“
Стали выходить они на божью волюшку,
И пошелъ у нихъ великій шумъ.
Не видать одной Забавушки Путятичны.
Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
Только тутъ нашелъ Забавушку Путятичну,
Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
Со стѣны снималъ онъ красну дѣвушку,
Бралъ ее за бѣлы ручушки,
Выводилъ съ пещерушекъ змѣиныихъ,
Говорилъ ей таковы слова:
„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
Для тебя съ змѣею бился-рàтился.
Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ,
Къ твоему ко дядушкѣ любимому,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“
И садился тутъ Добрыня на добрà коня,
И садилъ съ собою красну дѣвушку,
И повезъ съ собою по чистỳ полю.
Говоритъ Добрынѣ красна дѣвушка,
Молода Забава дочь Путятична:
„За твою за вы̀слугу великую
Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
Называть мнѣ такъ Добрыню нè можно;
За твою за выслугу великую
Назвала бы братцемъ да родимыимъ—

Называть тебя и братцемъ нѐ можно;
За твою за выслугу великую
Назвала бы другомъ да любимыимъ—
Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!"
Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!
Ты изъ роду княженецкаго,
Я изъ роду изъ боярскаго—
Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ."
И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
А Владиміръ князь ужь на крыльцѣ стоитъ,
Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра̀ коня,
Опущалъ онъ на земь красну дѣвушку,
Подводилъ племянницу къ Владиміру,
Подавалъ ему во бѣлы ручушки.
И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтныимъ,
Поклонялся до самой земли:
„А спасибо же тебѣ, Добрынюшкѣ!
Сослужилъ ты службу мнѣ великую,
Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.
Никого не могъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
Изо всѣхъ могучихъ изъ бога̀тырей
Одного тебя нашелъ, Добрынюшку!"
Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина;
Во слезахъ брала его въ бѣлы ручки,
Цѣловала во уста саха̀рныя.
И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
Что для молодца Добрынюшки Никитича,
Для другой—Забавушки Путятичны.
Такъ про молодца Добрынюшку Никитича
Славу славятъ, старину поютъ,
Морю синему ли на утѣшенье,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

СТАВЕРЪ ГОДИНОВИЧЪ и ВАСИЛИСА МИКУЛИЧНА (23)

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице, почѐстенъ пиръ
На многихъ князей, на бо̀яровъ,
На всѣхъ го̀стюшекъ столовыихъ,
На всѣхъ людушекъ торговыихъ,
На всѣхъ званыхъ-браныхъ, приходящіихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честно̀мъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудь всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто уда̀лымъ молодечествомъ,
Иной хвастался добры̀мъ конемъ,
А другой ли шелковы̀мъ портомъ,
Изо всѣхъ гостей Ставёръ Годиновичъ, (24)
Молодой торговый гость черниговскій, (25)
Лишь одинъ сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то мо̀лодецъ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по горенкѣ,
Самъ Ставру̀ да воспрого̀воритъ:
„Ахъ ты, молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, мо̀лодецъ, не хвастаешь?
Али нѐчѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?“
Отвѣчаетъ молодой Ставёръ Годиновичъ:
„Нечѣмъ мнѣ, Ставру̀, предъ вами здѣсь похвастати!
Мнѣ похвастать—не похвастать отцомъ-матушк
Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:
Золота̀ казна торговая не то̀щится,
Малы денежки торговыя не дѐржатся.
Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платьицемъ:
Цвѣтны платьица мои не носятся:

У меня есть тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ—портныхъ все мастеровъ,
Шьютъ кафтанцы мнѣ все снова-на-ново;
День держу кафтанчикъ, подержу другой,
Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ-бояромъ, повыпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чоботомъ:
Чоботы мои не держатся:
У меня есть тридцать молодцевъ,
Тридцать молодцевъ—сапожныхъ мастеровъ,
Шьютъ мнѣ чоботы все снова-на-ново;
День держу ихъ, проношу другой,
Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ-бояромъ, повыпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать—не похвастать и добрымъ конемъ:
Добры кони у меня не ѣздятся:
У меня кобылочки все златошерстныя,
Все даютъ жеребчиковъ хорошенькихъ;
Что получше-то жеребчики—то ѣзжу самъ,
Что похуже—то сгоню на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ-бояромъ, повыпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
А и нечѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.
Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
Василисой дочерью Микуличной? (26)
Какъ во лбу-то у нея свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ—звѣзды частыя,
Бровушки чернѣе чёрна соболя,
Очушки яснѣе ясна сокола;
Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продастъ да выкупитъ;
А тебя, Владиміра, съ ума сведетъ."
На то слово на пиру всѣ призамолкнули,
А Владиміру то слово не слюбилося,
спроговоритъ Владиміръ таковы слова:
„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы берите-ка Ставра Годинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачёные,
Отведите-ка во погреба холодные
За его хвасткй да за великіе,

За его за рѣчи неучливыя,
Посадите на овесъ да нà воду ([27])
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Пусть-ка такъ Ставёръ да объумѣется,
Пусть-ка тамъ да образумится.
Поглядимъ-ка, какъ Ставрòва молодà жена
Муженькà изъ погребовъ повыручитъ,
Всѣхъ васъ, князей-бòяровъ, продастъ да выкупитъ,
А меня, Владиміра, съ ума сведетъ."
Взяли слуги вѣрные Ставрà Годинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачёные,
Отвели во погреба глубокіе,
Позадвинули дощечками желѣзными,
Позащёлкнули замòчками булатными,
Пропитомство клали овсецà съ водой.
Посылалъ Владиміръ князь грознà посла ([28])
Ко Ставрý Годиновичу во Чирниговъ градъ,
Чтобы дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.
Въ тý пору Ставрòвой молодой женѣ,
Василисѣ дочери Микуличнѣ,
Перепала вѣсточка нерадостна,
Что ея любимый мужъ Ставёръ Годиновичъ
Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевѣ
Посажёнъ въ полòнъ во погреба холодные
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Говорила Василиса дочь Микулична:
„Деньгами мнѣ выкупàть Ставрà—не выкупить,
Силою мнѣ выручать Ставрà—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставрà повыручить
Да своей догадочкою женскою."
Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлокаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорёшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платьица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!"
Подбѣгали вѣрныя служаночки,

Подрубили по-мужскѝ ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платья цвѣтныя,
Назвалась посломъ со Золотой Орды,
Что грозным посломъ Василіемъ Микуличемъ.
Набрала дружинушки хорòбрыя,
Сорокъ мòлодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
Сорокъ мòлодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
И поѣхала посломъ ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Половину ли дороженьки проѣхали,
А на встрѣчу имъ изъ Кіева грозёнъ посолъ;
Съѣхались послы тутъ, поздоровались;
Какъ великіе послы послуются,
Ручка òбъ ручку они цѣлуются.
Сталъ изъ Кіева посолъ выспрашивать:
„Ай и гой же вы, удàлы добры мòлодцы!
Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несётъ?“
Говорятъ ему, послу, да таковы слова:
„Мы изъ дальней, де, земли, изъ Золотой Орды,
Отъ грознà царя собаки Кàлина,
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Взять всѣ дани-выходы-невыплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи.“
Какъ изъ Кіева посолъ-то позадумался,
Позадумался, въ отвѣтъ проговорилъ:
„Самъ я, де, изъ Кіева грозёнъ посолъ,
Ѣду ко Ставрý Годинову въ Черниговъ градъ,
Дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.“
Говорятъ ему удàлы добры мòлодцы:
„Прежде былъ у насъ тамъ постоялый дворъ;
Нынѣ заѣзжали — никого въ дому:
Молода жена Ставрòва убиралася
Въ дальнюю землю, во Золотý Орду.“
Скоро кіевскій посолъ тутъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,
Разсказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней, де земли, изъ Золотой Орды,

Ѣдетъ къ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна̀ царя собаки Ка̀лина.
А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Покидалися всѣ, пометалися;
Улицы метутъ, да ставятъ ельничекъ; (29)
Передъ ворота̀ми ждутъ посланничка
Отъ грозна̀ царя собаки Ка̀лина.
А грозёнъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздёрнулъ во чисто̀мъ полѣ бѣло̀й шатёръ,
Оставлялъ дружину у бѣла̀ шатра,
Ѣдетъ самъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку.
Пріѣзжалъ посолъ во княженецкій дворъ,
Поскакалъ посолъ да со добра̀ коня,
Во сыру̀ землу копье тупымъ концомъ,
А шелко̀вый поводъ на злачёный гвоздь,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ въ полаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихо̀шенько,
По сѣнямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ гридню княженецкую,
Крѐститъ очи по писа̀ному,
И ведетъ поклоны по учёному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Князю солнышку съ княгинею въ особину,
Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушкѣ Путятичнѣ.
Говоритъ грозну̀ послу Владиміръ князь:
„Здравствуешь, посолъ ты съ Золотой Орды!
Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки.“
Говоритъ въ отвѣтъ ему грозёнъ посолъ:
„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
Насъ, пословъ, за то не жалуютъ.
Какъ послалъ меня собака Ка̀линъ царь
Взять съ тебя всѣ дани-выходы-невы̀платы
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи;
Какъ я самъ, посолъ Василій да Микуличъ сынъ,
Взять себѣ хочу въ супружество
Молоду твою любимую племянницу,

Что по имени Забаву дочь Путятичну.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!
Я пойду съ племянницей, подумаю.“
Выводилъ племянницу изъ горенки,
Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:
„Ай же ты, моя любезная племянница!
Ты пойдешь ли за того грозна̀ посла,
За млада̀ Василія Микулича?“
Говоритъ ему племянница тихохонько:
„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!
Что-то у тебя теперь затѣяно,
Что-то у тебя задумано?
Не отдай ты дѣвицы за женщину,
Не надѣлай смѣху по святой Руси.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, любезная племянница!
Какъ же не отдать мнѣ за грозна̀ посла,
За грозна̀ посла собаки царя Ка̀лина?“
„А не быть же то грозну̀ послу—быть женщинѣ.
Знаю я примѣты всѣ по-женскому:
Какъ по у̀лочкѣ идетъ—что̀ уточка плыветъ,
А по горенкѣ ступаетъ почастѐнечко;
Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
Съ поволо̀кою глаза пова̀живаетъ.
Рѣчь со про̀визгомъ у ней по-женскому,
Бёдра кру̀теньки у ней по-женскому,
Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
А и пальчики-то то̀неньки по-женскому,
Даже дужки отъ колѐцъ не вышли всѣ.
Двое на̀ двое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Я пойду, посла да попровѣдую:
Буде онъ не мо̀лодецъ, а женщина,
Не пойдетъ онъ по-мужскѝ боротися.“
Взялъ-повыбралъ князь семь молодцо̀въ-борцовъ,
Пять брато̀въ Причтѐнковъ, двухъ Хапиловыхъ,(30)
Выводилъ ихъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ Василію Микуличу,
Говорилъ самъ таковы̀ слова:
„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ль со борцами да потѣшиться,

На широкомъ на дворѣ да поборотися?“
Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„А и нѐкому же у меня боротися:
Во чистòмъ полѣ борцы мои оставлены;
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь съйзмала по улочкѣ побѣгивалъ,
Шуточки съ ребятками пошучивалъ.“
И выходитъ ко борцамъ онъ на широкій дворъ;
Середи двора они становятся,
На борьбу на рукопашку сходятся.
Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ
Какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ,
Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ,
Столконётъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,
А седьмаго-то смахнётъ въ серёдочку—
На земѝ лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.
Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ:
„Глупая Забава, неразумная!
Дологъ волосъ у тебя, умъ кòротокъ:
Женщиною назвалà богàтыря:
Экаго посла здѣсь и не видано!“
Позаспòрилась Забава съ княземъ-дядюшкой:
„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!
А не быть же то грознỳ послу—быть женщинѣ:
Всѣ примѣты у него по-женскому.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Я пойду, еще посла провѣдую:
Буде онъ не мòлодецъ, а женщина,
Не пойдетъ стрѣлять онъ изъ тугà лука.“
Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцòвъ-стрѣльцовъ,
Славныхъ все, могучіихъ богàтырей,
Приходилъ къ Василію Микуличу:
„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,
Изъ тугà лука стрѣлять да за цѣлỳ версту?“
Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Во чистòмъ полѣ стрѣльцы мои оставлены;
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь съйзмала по ỳлочкѣ побѣгивалъ,
Изъ тугà лука съ ребятками пострѣливалъ.“
Выходили тутъ двѣнадцать молодцòвъ-стрѣльцовъ,
Изъ тугà лука стрѣляютъ по сырỳ дубу,

Попадаютъ за цѣлу̀ версту во сы̀рой дубъ;
Отъ ихъ стрѣлочекъ калёныихъ,
Отъ стрѣльбы ихъ богатырскія
Только сы̀рой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.
Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Богатырскихъ вашихъ мнѣ луковъ не надобно.
Прикажи-ка мнѣ мой малый лукъ подать,
Волокитное лучёнышко, завозное.“
Какъ тутъ кинулись удàлы добры молодцы:
Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять мòлодцевъ,
Подъ другой другіе пять несутъ,
Тридцать мòлодцевъ колчанъ калёныхъ стрѣлъ тащатъ.
Говоритъ посолъ Васильюшка Владиміру:
„Ужь потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!“
Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣлочку калёную булатную,
Вытягàетъ тýгой лукъ да зà ухо:
Спѣла шёлкова тетѝвка у тугà лука,
Взвыла да пошла стрѣла калёная—
Всѣ тутъ сильные, могучіе богàтыри
Бросилися будто угорѣлые,
Князь Владиміръ окарàчь напòлзался;
Хлѐстнетъ стрѣлка по сырý дубу,
Изломала дубъ во чѐренья ножёвые.
Говоритъ посолъ Василій таковы̀ слова:
„Какъ ни жаль сырà дуба мнѣ, кряковѝстаго,
Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:
Не найти мнѣ стрѣлки во чистòмъ полѣ.“
Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,
Говоритъ себѣ да таковò слово:
„Развѣ самъ посла я попровѣдую.“
Приказалъ принесть дощечку шахматну,
Понаставить золоты̀ тавлѐнчки,
Говорилъ послу да таковы̀ слова:
„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,
Поиграть во шахматы заморскіе?“
Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Игроки мои въ чистòмъ полѣ оставлены;
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?

Я вѣдь съизмала тавлейками постýпывалъ,
Всѣхъ ребятокъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ."
„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!
Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ."
Стали тутъ тавлейками застýпывать,
Стали по доскѣ ходить-гулять.
Въ первый разъ посолъ ступѐнь ступилъ—
Ко Владиміру не дòступилъ;
Во другой ступилъ—призàступилъ,
Въ третій разъ ступилъ—игру повыигралъ,
Шахъ и матъ, да и тавлейки пòдъ доску:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Проигралъ ты мнѣ свой стольный Кіевъ градъ."
Говоритъ ему Владиміръ князь:
„Ты изволь меня, посолъ, взятъ головой съ женой!"
И прогòворитъ посолъ да таковы слова:
„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня замýжъ племянницу -
Молоду Забавушку Путятичну."
На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грознà посла Василія Микулича:
„А и гой же ты, Васильюшка Микуличъ сынъ!
Хотъ сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку."
Зачали они справляти свадебку,
Заводили столованьице—почѐстенъ пиръ.
Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви божіей.
Закручинился посолъ тутъ, запечалился.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Что же, молодой Васильюшка, не вѐселъ ты?
Что же буйную головушку повѣсилъ ты?"
Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:
Что-то мнѣ на разумѣ не весело:
Либо померъ дома рòдный батюшка,
Либо матушка велѣла долго жить.
Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусѐльщиковъ,
Поиграть въ гусёлышки ярòвчаты,
Спѣть про новы времена, про нынѣшни,

Да про стары времена, доселѣшни?“
Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ—
Все играютъ да не весело,
Не могли развеселить посла.
Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюрѐмщиковъ,
Чтò умѣли бы играть въ гусёлышки?“
Выпускалъ Владиміръ затюремщиковъ,
Стали тѣ играть въ гусёлышки—
Всѣ играютъ да не весело.
Говоритъ опять посолъ Васильюшка:
„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кіевѣ,
Молодой торговый гость черниговскій,
Что по имени Ставёръ да сынъ Годиновичъ?
Про него идетъ молва великая,
Что куда гораздъ играть въ гусёлышки,
Пѣть про новы времена, про нынѣшни,
Да про стары времена, доселѣшни.“
Говоритъ себѣ Владиміръ князь:
„Мнѣ какъ выпустить Ставрà, такъ не видать Ставра,
А не выпустить Ставрà, такъ разгнѣвить посла.“
Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
Посылаетъ за Ставрòмъ Годиновымъ.
Выводили съ погребовъ Ставрà Годинова,
Приводили на почѐстенъ пиръ.
Повскочилъ посолъ тутъ на рѣзвы̀ ноги,
Посадилъ Ставрà да супротѝвъ себя,
Супротивъ себя въ скамью дубовую.
Сталъ Ставёръ гусёлышки налаживать,
Сталъ ко стрункѣ струночку натягивать:
Первую наладилъ съ града Кіева,
А другу̀ наладилъ изъ Чернигова,
Третію наладилъ изъ Царя̀-града;
Сыгрыши повелъ великіе,
Величаетъ князя со княгинею,
А припѣвки припѣваетъ съ-за синя̀ моря.
Всѣ князья да бо̀яре сидятъ, дивуются,
Всѣ бога̀тыри молчатъ, заслушались,
А послу вздремнулось, захотѣлось спать.
Говоритъ посолъ Ставру̀ да таковы̀ слова:
„Здравствуешь ты, развесёлый мо̀лодець,

Молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Ты меня никакъ ни ѐпозналъ?"
Говоритъ въ отвѣтъ Ставёръ Годиновичъ:
„Не откуда жь мнѣ и знать тебя."
Говоритъ посолъ да таковы слова:
„Гой еси ты, князъ Владиміръ стольно-кіевскій!
Мнѣ твоихъ не надо даней-выходовъ,
Ты пожалуй-ка меня веселымъ мѐлодцемъ,
Молодымъ Ставрѐмъ Годиновымъ."
Говоритъ себѣ Владиміръ князь:
„Какъ отдать Ставрà, такъ не видать Ставра,
Не отдать Ставрà, такъ разгнѣвить посла."
Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
Отдавалъ Ставрà послу съ рукъ нà руки.
Говоритъ посолъ да таковы слова:
„Ай ты, молодой Ставёръ Годиновичъ!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чистѐ поле,
Посмотрѣть дружинушку хорѐбрую."
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Пріѣзжали ко дружинушкѣ хорѐброей.
Шелъ посолъ Василій во бѣлѐй шатеръ,
Сокрутился Василисой въ платья женскія:
„Здравствуешь, Ставёръ Годиновичъ!
А теперь-то ты меня не знаешь ли?"
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ Годиновичъ:
„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса дочь Микулична!"
„А за что же ты, Ставёръ Годиновичъ,
Засажёнъ былъ княземъ въ погреба холодные?"
„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бѐяровъ продашь да выкупишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь.
А теперь скорѣй посядемъ на добрыхъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ."
Говорила Василиса дочь Микулична:
„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;
Мы поѣдемъ свадебку допгрывать.
Князья-бѐяре-то проданы, выкуплены,
Солнышко Владиміръ князь съ ума сведёнъ."
Воротилися во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорила Василиса дочь Микулична:
„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Я, грозёнъ посолъ, Ставрова молода жена,
Василиса дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.
Да отдашь ли за меня еще племянницу?“
Говоритъ Забава дочь Путятична:
„Ай же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!
Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,
Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Со стыда повѣсилъ буйну голову,
Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
Самъ проговорилъ да таковы слова:
„Благодарствуешь, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Зналъ похвастать молодой женой!
Всѣхъ съумѣла здѣсь она продать да выкупить,
А меня, Владиміра, съ ума свести.
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
Вѣкъ торгуй и по вѣку безпошлинно.“
Какъ тутъ стали отъѣзжать изъ Кіева
Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
Молодой Ставёръ Годиновичъ
Съ молодою Василисою Микуличной,
Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.
Тутъ ли про Ставра и старину поютъ,
Морю синему на тишину,
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

Высота ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубоки—темны омуты Днѣпровскіе!

* * *

Изъ-подъ дуба было, дуба сыраго,
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ червлёнаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изъ-за моря, моря Чернаго
Съ-за того лукоморья зелёнаго,
Ото славна города отъ Вѐденца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чёрны тученьки затучили,
Какъ ни сини облачки задёргали—
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей да все червлёныихъ:
А одинъ корабликъ наперёдъ бѣжитъ,
Наперёдъ бѣжитъ да какъ соколъ летитъ.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,
А соколъ-корабликъ получше всѣхъ:
Высокошенько головушка приподнята,
Носъ-корма сведены по-туриному,
Широки бока по-звѣриному—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто очей было вставлено
По драгому камню по яхонту,
Вмѣсто бровей было врощено
По заморскому черному соболю,
Вмѣсто усовъ было воткнуто
Два булатные острые ножичка,
Вмѣсто ушей было вдёргано
Два горнастаюшка зимніе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто гривы было прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
Вмѣсто хвоста повѣшано
Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Тонки парусы были дорогой камки,
Дорогой камочки хрущатыя,
Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
Остры якори были булатные,

А колечики у якорей серебряныя,
Еще лапочки были золо̀ченыя—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Середи того со̀кола-кораблика
Чердачёкъ стоитъ зѐленъ мура̀вленый,
Потолокъ подёрнутъ рытымъ бархатомъ,
Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
Изнавѣшаны лисицами-куницами,
Дорогими соболя̀ми заморскими.
Въ чердакѣ—бесѣдочки сидѣльныя,
На бесѣдочкахъ сидитъ купа̀въ молодѐцъ
Молодой Соловей сынъ Будѝміровичъ, ([31])
Со своей государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяной Васильевной,
А вокругъ сидитъ его дружинушка,
До трехъ сотъ молодцо̀въ переборныихъ;
У всѣхъ платье одѣто скурла̀тъ-сукна,
Кушаками подпоясаны шёлковыми,
На головкахъ шляпочки пуховыя,
А на ножкахъ сапожки-зелёнъ сафьянъ,
На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
А подбиты гвоздочками золо̀чеными.
Молодой Соловей сынъ Будѝміровичъ
Во гусёлышки играетъ во яровчатыя,
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
На̀игрышъ по голосу налаживаетъ,
По звонча̀тымъ струночкамъ похаживаетъ,
Игры-сы̀грыши ведетъ отъ Царя̀-града,
А другіе ведетъ отъ Ерусо̀лима,
И всѣ малые припѣвки съ-за синя̀ моря.
Съ-за синя̀ моря Веденецкаго,
Съ-за того лукоморья зелёнаго;
Звеселяетъ родитель-матушку,
Молодую Ульяну Васильевну,
Спотѣшаетъ дружину хоро̀брую.
Какъ встаетъ тутъ Соловей со бесѣдушки,
По кораблику по со̀колу похаживаетъ,
Желтыми кудёрками потряхиваетъ,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца бо̀льшаго,

Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Подымайте всѣ парусы хрущатые,
Побѣгайте ко славному ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру."
Они слушали братца бо̀льшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Подымали всѣ парусы хрущатые,
Побѣгали ко славному ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Говоритъ Соловей сынъ Будѝміровичъ:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы берите-ка щу̀палы желѣзныя,
Щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупайте во славномъ во синёмъ морѣ,
Мѣряйте лудья подводныя,
Чтобы намъ, молодца̀мъ, проѣхати."
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупали во славномъ во синёмъ морѣ,
Лудья подводныя проѣхали.
Говоритъ молодой Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Возставайте-ка на реи на верхнія,
Поглядите-ка на славный на Кіевъ градъ,
Далеко̀ ли стоитъ славный Кіевъ градъ?
Поглядите пристань корабельную,
Чтобы намъ, молодца̀мъ, попасть туда."
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Возставали на реи на верхнія,
Говорятъ самѝ таковы̀ слова:
„Ай ты, младъ Соловей сынъ Будѝміровичъ!
Не далёко стоитъ славный Кіевъ градъ,
И видать ужь пристань корабельную."
Скоро ѣхали-проѣхали подъ Кіевъ градъ,
Забѣга̀ли во пристань корабельную,
Остры якори метали во Днѣнру-рѣку.
Говоритъ опять Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы мечите-ка три сходеньки на крутъ бережо̀къ.

Перву сходеньку мечите золо̀ченую,
Другу сходеньку мечите серебряную,
Третью сходеньку мечите пово̀лжаную;
Да берите-ка подарочковъ умильныихъ:
Дорогихъ соболѐй, куницъ да лисицъ,
А и матушки камо̀чки заморскія:
Что заморскія камо̀чки узорчатыя."
Они дѣлали дѣло повелѣ̂ное:
Пометали три сходеньки на крутъ бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,
Самъ беретъ онъ гусёлышки яровчаты
Да идетъ по сходеньки золо̀ченой,
Его матушка идетъ по серебряной,
А хоро̀брая дружина по пово̀лжаной.
И пошелъ онъ на славный княженецкій дворъ;
Входитъ прямо во гридню стѣтлую,
Крестъ кладетъ да по писа̀ному,
И поклоны ведетъ по учёному,
На всѣ три на четыре стороны,
Князю солнышку Владиміру въ особину,
Подаётъ ему подарочки умильные:
Дорогихъ соболѐй, куницъ да лисицъ,
А ту матушку камо̀чку узорчатую
Молодой княгинюшкѣ Апраксіи,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Принимайте худые подарочки,
А на златѣ-серебрѣ не погнѣваться." (32)
Князю солнышку дары полюбилися,
А княгинюшкѣ наипаче того,
Развернула камо̀чку—дивуется,
На плечахъ головушка качается:
Что камочка-то двуличнева,
Въ красномъ золотѣ не со̀гнется,
Въ чистомъ сѐребрѣ не сломится,
Жемчуго̀мъ круго̀мъ изнасажена;
Да не дорого столько злато-сѐребро,
Сколько до̀роги узоры заморскіе:
Всѣ-то хитрости на нихъ Царя̀-града,
Всѣ-то мудрости Ерусо̀лима,
А все замыслы Соловья Будѝмірова. (33)
Воспрого̀воритъ княгиня Апраксія:
„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!

Пометали три сходеньки на крутъ бережокъ,
Брали тѣ подарки умильные,
Самъ беретъ онъ гусёлышки яровчаты,
И пошелъ на славный княженецкій дворъ.

Ты умѣй-ка честить добра мòлодца,
Ты умѣй-ка его и пожаловати.“
Воспрогòворитъ князь стольно-кіевскій:
„Гой ты, душечка, удалый добрый мòлодецъ!
Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
Не король ли какой, королевичъ ли?
За твои за подарочки умильные
Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
Города ль тебѣ надо съ пригорòдками,
Али сёла тебѣ надо со присёлками,
Али надо безсчетной золотой казны?“
Отвѣчаетъ Соловей Будѝміровичъ:
„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!
„Какъ не царь я, не царевичъ я,
Не король, не королевичъ я,
Какъ торговый я гость съ-за синѝ моря,
Ото славнаго города отъ Вѐденца,
Молодой Соловей сынъ Будѝміровичъ.
И не надо городовъ мнѣ съ пригорòдками,
И не надо мнѣ сёлъ со присёлками,
И не надо безсчетной золотой казны—
У меня и своей ести дò-люби.“
„Гой еси ты, Соловей сынъ Будѝміровичъ!
Такъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?
Не торгòмъ ли торговать на съѣздъ ко мнѣ,
Аль пріѣхалъ такъ, на житьё пожить?“
Отвѣтъ держитъ младъ Соловеюшко:
„Не торгòмъ торговать на съѣздъ къ тебѣ,
Я пріѣхалъ такъ, на житьё пожить.
За твоей за лаской княженецкою
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:
Ты позволь мнѣ мѣстечка малѐшечко,
Гдѣ построить, паставить бы три тѐрема.“
Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:
„А ты стройся-ка на горкѣ конноей,
Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
Гдѣ малые ребятки калачи продаютъ,
Калачи продаютъ, барышничаютъ.“ (34)
„Какъ ужь горка-то конная мнѣ нѐ люба,
Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
Гдѣ малые ребятки калачи продаютъ,
Калачи продаютъ, барышничаютъ.

Ужь ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,
У своей, государь, племянницы,
Молодой Забавы Путятичны,
Во ея, государь, зеленòмъ саду,
Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ."
И возгòворитъ Владиміръ таковò слово:
„За твои за подарки великіе,
За твои за рѣчи учливыя,
Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,
Въ зеленòмъ хоть саду во Забавиномъ,
Въ вишеньѣ да во орѣшеньѣ."
„Благодарствуешь, князь стольно-кіевскій,
На твоей почесткѣ княженецкоей!"
Скоро тутъ Соловей поворотъ держалъ,
Приходилъ ко дружинушкѣ хорòброей,
Воспрогòворилъ да таковы слова:
„Гой вы, братцы, дружинушка хорòбрая!
Вы послушайте-ка братца бòльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Скидывайте кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвайте кожàнцы рабочіе,
Разувайте сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Обувайте лапотцы липовые,
Берите топорики булатные,
Подите во Забавинъ во зелёный садъ,
Поставьте мнѣ въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ
Къ утру-свѣту три терема златоверхіихъ,
Что верхѝ бы со верхàми совивàлися,
Совивàлися да соплетàлися,
Молодая Забава Путятична
На верхи бы на тѣ оглядѣлася,
Намъ самимъ бы съ утра туда жить пойти."
Они слушали братца бòльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывàли кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвали кожàнцы рабочіе,
Разували сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Обували лапотцы липовые,
Брали топорики булатные,
Скоро шли во Забавинъ зелёный садъ;
Съ поздня вечера до полу̀ночи
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,

А къ полу̀ночи поспѣли три терема,
Что верхѝ-то со верхами совиваются,
Совиваются да соплетаются,
Въ терема̀хъ трое сѣничекъ снарядныихъ:
Первы сѣнички—рѣшётчатыя,
Други сѣнички—стекольчатыя,
Третьи сѣнички—красна золота;
А вокругъ поставленъ булатный тынъ,
По серёдочкѣ—гостиный дворъ;
Къ утру-свѣту туда и жить пошли.
Зазвонили рано къ заутренѣ,
Ото сна Забава пребуждалася,
Поглядѣла во окошечко косящатое,
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье—
Счудова̀лася Забава, сдивова̀лася:
Во хорошемъ ея, во зелено̀мъ саду
Что стоятъ три терема златоверхіе,
Во-четвёртыхъ стоитъ гостиный дворъ.
Говорила Забава дочь Путятична:
„Что за чудо теперь мнѣ счудѝлося?
За̀ ночь пиво-вино воспрокурѝлося?
Ай вы, пянюшки мои да мамушки,
Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!
Вы подите-ка, поглядите-ка:
Какъ вечо̀ръ-то стоялъ мой зелёный садъ,
Какъ стоялъ онъ вечо̀ръ пустымъ-пусто,
А теперечко стоитъ густымъ-густо:
Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
Во-четвёртыхъ построенъ гостиный дворъ.“
Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
Ея красныя сѣнныя дѣвушки:
„Ай ты, матушка Забавушка Путятична!
Ты изволь-ка сама сходить, посмотрѣть:
Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло.“
Скоро тутъ Забава наряжается:
Обувала бошмачкѝ на босу̀ ногу,
Надѣвала накидничекъ на одно плечо,
Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
Брала за̀ руку любезную подручницу,
По крылечику спущалась полего̀шенько,
По дорожкѣ бѣжала поскорёшенько

Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье.
Какъ у перваго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у рѣшётчатыхъ—
Въ тоемъ теремѣ ли стучитъ-бренчитъ,
Стучитъ-бренчитъ, щелчитъ-молчитъ: ([35])
Тутъ лежитъ Соловьёва золота̀ казна,
Золота̀ казна безсчетная.
У другаго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
Въ этомъ теремѣ шопоткòмъ говорятъ:
Тутъ старушечка Богу молится,
За любимое чадо умаливаетъ,
За младаго Соловья Будѝмірова.
Какъ у третьяго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у золòченыхъ—
Въ этомъ теремѣ во гудкѝ гудятъ,
Во гусёлки играютъ-наигрываютъ,
Пляшутъ, скачутъ, поютъ, прикокýиваютъ:
Соловьёва тутъ дружинушка хорòбрая,
А и самъ Соловей сынъ Будѝміровичъ.
Говоритъ Забава дочь Путятична:
„Ай же ты, любезная подручница!
А зайдемъ-ка мы во терёмъ съ тобой.“
Заходили онѣ въ сѣни золòченыя,
Отворяли во терёмъ двери нà-пяту—
А и больно тутъ Забава испужалася,
Чудо въ теремѣ ей показалося:
Солнце нà небѣ—солнце и въ теремѣ,
Мѣсяцъ нà небѣ—мѣсяцъ и въ теремѣ,
Звѣзды нà небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
Зòри нà небѣ—зòри и въ теремѣ,
А и вся красота поднебесная.
Во одномъ ли углу говорятъ-гуторятъ,
Во другомъ ли поютъ, во гудки гудятъ,
Во гусёлки играютъ во звончàтыя,
На серёдкѣ идутъ смѣхи, скокъ да плясъ,
А и всякія утѣхи несказàныя.
Испужалася Забава, перепàлася,
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.
Молодой Соловейко догадливъ былъ,
Побросалъ гусёлки звончàтыя,

Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлѝ ручки,
Становилъ ее на рѣзвы̀ ножки,
Поклонился, дѣвицу поздравствовалъ:
„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
Молодая княженецкая племянница!“
Поклонилася Забава понизёшенько,
Говорила сама да поскорёшенько:
„Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мо̀лодецъ!
Ты ли, мо̀лодецъ, холостъ, нежѐненъ есть,
Да и я, красна дѣвица, на вы̀даньѣ.“ (36)
Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
„Всѣмъ ты дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
Тѣмъ лишь, дѣвица, мнѣ не прилюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала.“
Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
Со дѣвичьяго стыда со великаго
Поскорёшенько поворо̀тъ держитъ,
Поворотъ держѝтъ, домой бѣжитъ.
А самъ душечка Соловей сынъ Будѝміровичъ
Во сердца̀хъ-то на то не осѐрдился,
Какъ идетъ онъ поскорёшенько,
Поскорёшенько идетъ, скорымъ-скоро
Къ кнюзю солнышку большѝмъ сватомъ,
Князю солнышку низко кланяется,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій.
Какъ зашелъ я къ тебѣ докладъ держать;
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить.“
Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:
„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!
А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“
„Я такой-то зашелъ докладъ держать—
Что о добромъ дѣлѣ, о сва̀товствѣ.
Есть любимая у тебя племянница,
А нельзя ль за меня ее заму̀жъ отдать?“
Какъ тутъ правили они рукобѝтьице,
Какъ просваталъ князь стольно-кіевскій
Ту любимую свою племянницу
За млада̀ Соловья да Будѝмірова,
Какъ пошелъ у нихъ почѐстенъ пиръ,
А честны̀мъ пиркомъ и за свадебку.
Приходилъ тутъ душечка добрый мо̀лодецъ

Соловеюшко сынъ Будиміровичъ,
Бралъ ее, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,
И пошли они съ дѣвицей въ церковь божію,
Золотыми перстнями обручалися,
Золотыми вѣнцами повѣнчалися.
Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтерь
По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,
На соколъ-корабликъ свой сбирается
Съ молодой Забавушкой Путятичной,
Со своей со родной матушкой,
Со своей дружинушкой хороброей;
Самъ по соколу-кораблику похаживаетъ,
Желтыми кудёрками потряхиваетъ,
Говоритъ да таковы слова:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Подымайте якори булатные,
Распускайте парусы хрущатые,
Поѣзжайте за славно синё море
Ко тому лукоморью зелёному,
Да во славную землю Веденецкую.“
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якори булатные,
Распускали парусы хрущатые;
Выбѣгаютъ-выгребаютъ тридцать кораблей,
Впереди всѣхъ бѣжитъ соколъ-корабль
По той матушкѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синю морю.

* * *

Глубокій—темны омуты Днѣпровскіе!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота океанъ-море!
Высота—высота поднебесная!...

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

ИСЦѢЛЕНІЕ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* * *

Въ старину было̀ въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ во Карачаровѣ, ([37])
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протёръ.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполо̀шится только, опомнится,
Какъ заслышитъ вѣсти отъ странниковъ
Про того Соловья разбойника,
Что̀ доро̀гу залегъ на Кіевъ градъ;
Станетъ спрашивать о немъ, вывѣдывать.
„Что̀ тебѣ до разбойника, дитятко?“
Говоритъ государь его батюшка.
Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,
Самому же все и во снѣ и въявь
Соловей разбойникъ представляется—
И молиться окаянный не дастъ ему!
Приходило время лѣтнее,
Время страдное, дни сѣнокосные,
Уходилъ государь его батюшка

Со родителемъ его со матушкой, ([38])
Да со всѣмъ семействомъ любимымъ,
На работушку на ту крестьянскую,
Очищать отъ дубья̀-колодья̀ ножню,—
Оставался дома одинъ Илья.
Идуть мимо тутъ старцы незнакомые,
Ница братія, калики перехожіе, ([39])
Становились подъ окошечко косящато,
Говорили Ильѣ таковы̀ слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
Возставай-ка на рѣзвы̀ ноги,
Отворяй-ка ворота̀ широкія,
Впускай-ка каликъ во хра̀мину;
Подавай-ка каликамъ напитися.“
Отвѣтъ держитъ каликамъ Илья Муромецъ:
„Ай же вы, калики перехожіе!
Радъ бы васъ впустить во хра̀мину,
Радъ бы вамъ подать напитися,
Да вотъ сиднемъ сижу ужь тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ.“
Говорятъ калики перехожіе:
„Ай же ты, Илья, возставай-ка самъ!“
Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:
Тронетъ правую ногу—поднимается,
Тронетъ лѣвую—и та поднимается.
Возставалъ Илья на рѣзвы̀ ноги,
Отворялъ ворота̀ широкія
Впускалъ каликъ во хра̀мину;
Взялъ тогда братѝну въ полтора ведра,
Опускался въ подвалы глубокіе,
Наливалъ братѝну пивомъ крѣпкіимъ,
Подносилъ каликамъ перехожіимъ.
Отпивали калики перехожіе,
Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ.“
Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
Испивалъ братѝну за единый духъ—
Только пиво-то и видѣли.
У Ильюши сердце разгорѣлося,
Тѣло бѣлое да распотѣлося.
И возгòворятъ калики перехожіе:
„Что̀ теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“

Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
„Чуя здравіе въ себѣ великое.“
Говорятъ калики перехожіе:
„А подай-ка ты намъ еще испить.“
Взялъ Илья братіну больше прежняго,
Опускался въ подвалы ниже прежняго,
Наливалъ братіну пивомъ крѣпче прежняго,
Подносилъ каликамъ перехожіимъ.
Отпивали калики перехожіе,
Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка еще ты послѣ насъ.“
Испивалъ онъ братіну за единый духъ—
Только пиво-то и видѣли.
И возговорятъ калики перехожіе:
„Что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“
„Слышу силушку въ себѣ великую:
Кабы столбъ былъ отъ земли до небушка,
Во столбу утверждено золото кольцо—
За кольцо бы взялъ, перевернулъ землю.“
Говорятъ калики промежъ себя:
„Много силушки дано Ильѣ!
Не снесетъ его мать-сыра земля.
Надо будетъ поубавить ему силушки.“
Говорятъ калики Ильѣ Муромцу:
„А подай-ка ты намъ еще испить.“
Взялъ Илья братіну больше прежняго,
Опускался въ подвалы ниже прежняго,
Наливалъ братіну пивомъ крѣпче прежняго,
Подносилъ каликамъ перехожіимъ.
Отпивали калики перехожіе,
Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка еще ты послѣ насъ.“
Испивалъ онъ братіну за единый духъ—
Только пиво-то и видѣли.
И возговорятъ калики перехожіе:
„Много ль чуешь еще въ себѣ силушки?“
„Да убавилось будто на половинушку.“
„А и будетъ съ тебя этой силушки.
Будешь ты, Илья, великъ богатырь,
На бою тебѣ смерть не написана;
Ты постой-ка за вѣру христіанскую,
Бейся-ратися съ силой невѣрною,

Со богàтырями сильными, могучими
Да со всею поленйцею удалою;
Не ходи только драться-рàтиться
Со могучимъ Святогоромъ-богàтыремъ:
Черезъ силу носитъ его земля;
Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:
Его любитъ матушка-сырà земля;
Не ходи еще на Вольгу̀ Всеславьича:
Онъ не сило̀й возьметъ, такъ хитростью-мудростью.
А теперь доставай-ка себѣ коня,
Коня добраго, коня богатырскаго:
Выходи во раздолье чисто̀ поле:
Какъ услышишь заржучись жеребчика,—
Что̀ запроситъ крестьянинъ за жеребчика,
Хотъ запроситъ цѣлыхъ пятьсотъ рублей,—
Ты давай за него пятьсотъ рублей,
Станови его въ сруб̀ъ на три мѣсяца,
Бѣлояровой пшеной̆ его откармливай,
Ключевой̆ водой̆ его отпаивай,
А пройдетъ тому времени три мѣсяца—
Ты по трѝ ночи въ саду его поваживай,
Въ трехъ росàхъ его во утреннихъ выкатывай, (40)
Подводи ко тыну ко высокому:
Станетъ конь тутъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, потряхивать,
Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать—
Ты сѣдлай тогда добрà коня,
Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
Поѣзжай на немъ во чисто̀ поле,
Повезетъ онъ тебя по святой Руси,
И богàтыремъ сильнымъ, святорусскіимъ
Ты по всей святой Руси прославишься."
Тутъ калики ушли, потерялися.
И пошелъ Илья ко родителямъ,
За три по̀прища о̀тъ дому на зàймище,
На работушку на ту крестьянскую,
Отъ дубья̀-колодья̀ очистить палъ.
Отъ работы отъ той̆ поумаявшись,
Его ро̀дные отдыхаютъ-спятъ.
Взялъ Илья топоръ во бѣлы̀ ручки,
Началъ чистить по̀жню-займище:

Все добьё-колодьё повырубилъ,
Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
Развалилъ все займище великое
И топоръ по корень въ пень воткнулъ—
Не начистили семействомъ всѣмъ въ три дня,
Сколько онъ начистилъ въ три часа.
Какъ возстали со сна родители,
Удивлялись они, испужалися:
„Что за чудо такое подѣялось?
Кто сработалъ за насъ роботушку?“
Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
Расказалъ про каликъ перехожіихъ,
Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкіимъ,
Какъ давали и они ему испить,
Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
Получилъ великую силушку.
И пошелъ Илья во чисто поле,
Услыхалъ заржучись жеребчика.
Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
Жеребчика косматаго, шелудиваго. (41)
Не рядился Илья, купилъ жеребчика,
Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
Бѣлояровой пшеной его откармивалъ,
Ключевой водой его отпаивалъ;
А прошло тому времени три мѣсяца—
Сталъ по три ночи въ саду его поваживать,
Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывать,
Подводилъ ко тыну ко высокому;
Сталъ жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, цотряхивать,
Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать.
Осѣдлалъ, зауздалъ его Илья,
Полагалъ на него доспѣхи крѣпкіе,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“
Обкольчужился Илья, облатился,
Сталъ пытать мечи булатные;
Какъ сожметъ въ кулакѣ рукоять меча—
Сокрушится рукоять, разсыплется;
Кинулъ бабамъ мечи онъ лучину драть,

Самъ беретъ три полосы булатныя,
Въ каждой полосѣ-то по три пуда,
Три стрѣлы изъ полосъ себѣ выковалъ,
Закалилъ во утробѣ мать-сырой земли,
Положилъ ихъ во глубокъ колчанъ,
Положилъ во налучникъ свой тугой лукъ,
Бралъ съ собой копье долгомѣрное,
Бралъ еще и палицу булатную.
Какъ не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не листочки по землѣ разстилаются—
Разстилается сынъ передъ батюшкой,
Себѣ проситъ благословеньица
Да на вѣки нерушимое:
„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!
Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньице:
Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ,
Заложиться за князя за Владиміра,
Послужить ему вѣрою-правдою,
Постоять за вѣру христіянскую.“
Говоритъ старый Иванъ Тимоѳеевичъ:
„Гой ты, свѣтъ мой, чадо порождёное!
Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
На худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіянина.“
Поклонился Илья отцу до земли,
Заходилъ еще за Оку-рѣку
Ко тому Миколѣ Заручевскому,
Отслужилъ обѣдню запрестольную,
Становилъ свѣчу въ двадцать-пять рублей,
Посулилъ впередъ пятьдесятъ рублей,
Самъ давалъ завѣты великіе:
„Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа,
Межъ обѣдней ранней и утренней,
Поспѣвать ко столу княженецкому,
Ко обѣду тому воскресенскому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Не натягивать туга лука,
Не накладывать каленой стрѣлы,
Не кровавить копья долгомѣрнаго,
Не кровавить и палицы булатныя,

На прощанье еще во ладонку
Взялъ земельки родной малу горсточку,
На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣкѣ
Оржанаго хлѣбушка корочку,
Самъ Окѣ-рѣкѣ приговаривалъ:
„А спасибо жь тебѣ, матушка Ока-рѣка,
Что поила, кормила Илью Муромца.“
Еще видѣли—сѣлъ на коня Илья,
А не видѣли—куда поѣздку далъ.

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ, ЧЕРНИГОВЦЫ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Охъ вы, рощи, рощи зеленыя! липушки цвѣтныя!
Вы, кусточки молодые! вы, орѣшники густые!
Разрослись вы, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
'коло Волги, коло Камы, 'коло Дона-рѣки!
Обтекаютъ эти рѣки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то, восплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣютъ, чёрны шляпоньки чернѣютъ,
Чёрны шляпоньки чернѣютъ на гребцахъ-молодцахъ,
На самомъ-то на старшомъ-то чёрна соболя колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все удала молодца,
Все удала молодца Илью Муромца!

* * *

Какъ изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.

Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней раннею и утренней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Рукъ дорожкой не кровавити.
Какъ первòй ускокъ свой богатырскій конь
Далъ во полпути отъ Мурома—
Съ-подъ копытъ его ударилъ ключъ живой;
У ключа Ильюша сы̀рой дубъ срубилъ,
Надъ ключомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:
„Ѣхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“
О сю пòру льется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенька; (42)
А въ ночѝ къ ключу студёному
Ходитъ звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться сылы богатырскія.
Какъ другимъ ускокомъ богатырскій конь
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третіимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подъѣзжалъ ко городу Чернигову. (43)
У того ли города Чернигова
Силы-ратища стоитъ черны̀мъ черно,
Нагнано что̀ чёрна вòрона.
Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неуёмчиво, разгòрчиво:
Что̀ веселый огонёчикъ разыграется,
Что̀ морозъ палящій разгорается.
Говоритъ себѣ Ильюша таково̀ слово:
„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдь перѐступить;
Да хоть всякій заповѣди кладывалъ,
А не всякій заповѣди сдерживалъ.“
Подъѣзжаетъ онъ къ силушки великоей,
Да не хочетъ натянуть свой ту̀гой лукъ,
Палицу, копье свое кровавити—
Сы̀рой дубъ беретъ онъ въ три обòймени,
Изъ земли повы̀вернулъ, повы̀дернулъ

Со камѐньями да со кореньями,
Сталъ сырымъ дубомъ по силушкѣ погуливать,
Силушку добрымъ конемъ потаптывать;
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Отмахнется—часты площади;
Добивается до трехъ царевичей,
Говоритъ имъ таковы слова:
„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
Али буйны головы съ васъ снять?
Какъ въ полонъ васъ взять — дѣвать васъ нѐкуда:
У меня дороженьки заѣзжія,
У меня хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
Разъѣзжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
По своимъ ордамъ да по по своимъ мѣстамъ;
Да чините, разносите таковy славу,
Что святая Русь да не пуста стоитъ,
Есть еще на матушкѣ святой Руси
Сильные, могучіе богатыри.“
Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,
Подъѣзжалъ ко церкви божіей,
Ко тому Ивану ко Великому:
А во церкви божьей люди Богу молятся,
Каются да пріобщаются,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
Заходилъ Илья во славный божій храмъ,
Крестъ кладетъ да по писаному,
И поклонъ ведетъ да по учёному:
Поклоняется святому Спасу образу,
Во-другихъ святыя Божьей матери,
Въ-третьихъ всему міру христіянскому:
„Ужь вы здравствуйте-ка, мужички черниговцы!
Вы объ чемъ тутъ каетесь да пріобщаетесь,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“
Отвѣчаютъ мужички черниговцы:
„Мы объ томъ тутъ каемся да пріобщаемся,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей.“
Говоритъ имъ Илья Муромецъ:
„Вы идите-ка на стѣну городовую,

Посмотрите во чистò поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей.“
Шли черниговцы на стѣну городòвую,
Со стѣны смотрѣли во чистò поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей:
Гдѣ стояла сила во чистòмъ полѣ,
Тамъ стоятъ одни знамёна, да не русскія,
Много множество знамёнъ, какъ во темнòмъ лѣсу,
Во темнòмъ лѣсу сухаго дерева;
А народу тамъ прибито да привàлено,
Будто градомъ нива выбита, присѣчена.
Бьютъ челомъ Ильѣ черниговцы низкòмъ-низко:
„Гой же ты, удалый добрый мòлодецъ!
Ты коѐй земли, коѐй орды,
Коегò отца да кòей матушки,
Какъ тебя, удалый именѐмъ зовутъ?
Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводою,
Ты суди суды надъ нами правильно,
Будемъ всѣ тебя мы слушати.“
Говоритъ въ отвѣтъ имъ Илья Муромецъ:
„Не дай Господи съ холопа дѣлатъ барина,
Съ барина холопа, съ палача попа,
Воеводу дѣлати съ богàтыря!
Я изъ той земли, изъ той орды,
Изъ того изъ города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова,
Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
Не хочу идти къ вамъ воеводою!
Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую во стольный Кіевъ градъ.“
Не хотятъ пускать его черниговцы,
Насыпаютъ чашу красна золота,
Насыпаютъ чашу чиста сѐребра,
Насыпаютъ третью скатна жемчугу,
Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.
Не беретъ Илья ихъ злата-сѐребра,
Не беретъ ихъ скатна жемчугу,
Проситъ указать дорожку прямоѣзжую.
Говорятъ ему черниговцы:
„Ай же ты, удалый добрый мòлодецъ:
Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,

Заколодѣла дорожка, замурàвѣла;
Какъ по той пути-дороженькѣ
Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживалъ,
На добрòмъ конѣ никто не ѣзживалъ.
А стоятъ тамъ три заставушки великія:
Первая застава (44)—во лѣсахъ во Брынскіихъ
Грязь топучая, корбà зыбучая;
А другая—у березы у покляпыя,
У той славной рѣчки у Смородиной, (45)
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семѝ сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; (46)
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣйному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Отъ того отъ пòсвисту солòвьяго,
Отъ того отъ пòшипу змѣинаго,
Отъ того отъ пòкрику звѣринаго
Всѣ-то травушки-мурàвы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А чтò есть людей—то всѣ мертвы̀ лежатъ.
Третья ли заставушка великая—
Домъ стоитъ у Соловья разбойника
На семи дубахъ да на семи верстахъ;
Какъ живетъ тамъ молода жена Солòвьева
Со тремя со дочерьми родимыми—
Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
Прямоѣзжей-то дорожкой будетъ триста верстъ,
А окольною дорожкой цѣла тысяча."
Пораздумался удалый Илья Муромецъ;
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Ѣхати дорожкою окольною;
Ужь поѣду-ка дорогой прямоѣзжею."
Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
Какъ поѣхалъ тутъ удалый добрый молодецъ
Неокольною дорожкой, прямоѣзжею;
Бралъ во ручку плёточку шелкòвеньку,
Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
Вынуждалъ скакать всей силушкой великою;
Осержался добрый богатырскій конь,
Со горы на гòру перескакивалъ,

Со холма да на̀ холмъ перемахивалъ,
Мелки рѣченьки, озёрки промежъ ногъ спускалъ.
И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,
Ко той первой ко заставушкѣ—
Ко грязи̇̀ топучеей, корбѣ̀ зыбучеей;
Развалились мостики калиновы,
А и ѣхати имъ больше нѐкуда.
Соскочилъ удалый со добра̀ коня,
Лѣвою рукой ведетъ коня на поводѣ,
Правою рукой дубьё-колодье рветъ,
Про себя мостить мосточики дубовые.
Сѣлъ опять удалый на добра̀ коня,
Проѣзжаетъ ровно тридцать верстъ,
Подъѣзжаетъ ко другой заставушкѣ—
Ко березѣ ко покляпоей,
Ко той славной рѣчкѣ ко Смородиной,
Ко тому кресту ко Леванидову,—
Услыхалъ тутъ Соливьино гнѣздышко.
Скоро онъ срываетъ маковъ листъ,
Затыкаетъ уши въ головѣ,
Ѣдетъ прямо къ Соловьину гнѣздышку.
Не доѣхалъ до гнѣзда онъ за три поприща,
Отъ дали̇̀ услышалъ добра молодца
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:
„А какой невѣжа проѣзжаетъ тутъ
Мимо моего гнѣзда да Соловьинаго?“
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
Зашипитъ да по-змѣиному,
Закричитъ да по-звѣриному—
Мать-сыра̀ земля продрогнула,
Всѣ-то травушки-мура̀вы уплета̀лися,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпа̀лися,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклонилися,
Добрый конь Ильюшинъ на колѣна палъ;
На конѣ сидитъ Ильюша, не сворохнется,
На головушкѣ кудёрышки не стряхнутся.
Бралъ опять онъ плеточку шелковеньку,
Билъ коня да по тучны̇̀мъ бедрамъ,
Говоритъ самъ таковы̇̀ слова:
„Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья выть!
Не ходилъ ты развѣ, конь мой, по̀ лѣсу,
Не слыхалъ ты по̀свисту соловьяго,

Не слыхалъ ты пòшипу змѣинаго,
Не слыхалъ ты пòкрику звѣринаго,
Не видалъ ударовъ богатырскіихъ?
Ты вставай-ка на рѣзвы̀ ноги,
Подвози-ка подъ гнѣздо подъ Соловьиное,
Подъ того подъ Соловья разбойника!"
Пуще прежняго пустился добрый конь
Подъ гнѣздо подъ Соловьиное.
Удивляется разбойникъ, буйну голову
Изъ гнѣзда изъ своего повы̀сунулъ.
Какъ нарушилъ тутъ Илья завѣты крѣпкіе:
Вынулъ изъ налучника свой ту̀той лукъ,
Натянулъ тетивочку шелкòвеньку,
Наложилъ стрѣлу калёную,
Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:
„Ты лети-ка, стрѣлка, да не въ темный лѣсъ,
Ты лети-ка, стрѣлка, не въ чистò поле,
Ты пади-ка Соловью во правый глазъ,
Вылетай-ка во лѣвò ухо!"
Полетѣла стрѣлочка калёная,
Пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
Вылетала во лѣвò ухо;
Не убила дò смерти разбойника,
Поразила только, повалила съ ногъ,
Покатился со гнѣзда онъ, чтò овсяный снопъ;
Подхватилъ его Ильюша на бѣлы̀ руки,
Налагалъ съ тетивочки шелкòвенькой
Петельку ему на буйну голову,
Пристягнулъ той петелькой ко стремени,
И повезъ съ собою по чисту̀ полю.
Сталъ тутъ добрый конь его поскакивать,
Соловеюшко у стремени поплясывать.
И подъѣхалъ онъ ко третьей ко заставушкѣ —
Ко тому ко дому Соловьиному;
А стоитъ онъ на семи дубахъ,
На семи дубахъ да на семи верстахъ,
Около двора идетъ желѣзный тынъ,
А на всякой ты̀чинкѣ по мàковкѣ,
По головушкѣ по богатырскоей.
Какъ живетъ тамъ молода жена Соловьева
Акулина дочь Дудентьевна,
Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимыя:

Старшая—Невея Соловьевична,
Средняя—Ненила Соловьевична
И меньшàя—Пелька Соловьевична.
Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Солòвьевы
Во окошечко косящато, -
Сами говорятъ да таковы слова:
„Ай ты, наша матушка-родителекъ,
Акулина дочь Дудентьевна!
Ѣдетъ государь нашъ батюшка
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ.
На добрòмъ конѣ сидитъ, на богатырскоемъ,
А везетъ онъ мужичищу-деревенщину
У булатнаго у стремени прикавана,
Кверху ноженьки, а внизъ головушка.“
Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
Пò поясъ въ окошечко бросалася,
Закричала жалкимъ голосомъ:
„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскоемъ,
А везетъ-то государя-батюшку
У булатнаго у стремени прикòвана,
Кверху ноженьки, а внизъ головушка.
Вы бѣгите-ка скорѣе на широкій дворъ,
Поднимите подворотеньку чугунную,
Да убейте на проѣздѣ въ воротàхъ его,
Выручите батюшку желаннаго!“
Побѣжали эти дочушки Солòвьевы,
Впереди всѣхъ Пелька Соловьевична;
Поднимала Пелька подворотеньку,
Подворотеньку во девяносто пудъ,
Ладила ударить Илью въ буйну голову.
Да была его ухватка богатырская,
Осадилъ Илья назадъ добрà коня,
Пролетѣла мимо подворотенька.
Пнулъ еще ногою дѣвку пòдъ спину—
Улетѣла дѣвка за широкій дворъ,
Нажилà себѣ увѣчье вѣковѣчное. (47)
Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:
„Ай же глупыя вы дѣтушки,

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ. Стрн. 84.

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
А везетъ-то государя-батюшку.“

Неразумныя вы дѣтушки!
Подворотней ли убить вамъ мòлодца,
Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
Вы зовите мòлодца въ гостёбище,
Вы дарите мòлодца подарками,
Выкупàйте батюшку желаннаго."
Стали звать онѣ Илью въ гостёбище,
Выносили цѣнные подарочки,
Золотой казны даютъ ему три тысячи—
Не беретъ Ильюшенька трехъ тысячей;
Обѣщаютъ тридцать тысячей—
Не беретъ и тридцати онъ тысячей:
„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,
И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
Я свезу его во Кіевъ градъ,
На вино пропью да на калачъ проѣмъ."
„Ай же ты, удалый добрый мòлодецъ!
Ты бери съ насъ злата-сèребра,
Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
Сколько самъ снесешь на плѐчахъ богатырскіихъ;
Только намъ оставь кормильца-батюшку,
Хоть не ради прокòрмленьица,
Хоть бы ради поглядѣньица."
Говоритъ Илья имъ таковы̀ слова:
„Ай вы, малы дѣтушки Солòвьевы!
Не оставлю и на поглядѣньице.
Поѣзжайте-ка за мною на прощеньице:
Покладите все имѣніе-богачество,
Всю несчётну золоту̀ казну
На телѣги на орды̀нскія,
Да катите къ славну стольну Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру:
Можетъ, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку."
Самъ поѣхалъ къ славну стольну Кіеву,
Поспѣвалъ къ обѣденькѣ ко позднеей.
Входитъ онъ во славный божій храмъ,
Крестъ кладетъ да по писàному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Всѣмъ святымъ иконамъ поклоняется:
„Не исполнилъ я завѣта божьяго,
Окровавилъ руки въ чѣловѣчью кровь:

Надо бы служить во храмѣ Богу мòлебенъ.“
Отстоявши позднюю обѣденьку,
Ѣдетъ ко палатамъ княженецкіимъ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Привязалъ коня ко столбику точёному,
Ко тому колечку золочёному,
Дверь въ палаты нà-пяту размахивалъ,
Заходилъ во гридню княженецкую,
Клалъ тутъ крестъ да по писàному,
Велъ поклоны по учёному,
На четыре на сторонки низко кланялся,
Князю солнышку съ княгинею въ особину,
Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣнныимъ.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Здраствуешь, удалый добрый мòлодецъ!
Ты коѐй земли, коѐй орды?
Какъ тебя, скажись, зовутъ по имени,
Нарекаютъ по отечеству?“
Отвѣчаетъ добрый мòлодецъ:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Я изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова,
Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты Илья Муромецъ Ивановичъ!
А давно ль ты выѣхалъ изъ Мурома,
А какой дорожкой ѣхалъ ты во Кіевъ градъ?“
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней раннею и утренней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
Да дорожкой дѣло призамѣшкалось:
Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
Мимо славна города Чернигова,
Ѣхалъ ли еще лѣсами Брынскими,
Мимо той березыньки покляпыя,
Мимо славной рѣченьки Смородиной,
Мимо славнаго креста да Леванидова;
Лишь поспѣлъ къ обѣденькѣ ко позднеей.“

Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:
„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
Во глазахъ дѣтина завирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужь ему ли, деревенщинѣ, проѣхати
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
У того у города Чернигова
Силы нагнано черными черно:
Сѣру заюшкѣ въ три года вкругъ не обскакать,
Ясну соколу въ три года да не облетѣть.
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
Грязь топучая, корба зыбучая;
А у той березы у покляпыя,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что есть людей—то всѣ мертвы лежатъ.“
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ:
Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
Приковалъ его ко стремечку булатному.“
Какъ тутъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Возставалъ скоренько на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Соболину шапочку да на одно ушко,
Выходилъ съ княгиней на широкій дворъ
Посмотрѣть на Соловья разбойника;
Какъ тутъ пометались всѣ князья да бояре,
Покидались всѣ могучіе богатыри:
Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
Богатырь Добрынюшка Никитичъ младъ,
Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,

Съ ними семъ братовъ Сбродовичей,
Два еще брата Хапилова;
Да еще ли мужики Залѣшане—
Выбѣгали всѣ за княземъ на широкій дворъ,
Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
А разбойничекъ виситъ у стремени,
Травянымъ мѣшкомъ виситъ, согнутъ корчагою,
Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
Правымъ глазомъ, что подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рохмановичъ!
Засвищи-ка ты по-соловьиному,
Зашипи-ка по змѣиному,
Закричи-ка по-звѣриному.
Пусть потѣшатся мои князья да бояре,
Пусть услышатъ всѣ могучіе богатыри.“
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:
„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
Такъ не васъ сегодня и послушаю!
Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
Одного Илюшу и послушаю.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Прикажи-ка ты разбойнику
Засвистать по-соловьиному,
Зашипѣть да по-змѣиному,
Закричать да позвѣриному.“
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Ужь ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы вамъ съ княгиней показалося:
Я тебя ли, батюшку, возьму подъ пазушку
Подъ другой прикрою матушку княгинюшку.
Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Ужь потѣшь-ка князя батюшку,
Засвищи-ка да полу-свистомъ,
Зашипи-ка да полу-шипомъ,
Закричи-ка да полу-крикомъ.“
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:
„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
Какъ не ходятъ у меня уста сахарныя,
Запеклись горючей кровью, запечатаны:
Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,

Выходила стрѣлка во лѣво̀ ухо.
Прикажи-ка князю солнышку
Чару мнѣ налить да зелена̀ вина;
Какъ повыпью зелена̀ вина,
Тутъ мои кровавы раны поразо̀йдутся,
Тутъ мои уста саха̀рны порасходятся,
Засвищу я вамъ тогда по-соловьиному,
Зашиплю вамъ по-змѣиному,
Закричу вамъ по-звѣриному.“
Говоритъ Илья князю̀ Владиміру:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты поди-ка въ горенку столовую,
Наливай-ка чару зелена̀ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводи ее меда̀ми да стоялами,
Подноси да Соловью разбойнику.“
Скоро князь Владиміръ стольно-кіевскій
Шелъ во горенку столовою,
Налилъ чару зелена̀ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медами да стоялыми,
Подносилъ собакѣ Соловью разбойнику.
Принялъ чару Соловей одной рукой,
Выпилъ чару за единый вздохъ,
Да отъ той отъ чары ли собаку хмѣль зашибъ,—
Не послушался наказа онъ Ильюшина:
Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
Отъ того отъ по̀свисту соло̀вьяго,
Отъ того отъ по̀шипу змѣинаго,
Отъ того отъ по̀крику звѣринаго—
Ма̀ковки на теремахъ покрѝвились,
Стеклышки въ оконницахъ поло̀пались,
Со двора всѣ ко̀ни разбѣжалися,
Всѣ князья со бо̀ярами пали за̀мертво,
Всѣ могучіе бога̀тыри припадали,
Окара̀кой по̀ двору распо̀лзались,
Самъ Владиміръ князь съ княгинею
Еле живъ стоитъ, шатается,
У Ильи подъ пазушкою укрывается:
„Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!

Ты уйми-ка Соловья разбойника,
Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
Князей-бояровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!"
Какъ катятъ тутъ дѣтушки Соловьевы
На широкій княженецкій дворъ
Много множество телѣгъ ордынскіихъ.
На имѣніе-богачество Соловьево
Солнышко Владиміръ князь обзарился.
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Не тобой они приказаны,
Не тобой же и назадъ отпустятся!—
Гой вы, малы дѣтушки Соловьевы!
Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ
Все свое имѣніе-богачество,
Всю несчётну золоту казну:
Не видать ужь вамъ кормильца-батюшки;
Вамъ не надо по міру скитатися,
Будетъ чѣмъ до смерти пропитатися,
Обойдётеся и безъ кормильца-батюшки."
Покатили дѣтушки Соловьевы
Все имѣніе богачество—заплакали.
Говоритъ Илья разбойнику:
„Ай ты Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Я велѣлъ тебѣ свистать полу-свистомъ:
Ты почто свисталъ во весь во соловьиный свистъ?"
Какъ отдернетъ онъ разбойника отъ стремени,
Выводилъ за ручки во чисто поле,
Ко сыру дубу привязывалъ,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калёную накладывалъ
И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,
Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,
Полно же тебѣ шипѣть да по-змѣиному,
Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,
Полно же тебѣ слезить отцовъ и матерей,
Полно же тебѣ вдовить молодушекъ,
Полно же тебѣ сиротать малыхъ дѣтушекъ!"
И спроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,

Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
Нареку тебѣ я имечко по новому:
Будь ты первый богатырь во Кіевѣ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Да живи у насъ во стольномъ Кіевѣ,
Вѣкъ живи отнынѣ и вѣку!"
И пошли они къ обѣду княженецкому.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Гой еси ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Жалую тебя тремя мѣстами я:
Перво мѣсто—въ рядъ со мной садись,
Друго мѣсто—въ рядъ съ княгинею,
Третье мѣсто—куда самъ захошь."
Заходилъ Илья со конничка,
Пожалъ всѣхъ князей да бояровъ,
Сильныихъ, могучіихъ богатырей:
Очутился противъ самаго Владиміра.
Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
Кинулъ во Илью во Муромца;
На лету поймалъ Илья булатный ножъ,
Да воткнулъ его въ дубовый столъ.
Говоритъ Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Держимъ всѣ мы на тебя надёжу крѣпкую;
Ужь прими-ка ты меня, Добрынюшку,
А со мной и моего ли братца меньшаго,
Смѣлаго Алешеньку Поповича,
Во свои во братья во крестовые;
Будешь ты, Илья, намъ братцемъ большіимъ,
Я, Добрыня, буду братцемъ среднімъ,
А Алеша—братцемъ меньшіимъ."
Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:
„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
А ему никто не знаетъ роду-племени,
Принесло его не вѣсть откудова,
Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома,

Да чудитъ у насъ во Кіевѣ, уродствуетъ."
Былъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Говоритъ Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:
„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
На Алешку больно ты не гнѣвайся:
Роду онъ поповскаго, захлыщева,
И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!"
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
Самъ доселѣ слылъ ты старшіимъ богàтыремъ,
А теперь кого въ племянники пожаловалъ,
Надъ собою нàбольшимъ кого призналъ?
Деревенщину, засельщину!"
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гỳсельцы звончàтыя,
Пѣть про времена про стародавнія.
Вынимай-ка гỳсельцы звончàтыя,
Поналадь-ка струнки золочёныя,
Выбирай-ка сыгрыши хорòшеньки,
Спой Алешѣ на послỳшанье старинушку
Про того про деревенскаго богàтыря,
Про Микулу Селянинова." (48)
Вынималъ Добрыня гỳсельцы звончàтыя,
Сталъ шелкòвыя тетивочки потягивать,
Золочёны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Микулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:
„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольга̀ Всеславьевичъ.
Сталъ Вольга̀ ростѣть-матерѣть,
Обучался Вольга̀ многимъ мудростямъ:
Щукой-рыбою ходить во синіихъ моряхъ,
Птицей-со̀коломъ летать подъ о̀болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыихъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбушки въ глубокіе станы,
Улетали всѣ птичушки за о̀болока,
Убѣгали всѣ звѣрюшки во тёмныя лѣса.
Сталъ онъ, Вольга̀, ростѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружинушку хоро̀брую,
Свёрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всей поступочкою молодецкою,
Тридцать мо̀лодцевъ да безъ единаго,
Самъ-то Вольга̀ былъ во тридцатыихъ.
„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Даней-пошлинъ платить во Кіевъ градъ,—
Молодой Вольга̀ Всеславьевичъ
Со дружинушкой хоро̀брою справляется,
За получкой къ городамъ тѣмъ снаряжается;
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,
Все молоденькихъ берутъ да темнокаріихъ.
„Вотъ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Выѣзжали во раздольицѐ чисто̀ поле,
Услыхали во чисто̀мъ полѣ ора̀тая:
Оретъ въ по̀лѣ ора̀тай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣдутъ мо̀лодцы впередъ до оратая,

Ѣдутъ день они съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Оретъ въ пòлѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Другой день они ѣдутъ да оратая,
Другой день съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Оретъ въ пòлѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Третій день они ѣдутъ до оратая,
Третій день идетъ ко полудню—
Только тутъ оратая наѣхали.
Оретъ въ полѣ оратай, понукиваетъ,
На кобылушку свою погукиваетъ,
Съ края въ край бороздочки помётываетъ,
Въ край уѣдетъ—и другаго не видать,
Изъ земли дубья-колодья вывёртываетъ,
А великіе кàменья всѣ въ бòрозду валитъ;
Только кудри у оратая качаются,
Скатнымъ жѐмчугомъ по плѐчамъ разсыпаются.
У оратая кобылка-то солòвая,
На кобылкѣ гужики шелкòвые,
Хвостъ-отъ до земли растилается,
Грива колесомъ завивается.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшики на сошкѣ чиста сѐребра,
На омѣшикахъ присошекъ красна золота.
„Говоритъ Вольгà таковы̀ слова:
„—Богъ тебѣ помочь, орàтаюшко?
Что орать ли, пахать да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помётывати!—
„Говоритъ оратай таковы̀ слова:
„—Да поди-ка ты, Вольгà Всеславьевичъ!
Надо божью пòмочь намъ крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помётывати.
Самъ далече ль ѣдешь, куда путь держѝшь
Со своею со дружинушкой хорòброю?—
„Говоритъ Вольгà таковы̀ слова:
„—Ѣду съ града Кіева ко двумъ городамъ:
Къ славну Гурчевцу да ко Орѣховцу:

Не хотятъ мужики даней-пошлинъ платить.—
„—Ай ты, младъ Вольга̀ Всеславьевичъ!
Во томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ
Мужики-то живутъ все разбойники:
Я недàвно былъ тàмъ—третьёго дни,
Закупилъ себѣ соли цѣлыхъ трѝ мѣха,
А и въ каждомъ мѣхỳ было по сту пудъ,
Положилъ на кобылку на соловую,
На кобылку на солову *Обнеси-Голова*,
Самъ я, мòлодецъ, садился—ровно сорокъ пудъ,
И поѣхалъ по Гурчевцу-Орѣховцу.
Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,
Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,
Стали грòшей подорожныхъ съ меня просить.
Сталъ я грòшей подорожныхъ мужикамъ дѣлить;
Да чѣмъ меньше грошей стало ставиться,
Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.
А я былъ съ шалыгой подорожною,
Сталъ дѣлить имъ грòшей подорожныихъ:
Да кой стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,
А кой сидя сидѣлъ, тотъ и лёжа лежитъ—
Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—
„—Ай же ты, орàтай-орàтаюшко!
Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—
„Собрался̀ съ нимъ оратай во товарищахъ,
Съ сошки гужики шелковеньки повы̀стегнулъ,
Да кобылку солòвеньку повы̀вернулъ,
Самъ садился на кобылку солòвеньку;
Всѣ посѣли на добры̀хъ коней, поѣхали.
„Говоритъ оратай таковы̀ слова:
„—Ай же ты, Вольга̀ Всеславьевичъ!
А оставилъ я вѣдь сошку во борòздочкѣ;
Да не для̀-ради прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный наѣдетъ—не управится,
А богатый наѣдетъ—не позàрится;
Не наѣхалъ бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки, то повы̀дернетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повы̀тряхнетъ,
Да изъ сошки омѣшики повы̀колнетъ—
Нечѣмъ будетъ самомỳ мнѣ крестьянствовати.
Ужь пошли-ка ты дружинушку хорòбрую,
Чтобы сошку съ земельки повы̀дернули,

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.—
„Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ
Со своей со дружинушки хоробрыя
Трехъ самолучшихъ добрыхъ молодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ къ сошкѣ три могучихъ молодца,
За рогачъ они сошку вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земли поднять.
Посылаетъ Вольга десять молодцевъ—
Ѣдутъ къ сошкѣ цѣлымъ десяточкомъ,
За рогачъ они сошку вокругъ вертятъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя.
Посылаетъ всю дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго—
Ѣдутъ къ сошкѣ всѣ тридцать безъ единаго,
За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертятъ,
Отъ земельки сошки все поднять нельзя.
Говоритъ оратай таковы слова:
„—Ай ты, младъ Вольга, княженецкій сынъ!
Не дружинушка у тебя хоробрая,
А немудрая у тебя одна хлѣбоясть.—
„Самъ подъѣхалъ къ сошкѣ оратаюшко,
За рогачъ бралъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
Улетѣла сошка подъ оболока,
Пала сошка на земь за ракитовъ кустъ,
Во сыру землю до рогача ушла. (49)
Сѣли на коней опять, поѣхали.
„Говоритъ Вольга Всеславьевичъ:
„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою въ запуски.—
„У оратая кобылка ступкомъ идетъ,
У Вольги-то конь побѣгиваетъ;
У оратая кобылка рысью идетъ,
У Вольги-то конь поскакиваетъ;
У оратая кобылка грудью пошла,
А Вольгинъ-то конь и гнаться не могъ.

Самъ подъѣхалъ къ сошкѣ ора̀таюшко,
Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
Улетѣла сошка подъ ѐболока.

Сталъ Вольга̀ оратаю покрикивати,
Сталъ Вольга̀ колпакомъ помахивати:
„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!
Кабы эта кобылка конёмъ была,
За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—
„Говоритъ въ отвѣтъ оратаюшко:
„—Глупый ты, Вольга̀, неразумный, Вольга̀!
Я кобылку взялъ жеребёночкомъ,
Однолѣткомъ-жеребёночкомъ съ-подъ матушки,
Далъ за жеребёночка пятьсотъ рублей,
А теперь цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.
Кабы эта кобылка да конёмъ была,
Экому коню бы смѣты не было.—
„Говоритъ Вольга̀ Всеславьевичъ:
„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Какъ тебя, скажись-ка, именѐмъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?—
„—Ай ты, младъ Вольга̀ Всеславьевичъ!
Я какъ ржи напашу да въ скирды сложу,
Въ скирды сложу, съ поля вы̀волочу,
Съ поля вы̀волочу, дома вы̀молочу,
Драни надеру да пива накурю,
Пива накурю да гостей заберу,—
Станутъ гости пить, станутъ кушати,
Станутъ здравствовать меня да похваливати:
„Ай ты здравствуешь, Микула Селяни̇̀новичъ!“—
„Ѣхали впередъ добры мо̀лодцы,
Подъѣзжали подъ Гурчевецъ-Орѣховецъ,
Да наѣхали на драку, на великій бой. (50)
Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы
Отъ дали̇̀ узнали добрыхъ мо̀лодцевъ,
А и были же злодѣи тутъ догадливы:
На той рѣченькѣ ли да на быстроей
Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныихъ.
Молодой Вольга̀ самъ догадливъ былъ:
Посылалъ на мосточики впередъ себя
Эту силушку—дружини̇̀шку хоро̀брую.
Какъ зашла эта силушка великая
Да на тѣ на мосточики поддѣльные,
Подломилися мосточики поддѣльные,
Стала сила въ рѣченькѣ тонуть да гину̇̀ть.
Какъ тутъ младъ Вольга̀ со Микулушкой

Поразсѐрдилися да поразгнѣвалися,
Приправляли за рѣченьку добрыхъ коней,
Однимъ скокомъ скочили на тотъ бережокъ,
Стали-почали злодѣевъ чествовати,
Чествовати да жаловати,
Оплетьми ихъ дò-люби нахлыстывати:
„—А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—
„Какъ клянутся тутъ ребята, заклинаются:
„—Трое проклятъ будетъ на вѣку изъ насъ,
Кто еще съ такими мòлодцами свяжется,
Заведетъ съ вами драку, великій бой!—
„Стали вкругъ ихъ ходить, оглядывати,
Промеждỳ собой да приговаривати:
„—А вѣдь этотъ-то, ребята, и третьёго дни былъ,
И третьёго дни былъ, насъ, мужиковъ, побилъ!—
„Собиралися ребята, извинялися,
Понизѐнько молодцàмъ поклонялися:
„—Ужь вы гой еси, удàлы мòлодцы:
Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—
„Бралъ Вольгà съ нихъ дани-невыплаты,
Со Микулой скоро поворотъ держалъ,
Поворотъ держалъ во стольный Кіевъ градъ.
Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.
„А и то старина, то и дѣянье!“

* * *

Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
Положилъ на лавку гỳсельцы звончàтыя,
Воспрогòворилъ Владимiръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Пилъ допрѐжь ты чарочку заздравную,
А теперь повыпей-ка забавную,
Во-первыхъ за то, что распотѣшилъ насъ,
Во-другихъ за то, что ко стыду привелъ
Смѣлаго Алешеньку Поповича:
Во скамьѣ сидитъ Алешка, не сворòхнется,
Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“
Наливалъ Добрыня чару зеленà вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медкомъ стоялыимъ,
Возымаетъ чару единòй рукой,

Выпиваетъ чару за единый вздохъ.
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А не тѣмъ лишь та поѣздка кончилась:
Какъ Вольга̀ во Кіевъ градъ ворочался,
Тутъ Микула, слышно, зазывалъ Вольгу
Въ домъ свой во гостёбище почѐстное.
Какъ пріѣхали къ посельицу Микулину,
Выходили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
Славныя три дочери Микулины,
Поленицы молодыя все, уда̀лыя,
Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
Старша—Василиса дочь Микулична,
Средня—Марья дочь Микулична
И меньша̀—Настасья дочь Микулична,
Принимали гостя съ честью-почестью...“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Поленицъ уда̀лыхъ и забылъ какъ разъ!
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу мо̀лебенъ,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за память молодецкую
Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми-же гроша̀ми подорожными—
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, что̀ поумнѣе, старшая
Василиса дочь Микулична
За Ставра̀ Годинова замужъ пошла,
Во Черниговѣ за муженькомъ живетъ,
На печи лежитъ да калачи жуетъ;
Всѣхъ съумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владиміра-то князя и съ ума свела:
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сёстры у нея еще на выданьѣ,
Обѣ поленицы же уда̀лыя,
Во раздольицѣ чисто̀мъ полѣ поля̀куютъ;
Вы сѣдлайте-ка скорѣй добры̀хъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ бо̀льшимъ,
Съ первымъ ли бога̀тыремъ Ильею Муромцемъ.
Выѣзжайте во раздольице чисто̀ поле,
Во чисто̀мъ полѣ порыскайте, поклѝкайте—

Можетъ, выкличите поленицъ удалыихъ;
Тутъ побитъ ихъ во бою вамъ, добрымъ молодцамъ.
Уже дѣло не великое—послѣднее;
А кто поленицу во бою побьетъ,
За того она вѣдь и замужъ идетъ,
Прямо въ церковь божью ко злату вѣнцу,
Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ ли и за свадебку!
Только буде, какъ Ставра Годинова,
Приберутъ васъ ко бѣлымъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!"
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Старому жениться—не ко младости,
Вѣкъ со бабой бабиться—не къ радости.
Да не биться мнѣ и съ родомъ со Микулинымъ:
Любитъ мать-сыра земля его.
А случитъ нелегкая посъѣхаться
Съ поленицею удалой во чистомъ полѣ—
Изъ сѣдла собью дѣвчину на сыру землю,
Коли взмолится—спущу во живности,
Заупрямится—предамъ и смерти скороей.
Да не дай мнѣ Боже биться съ бабою,
Дай мнѣ поединщиковъ-богатырей,
Супротивъ меня могучихъ супротивниковъ!
Тутъ какъ самъ Господь положитъ на душу:
Либо силушки другъ у друга отвѣдаемъ,
Либо же крестами побратаемся."
А Алеша все не унимается,
Говоритъ Ильѣ, самъ усмѣхается:
„Коль наѣдетъ мужика Микулушка,
Своего же брата гурчевца-орѣховца—
Силушку надъ мужикомъ извѣдаетъ,
Нахлыстаетъ шелепугой до-люби;
А наѣдетъ сильнаго богатыря,
Такъ вѣрнѣе побрататься съ нимъ."
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
Любо всякому могучему богатырю
По чисту полю порыскать, пополяковать,
Силой съ супротивникомъ помѣряться,
А съ невѣрнымъ за святую Русь
Прозакладывать и буйну голову,
Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ,

За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
Да не честь же, не хвала богатырю,
Для-ради утѣхи молодецкія,
Проливать безвинну человѣчью кровь,
Обездоливать семейку богатырскую,
Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
А мужикъ Микула Селяниновичъ
И не тянется за славой богатырскоей:
Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
Напасаетъ хлѣбушка на всю святую Русь—
И на насъ съ тобой, могучіихъ богатырей;
Всю земную тягу, во поту лицу,
Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,
А земную тягу на плечахъ носить
Не подъ силу и сильнѣйшему богатырю.
Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
Знать, забылъ про сумочку Микулину?
Не длинна старинка, да тяжка, вѣска,
Какъ та мала сумочка Микулина.
Ужь сыграю-ка еще старинку чудную
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье."
Бралъ опять онъ гусельцы звончатыя,
Заводилъ старинку чудную
Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СВЯТОГОРЪ.

„На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ ([51]) сидѣлъ,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать-сыра земля.
Захотѣлося разъ богатырю
Погулять во раздольицѣ чистомъ полѣ—

Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ на путь-дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣряться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго изъ виду вонъ,
На бѣлы руки опять подхватываетъ:
„—Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небеси кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—
„Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
Добра молодца пѣхотою идучи;
За плечами у добра молодца
Была малая сумочка перемётная.
Какъ припуститъ скакать онъ добра коня
Во всю силу во лошадиную—
Добрый молодецъ идетъ пѣхотою,
Не нагнать его коню богатырскому.
Какъ поѣдетъ тихою вольготою—
Добрый молодецъ впередъ не наступываетъ.
„И окликнулъ Святогоръ добра молодца:
„—Гой еси ты, прохожій добрый молодецъ!
Ты постой-ка, постой немножечко.
Какъ скакать припущу добра коня
Во всю силу во лошадиную—
Ты идешь впередъ пѣхотою,
Не нагнать тебя коню богатырскому;
Какъ поѣду тихою вольготою—
Ты идешь, впередъ не наступываешь.—
„Обождалъ его прохожій добрый молодецъ,
Полагалъ со плечъ со могучіихъ
На земь малую сумочку переметную.
Говоритъ Святогоръ добру молодцу:
— А скажи-ка мнѣ, добрый молодецъ,
У тебя что за ноша въ этой сумочкѣ?—

„Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ:
„—Ай же, славный ты великанъ-богатырь!
Попытайся-ка взять мою ношицу
На свои на плечи на могучія,
Побѣжать съ ней по раздольицу чисту полю.—
„Опущался славный великанъ-богатырь
Со добра коня къ малой сумочкѣ,
Принимался за малую сумочку;
Принимался сперва однимъ перстомъ—
Эта малая сумочка переметная
На сырой землѣ не сворохнется.
Принимался тогда одной рукой—
Эта сумочка все не сворохнется.
Ухватилъ обѣими ручками—
Все-то съ мѣста она не сворохнется.
Принимался всею силой великою,
Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
Къ этой малой сумочкѣ переметной,
Захватилъ всею силой великою—
Во сыру землю угрязнулъ по колѣночки,
По бѣлу лицу не слёзы—кровь течетъ.
Уходилось сердце молодецкое,
Только малый духъ подпустить успѣлъ
Подъ ту малую сумочку переметную,
Говоритъ самъ таковы слова:
„—Не вздымалъ такой ноши я отъ роду!
Много силы во мнѣ, а не подъ силу.
Что во сумочкѣ твоей понакладано?
Кто ты самъ есть, удалый добрый молодецъ,
Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ?—
„Отвѣчаетъ удалый добрый молодецъ:
„—Въ моей малой сумочкѣ переметной
Вся земная тяга понагружена,
А я самъ—Микула Селяниновичъ.—“

* *
*

На скамью кладетъ Добрынюшка гусёлышки,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Гдѣ угрязнулъ Святогоръ въ сыру землю,
Тутъ, какъ баютъ, онъ и встать не могъ,
Тутъ было ему и преставленіе:

Наказалъ Господь за похвальбу великую!"
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„А неправильно же баютъ такъ.
Ко Святымъ Горамъ онъ поворотъ держалъ,
И понынѣ на Святыхъ Горахъ живетъ,
Да не смѣетъ долу опущатися,
Разъѣзжаетъ лишь по щелейкамъ по каменнымъ."
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Гой ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:
Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ
Или молодой Добрынюшка?
Не пошлешь ли ты кого къ Святымъ Горамъ
Правду-истину извѣдати,
Святогора попровѣдати?
Ужь пошли-ка перваго богатыря,
Стараго удала Илью Муромца:
Тутъ они, какъ Богъ положитъ на душу,
Либо силушки другъ у друга отвѣдаютъ,
Либо же крестами побратаются."
Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвы ноги,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныихъ,
Воспроговорилъ да таковы слова:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:
Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;
Не довлѣетъ сильному богатырю
На покоѣ дома жить, животъ кормить."
Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:
„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,
Да бери себѣ въ товарищи любимые
Изо всѣхъ богатырей здѣсь самолучшаго."
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Возставай-ка на рѣзвы ноги,
Снаряжайся-ка во путь-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочёными крестами помѣняемся,

Да отъ рòзстани, два братьица назвàныихъ,
Учинимъ поѣздку богатырскую.“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборныимъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшкалось,
Какъ съ чистà поля вернётесь съ поленицами,
Со Микуличнами ко злату̀ вѣнцу.“
Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонъ.
Съ пиру всѣ домой тутъ убираются.
Тѣмъ и пиръ и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ И НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облака ходячаго,
Не Днѣпра-рѣка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалася—
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣздку богатырскую:
Снаряжались въ полѣ, собиралися
Два могучихъ русскіихъ богàтыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матёрый, старый Илья Муромецъ.
Что̀ ясёнъ соко̀лъ удалъ Добрынюшка:
Погубилъ-побилъ онъ змѣище Горынчище;
Илья Муромецъ того удàлѣе:
Погубилъ-побилъ онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоимъ равныхъ нà сушѣ,
Нѣтъ обоимъ супротивниковъ и нà морѣ.
Какъ подъѣхали къ лугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ трѝ раза обнялися,

Трѝ раза поцѣловалися,
Золочёными крестами побратàлися,
Стали звать другъ дружку братьями крестовыми.
И поѣхали могучіе богàтыри,
Два крестовыхъ братца да назвàныихъ,
По чистѝ полю дорожкою пробойною;
Ѣздятъ вмѣстѣ по чистѝ полю,
Ѣздятъ черезъ горушки высокія,
Ѣздятъ черезъ рѣчушки глубокія,
Ѣздятъ по лѣсамъ непроходимыимъ;
День проѣздили, другой и третій день,
А и нѣтъ имъ супротивника въ чистòмъ полѣ,
Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
Нѣтъ повольника да во темныхъ лѣсахъ.
Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
Ископыть да лошадиную:
Вся земля изрыта, проворочена,
Полны рытвины-колодцы ключевой воды.
Говоритъ Добрынѣ старый Илья Муромецъ:
„Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!
Видно, ископыть-то богатырская.
Да охота хоть съ богàтыремъ посъѣхаться,
Не охота въ сторону сворачивать:
Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.
Поѣзжай-ка ты одинъ во слѣдъ богàтырю,
А во Кіевѣ ужò съ тобою свидимся.“
Распростилися богàтыри, разъѣхались:
Старый ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,
Младъ Добрыня—ископытью лошадиною.
Ѣдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,
Нагоняетъ во чистòмъ полѣ богàтыря.
А сидитъ богàтырь на добрòмъ конѣ,
А сидитъ еще да въ платьяхъ женскіихъ.
Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„То вѣдь не богàтырь на конѣ сидитъ,
А сидитъ дѣвѝца, либо женщина,—
Поленица, знать, удàлая!“
Разъѣзжается Добрыня на богàтыря;
Какъ ударилъ пàлицей булатною
Поленицу въ буйну голову—
Усидѣла поленица, не сворòхнется,
И назадъ-то на Добрыню не оглянется.

На конѣ своемъ Добрыня пріужахнется,
Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря.
А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
Сырой дубъ въ объемъ во человѣческій.
Наѣзжалъ Добрынюшка на сырой дубъ,
Испытати силу богатырскую;
Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ—
Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ проговорилъ да таковы слова:
„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“
Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагоняетъ поленицу онъ удалую;
Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову—
Усидѣла поленица, не сворохнется,
И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
На конѣ своемъ Добрыня пріужахнется,
Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ удалыя:
„Смѣлость у Добрынюшки по-прежнему;
Видно, сила у Добрыни не по-прежнему!“
А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
Сырой дубъ да въ два объема человѣческихъ.
Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сырой дубъ,
Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ—
Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ:
„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“
Разгонялъ Добрынюшка добра коня,
Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,
Да ударилъ поленицу въ буйну голову.
На конѣ тутъ поленица сворохнулася,
На Добрыню поленица оглянулася,
Говоритъ сама да таковы слова:
„Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе богатыри пощёлкиваютъ!“
И хватила за желты кудри Добрынюшку,
Сдёрнула Добрынюшку съ коня долой,
И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.
Какъ повезъ ихъ было ея добрый конь
По раздольицу да по чисту полю,
Говоритъ ей добрый конь, провѣщился:
„Ай же ты, хозяюшка любимая,

Молода Настасья дочь Микулична!
Не могу везти я двухъ богàтырей:
Силой-то богàтырь супротивъ тебя,
Смѣлостью богàтырь да вдвоёмъ тебя.“
Вынимала тутъ Настасья дочь Микулична
Изъ мѣшка изъ кожанца богàтыря,
Говоритъ сама да таковы слова:
„Если старъ богàтырь—голову̀ срублю,
Если младъ богàтырь—во полòнъ возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—заму̀жъ пойду,
Не прелюбится—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю богàтыря въ овсяный блинъ.“
Какъ взглянула на млада̀ Добрынюшка,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:
„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“
Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:
„Ай же, поленица ты уда̀лая!
Ты почемъ узнала молода Добрынюшку?
Самъ тебя не знаю, не видалъ досель.“
„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку,
А Добрынѣ нѐгдѣ увидать меня.
Дочка я Микулы Селянинова,
Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала въ чисто̀ поле поля̀ковать,
Поискать себѣ да супротивничка.
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“
„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!
Ты спусти меня, Добрыню да во живности,
Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую,
И приму съ тобой да по злату̀ вѣнцу.“
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко стольну граду Кіеву.
Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,
Билъ челомъ Добрыня ро̀дной матушкѣ,
Той честно̀й вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ.
Выпросилъ прощеньице-благословеньице,
Заводилъ почѐстенъ пиръ на всѣхъ богàтырей,

На своихъ на братьицевъ названыхъ,
Не позвалъ на пиръ лишь братца меньшаго,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ коротати.
Тутъ ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моей конецъ.

БЫЛИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СВЯТОГОРЪ (52).

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полевалъ онъ, старый, во чистомъ полѣ,
Люта звѣря на копье ловилъ,
Соболей-куницъ да на низокъ низалъ.
Подъѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Въѣхалъ старый на Святы Горы,
Услыхалъ тутъ превеликій шумъ:
Всколыбалась мать-сыра земля,
Зашатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливалися изъ береговъ крутыхъ.
Видитъ старый: на добромъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сидючи.
„Что за чудо?“ говоритъ Илья·
„Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выспаться и во бѣломъ шатрѣ.
Знать, не русскій богатырь то, а невѣрный есть.“
Разгорѣлось у Ильюши ретиво сердцо,
И наганивалъ коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля да во первой наконъ,
Палицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко

По плечамъ могучіимъ богàтыря,
Думалъ, что богàтыря съ конемъ убилъ.
Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сидючи.
„Что за чудо?“ говоритъ Илья:
„Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
На конѣ никто да усидѣть не могъ.
Дай-ка, поразъѣдусь во второй наконъ.“
И наганивалъ коня онъ со чистà поля,
Со чистà поля да во второй наконъ,
Пàлицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко
По плечамъ могучіимъ богàтыря,
Думалъ, что богàтыря съ конемъ убилъ.
Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сидючи.
„Видно, худо все еще его ударилъ я!
Дай-ка, поразъѣдусь во третій наконъ.“
И наганивалъ коня онъ во третій наконъ,
Палицей ударилъ крѣпко-нà-крѣпко,
Крѣпко-нà-крѣпко да плотно-нà-плотно
По плечамъ могучіимъ богàтыря.
Пробудился тутъ богàтырь ото крѣпка сна,
Самъ прогòворилъ да таковы слова:
„Дò-больна кусаютъ мухи русскія.“
Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
Захватилъ удàла русскаго богàтыря,
Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
И поѣхалъ самъ путемъ-дороженькой.
Двое суточекъ ихъ возитъ добрый конь,
А на третьи у коня у богатырскаго
Стали рѣзвы ножки подгибатися,
Сталъ могучій конь да спотыкатися,
По колѣна во сырý землю угрязывать.
Бралъ богàтырь плеточку шелкòвую,
Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
Самъ коню да приговаривалъ:
„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
Ты чего идешь да спотыкаешься?
Аль невзгоду надо мною вѣдаешь?“
Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
Человѣчьимъ голосомъ провѣщился:
„Какъ же мнѣ не спотыкатися?

Все возилъ я одного богàтыря,
А теперь вожу ужъ третьи суточки
Двухъ могучихъ сильныихъ богàтырей,
Третьяго—коня да богатырскаго.“
Вынималъ Илью богàтырь изъ кармана вонъ
Со конемъ со богатырскіимъ,
Сталъ Илью выспрашивать, вывѣдывать:
„Кто ты есть такой, удалый добрый мòлодецъ?“
Говоритъ ему удалый добрый мòлодецъ:
„Я—богàтырь святорусскій съ стольна Кіева,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
Святогора славнаго богàтыря.
Не съѣзжаетъ онъ на матушку-сырỳ землю,
Не является къ намъ, русскіимъ богàтырямъ.“
„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
Самъ вѣдь Святогоръ-богàтырь предъ тобою есть.
Я съѣзжалъ бы къ вамъ на матушку-сырỳ землю,
Да не носитъ мать-сырà земля меня,
Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь,
Ѣздить можно мнѣ лишь по горамъ высокіимъ
Да по щèлейкамъ по толстыимъ.
Мы съ тобой поѣздимъ-ка по щèлейкамъ,
Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.
По крестовому по брàтовству я бòльшій братъ,
Будешь ты, Илья, мнѣ меньшій братъ.“
Тутъ они крестами помѣнялися,
Братьями крестовыми назвàлися,
Стали вмѣстѣ разъѣзжать по щèлейкамъ,
Разъѣзжать-гулять да по Святымъ Горамъ.
И наѣхали они на чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
Осередь пути великій гробъ стоитъ,
Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повыложенъ,
А на крышкѣ подпись да подписана:
„На кого состроенъ сей великій гробъ,
На того онъ и поладится.“
Говоритъ богàтырь Святогоръ Ильѣ:
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты ложись-ка первый во великій гробъ:
Не поладится ли на тебя, Илью?“
Опускался старый со добрà коня

И ложился во великій гробъ:
Не по немъ широкъ и дологъ былъ великій гробъ.
Говоритъ богàтырь Святогоръ Ильѣ:
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.
Дай-ка, я прилягу: не по мнѣ ли онъ?“
Опускался самъ богàтырь со добрà коня,
И ложился во великій гробъ:
Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.
Говоритъ богàтырь таковы слова:
„На меня состроенъ сей великій гробъ;
Хорошо здѣсь во гробу-то жить!
Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты возьми-ка да закрой меня
Тою крышкою дубовою гробòвою.“
Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:
„Не закрою я тебя, мой бòльшій братъ,
Тою крышкою дубовою гробòвою.
Шутку шутишь ты не малую:
Во живыхъ собрàлся хоронить себя.“
Какъ беретъ тутъ самъ богàтырь, накрывается
Тою крышкою дубовою гробòвою—
А та крышечка изволомъ божіимъ
Сораслась со гробомъ во однò мѣсто.
И воззвалъ изъ гроба Святогоръ къ Ильѣ:
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Какъ ни бьюся, какъ ни силюся,
Не могу я крышки надъ собой поднять!
Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,
Открывай-ка по одной доскѣ.“
Брался старый за тѣ доски за дубовыя,
Оторвать не можетъ никакой доски:
„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу открыть я никакой доски.“
„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,
Разруби-ка крышку острыймъ мечомъ.“
Брался старый за тотъ славный Святогоровъ мечъ,
Со сырòй земли не могъ меча поднять
„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу меча я и съ земли поднять.“
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Наклонись ко крышкѣ ко гробòвоей,

Сталъ рубить по крышкѣ по гробовоей:
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударитъ богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Припади ко малой щёлочкѣ:
Дуну на тебя я духомъ богатырскіимъ."
Наклонился онъ ко крышкѣ ко гробовой,
Припадалъ ко малой щёлочкѣ:
Дунулъ Святогоръ на стараго
Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскіимъ
И почуялъ старый, какъ въ немъ силушки
Втрое противъ прежняго прибавилось;
Приподнялъ съ земли онъ богатырскій мечъ,
Сталъ рубить по крышкѣ по гробовой,
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударитъ богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.
Воззывалъ богатырь Святогоръ опять:
„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!
Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробовой."
Рубитъ старый вдоль по крышкѣ по гробовой,
Отъ ударовъ искры сыплются,
А куда ударитъ богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.
„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!
Наклонись ко крышкѣ ко гробовой,
Припади ко малой щёлочкѣ:
Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскіимъ,
Передамъ тебѣ всю силу богатырскую."
Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:
„Будетъ силушки съ меня, мой большій братъ.
Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—
И меня носить не станетъ мать сыра-земля."
Говоритъ богатырь Святогоръ Ильѣ:
„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ
Что послѣдняго наказа не послушался:
Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,
Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.
А теперь прощай, мой меньшій братъ!
Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судилъ.
Богатырскій мечъ возьми себѣ,
А добра коня оставь хозяину,
Привяжи ко гробу богатырскому:
Никому не сладить съ нимъ, опричь меня."
И прошли изъ ясныхъ очушекъ
Слёзы у него горючія,

И сложилъ онъ руки богатырскія
На бѣлы груди на богатырскія,
И принялъ себѣ онъ смерть великую,
И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
Тутъ простился старый со богатыремъ,
Святогорова добра коня
Привязалъ ко гробу богатырскому,
Опоясалъ славный Святогоровъ мечъ, ([53])
И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
Тутъ ли Святогору и славу поютъ.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ищетъ—не отыщетъ супротивничка;
А идетъ на встрѣчу добру молодцу
Старая калика перехожая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-клюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гуня на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюка горбатая въ косу сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидалъ Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напущался на калику онъ съ чиста поля
Поотвѣдать силы богатырскія.
Говоритъ ему калика перехожая:
„А не честь же, не хвала богатырю
Напущаться на калику перехожую.
Свѣтъ ты, государъ мой Илья Муромецъ!

Не узналъ ты, видно, старое каличище?
Я вѣдь сильное, могучее Ива̀нище:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотѣ.“
Говоритъ каликѣ Илья Муромецъ:
„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколь идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда̀ держишь?“
„Я иду отъ стольнаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусо̀лимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченькѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися.“
„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольноемъ по-прежнему?“
„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольноемъ-то не по-прежнему:
Какъ наѣхало Идо̀лище великое
Со своею силушкой поганою, (54)
Кіевъ градъ на много верстъ обставило,
А у князя солнышка Владиміра
Не случилось дома сильныихъ бога̀тырей:
Во чисто̀ поле разъѣхались поля̀ковать;
Были двое лишь: Алеша сынъ Леонтьевичъ
Да еще молоденькій Добрынюшка —
Хоть и смѣлъ Алешка, не удалъ вѣдь онъ:
Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чисто̀ поле
Супротивъ той силушки поганыя,
Супротивъ Идо̀лища великаго; (55)
А Добрыня—какъ вернулся со чиста̀ поля
Съ поленицею Настасьею Микуличной,
Да какъ принялъ съ нею по злату̀ вѣнцу—
Ничего онъ на бѣло̀мъ свѣтѣ не вѣдаетъ,
Съ молодой женою вѣкъ кора̀таетъ.
Какъ же тутъ не убояться князю солнышку?
Выходилъ онъ ко Идо̀лищу великому,
Выходилъ со низкими поклонами,
Со подарочками драгоцѣнными,
Звалъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменны,
Хлѣбца-соли у себя покушати

Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.
И зашло Идолище великое
Въ княженецкія палаты бѣлокаменны,
И садилось за столы дубовые,
Ко княгинѣ ко Апраксіи лицомъ сидитъ,
Къ самому ко князю солнышку хребтомъ сидитъ,
По быку по цѣлому да выти ѣстъ,
По котлу по цѣлому да пива пьетъ.
Самъ сидитъ, надъ княземъ похваляется:
— Какъ святые образа-то всѣ поколоты,
Во черной грязи да всѣ потоптаны,
Во церквахъ во божьихъ кони кормятся...—"
„Что же ты, могучее Иванище,
Не очистилъ града Кіева,
Не убилъ поганаго Идолища?"
„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
Вѣкъ такого вора я не видывалъ,
Слыхомъ про такого вора да не слыхивалъ:
Въ долину двѣ сажени печатныихъ,
Въ ширину сажень печатная;
Межь глазами пяда мѣрная,
Межь ноздрями калена стрѣла,
Головище что лоханище,
А глазища что пивныя чашища.
Устрашился я Идолища великаго,
Не посмѣлъ идти я на поганое."
„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Силы у тебя есть въ два меня,
Смѣлости-удачи нѣтъ и въ полъ меня.
Разболакивай-ка гуню стариковскую,
Разувай-ка лапотки-обтопточки,
Подавай-ка шляпоньку пуховую,
Клюшку-волжанку горбатую во сорокъ пудъ;
Сокручусь каликой перехожею:
Не узнало бы Идолище поганое
Добра молодца да Илью Муромца."
Пораздумалось могучее Иванище,
Пораздумалось да порасплакалось:
„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
Какъ не ты просилъ бы платьицевъ каличіихъ,
Да не отдалъ бы я платьицевъ каличіихъ:
Вплетено въ мои во лапотки-обтопточки

По драгòму камню самоцвѣтному,
Да не для-радѝ красы-басы̀ угожества,
Ради темныхъ ноченекъ осенніихъ.
Съ чести не отдать тебѣ—ты нѐ съ чести возьмешь,
Нѐ съ чести возьмешь, еще и бокъ набьешь.“
Разболакивалъ онъ гуню стариковскую,
Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
Скидывàлъ онъ шляпоньку пуховую,
Клюшку-вòлжанку горбатую въ землю̀ воткнулъ—
И ушла клюка до самой до кокòвочки.
Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
Платьице мое ты богатырское,
Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
Да садись-ка на коня на богатырскаго.
На улòвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
Какъ раздѣлаюсь съ поганымъ—отыщу тебя.“
И сажалъ его онъ на добрà коня,
Во двѣнадцать во сѣдѐлышекъ засѣдлывалъ,
Во двѣнадцать во подпружковъ да подтягивалъ.
Какъ поѣхалъ по чисту̀ полю Иванище,
Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
Радъ бы выпасть изъ сѣдла—да нѐ можно.
А Илья со матушки-сырòй земли
Клюшку-вòлжанку горбатую повы̀дернулъ,
Сталъ съ горы да нà гору поскакивать,
Сталъ съ холма́ да нà холмъ перепрядывать.
Скоро скажется, да тихо сдѣется...
Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
Подходилъ къ палатамъ княженецкіимъ,
Становился подъ окошечко косящато,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:
„Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Сотвори-ка ты каликѣ перехожеей
Милостыню золоту̀ гривну
Для-радѝ Христа Царя небеснаго,
Ради пресвятыя Богородицы!“
Отъ того ли да отъ крику богатырскаго
Бѣлокаменны палаты зашаталися,
Изъ оконницъ стеклышки посыпались,
На столахъ напитки расплескàлися,

За столомъ князья да бояре припадали,
У Идолища сердечко пріужахнулось;
Бросилось поганое по плечъ въ окно,
Говоритъ само князю Владиміру:
„Голосастые калики на Руси у васъ!
Позови-ка ты калику во высокъ терёмъ.“
Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
Говорилъ каликѣ перехожеей:
„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемётная!
Ты поди-ка во высокъ терёмъ.“
Проходилъ калика во высокъ терёмъ,
На крыльцо зашелъ—крыльцо заскрипнуло,
По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
Заходилъ во гридню во столовую,
Клалъ тутъ крестъ да по писаному,
Велъ поклоны по учёному,
Князя со княгнею поздравствовалъ,
Одному Идолищу челомъ не билъ.
Говоритъ Идолище поганое:
„Ай же ты, калика перехожая,
Порехожая сума ты перемётная!
Ты по платьицамъ идешь хоть старчищемъ,
По походочкѣ ты добрый молодецъ:
По шагамъ твоимъ весь теремъ ходуномъ ходитъ.
Ты коей земли, старикъ, коей орды?“
„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Мурома,
А хожу каликой по святой Руси.“
„Если ты изъ славнаго изъ Мурома,
Если ходишь по святой Руси,
То видалъ и Илью Муромца богатыря.
Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“
Говоритъ калика перехожая:
„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ;
Хошь узнать его, такъ на меня гляди:
Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ.“
„А помногу ль ѣстъ вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьетъ онъ зелена вина?“
„Ѣстъ и пьетъ Илья во славу божію,
Съѣстъ калачикъ—по другомъ душа горитъ,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.

Выпьетъ чарку—по другой душа горитъ,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той.“
„Что же онъ за богатырь какой!
Былъ бы здѣсь вашъ Илья Муромецъ,
На ладонь бы посадилъ его, другой прижалъ,
Межъ ладонями мокрò бы лишь повыжалось,
Взялъ бы да и дунулъ во чистò поле!
Я какъ стану хлѣба-выти ѣсть—
Съѣмъ по три печи печеныихъ,
Да во щахъ схлебаю по быку по русскому,
Закушу лебёдушкою бѣлою;
Пить какъ стану зеленà вина—
Выпью духомъ три ведра да мѣрныихъ.“
Говоритъ калика перехожая:
„И у князя нашего Владиміра
Было старое кобѐлище-объѣдище,
Много ѣло—только треснуло,
Было старое корòвище-обжорище,
Много пило—только лопнуло.
Тоже будетъ и тебѣ, поганому.“
Таковò слово ему за гнѣвъ пало,
Со стола схватило нòжище-кинжалище
Да бросаетъ во калику перехожую,
Во матёраго Илью во Муромца.
Былъ же тутъ Илья на ножки пòвертокъ,
Скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Клюшкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
Пролетѣло мимо нòжище-кинжалище,
Угодило въ дверь дубовую;
Выскочила дверь да съ ободвериной,
Улетѣла во чистò поле,
Тамъ двѣнадцать ли татаровей поганыихъ
За мертво убила, остальныхъ поранила.
Проклинаютъ тутъ татаровья Идòлище:
„Будь ты трое прòклято, поганое!“
А Илья стоитъ да усмѣхается:
„Мнѣ родитель-батюшка наказывалъ,
Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрятъ, дитятко.“
Какъ захватитъ шляпу стариковскую.
Да махнетъ въ Идòлище великое—
Попадàлъ ему во буйну голову,

Повалилося поганое, захамкало.
Говоритъ Ильюша таковы слова:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крылѐчико.“
Бралъ Идолище онъ за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ съ палатъ да на крылѐчико,
Говорилъ самъ таковы слова:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ.“
Выводилъ его онъ на широкій дворъ:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто поле.“
Выводилъ его онъ во чисто цоле,
Захватилъ поганаго тутъ за ноги,
Началъ имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:
„Сторонитесь, люди православные!
Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскіе,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло.“
Бьетъ поганыхъ онъ, охаживаетъ три часа,
Не оставилъ окаянныхъ и на сѣмена.
Вынималъ тутъ славный Святогоровъ мечъ,
По плечъ голову срубилъ Идолищу. (56)
Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:
„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!
Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ,
Что избавилъ насъ отъ полона великаго?“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Что мнѣ надобно, каликѣ перехожеей?
На приходѣ гостя не учествовалъ,
На походѣ гостя не учествуешь.“
Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
Говорилъ Ильѣ да таковы слова:
„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
У кого ты отнялъ богатырскій мечъ?
Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“
Разсказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,

Завѣщалъ ему свой богатырскій мечъ,
Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
Какъ съ того въ немъ силы втрое прибыло,
И приподнялъ онъ съ земли великій мечъ.
Поклонился и Алешенька тутъ старому.
„Исполать тебѣ, могучему богатырю!
Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупыя!
Ты прими-ка и меня теперь, Алешеньку,
Во свои во братья во крестовые!“
Принялъ старый смѣлаго Алешеньку
Во свои во братья во крестовые,
Самъ назадъ въ чисто поле ворочался
Къ сильному, могучему Иванищу.
На Иванищѣ-то платье попритаскано,
Попритаскано да попритерзано
Отъ добра коня отъ богатырскаго.
Снялъ Илья Иванище съ добра коня,
Разболакиваетъ гуню стариковскую,
Разуваетъ лапотки-обтопточки,
Надѣваетъ платье богатырское,
Самъ садится на добра коня,
Со каличищемъ Иванищемъ прощается:
„А теперь прощай, могучее Иванище!
Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
Выручай крещёныхъ отъ поганыихъ.“
Только и живо было Идолище,
Только и брало-то Кіевъ градъ,
А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СЪ КНЯЗЕМЪ ВЛАДИМІРОМЪ. (67)

Ѣздитъ старый во чистомъ полѣ,
Ѣздитъ старый много времени.
Цвѣтно платье у него поистаскалося,
Золота казна поиздержалася.

Говоритъ себѣ Илейко таковò слово:
„Побывалъ-то я теперь во всѣхъ литвахъ,
Побывалъ теперь во всѣхъ ордахъ,
Не бывалъ давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Чтò такое дѣется во Кіевѣ?“
Пріѣзжалъ Илейко въ стольный Кіевъ градъ;
У Владиміра у князя пиръ на-вѐселѣ,
За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ,
Сильныихъ, могучіихъ богàтырей.
Входитъ старый въ гридню княженецкую,
Ставится у ободверины,
Крестъ кладетъ да по писàному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Князю солнышку съ княгинею въ особину:
„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!
Пòишь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ мòлодцевъ?
Я къ тебѣ служить заѣхалъ вѣрой-правдою.
Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,
Не боюсь и дрýгой тысячи,
Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
Да не надобно во помощь мнѣ
Тридцати воронъ со воронятами.“
Не узналъ его Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
Именѐмъ какъ валичать тебя,
Отцомъ-батюшкою чествовать?“
„Я— Никита Заолѣшанинъ!“
„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!
Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ кòнечкѣ,
Ты садись-ка тамъ по край стола, по крàй скамьи:
Всѣ другѝ мѣстечки у меня позаняты.“
Повели Илейку слуги пòдъ руки,
Повели ко нижню кòнечку,
Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
Говоритъ Илейко таковò слово:
„Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
А меня ты сàдишь съ воронятами!“
Какъ хотѣлъ онъ тутъ поладиться, поправиться—

Поломалъ кругомъ скамьи дубовыя,
Пòгнулъ сваи всѣ желѣзныя,
Поприжалъ гостей всѣхъ во большòй уголъ.
А Владиміру то дѣло не слюбилося:
Возставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Потемнѣлъ самъ, чтò осення ночь,
Да вскричалъ, взревѣлъ, чтò лютый звѣрь:
„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста учёныя,
Пòгнулъ сваи всѣ желѣзныя:
У меня вѣдь промежъ каждаго богàтыря
Сваи были кладены желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися.
Ай вы, русскіе могучіе богàтыри!
Слыхано ли, чтобы васъ, богàтырей,
Кто назвàлъ ворòнами да воронятами?
Выходите-ка вы, трое самолучшіе,
Вы берите-ка Никиту подъ руки,
Выкиньте изъ гридни вонъ на улицу!“
Выходили самолучшихъ три богàтыря,
Нàчали Никитушку подёргивать,
Пòчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шàтнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:
„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
Подавай еще мнѣ трехъ богàтырей!“
Выходили три другихъ богàтыря,
Нàчали Никитушку подёргивать,
Пòчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шàтнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:
„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
Посылай еще хоть трехъ богàтырей!“
Выходили третьи три богàтыря—
Ничего съ Никитой не подѣлали.
Говоритъ Никита таковò слово:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Знать, тебѣ охота попотѣшиться?
Ты теперь изволь-ка на меня глядѣть:
Глядючи, пройдетъ охота тѣшиться.“
Сталъ тутъ самъ Никита тѣшиться,

Сталъ богатырей поталкивать,
Учалъ сильныихъ, могучіихъ попинывать:
Всѣ богатыри по гриднѣ порасползались,
Ни одинъ на ноженьки не можетъ встать.
Выходилъ изъ гридни вонъ Никитушка,
Дверьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
Воротами хлопнулъ—вонъ верёюшки,
А точёныя перильца пріосыпались.
Князь Владиміръ за печь позадвинулся,
Соболиной шубкой призакинулся:
„Ой, тихонько, братцы, не ворохнетесь:
Не услышалъ бы Никита Заолѣшанинъ!
Какъ услышитъ онъ—воротится, убьетъ насъ всѣхъ,
Не оставитъ стараго, ни малаго,
Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена...“
А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Каленую стрѣлочку накладывалъ,
Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:
„Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхіимъ,
Поснимай-ка золочёны маковки!“
Пали на земь золочёны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:
„Гой вы, голи, голюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!
Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,
Обирайте золочёны маковки,
Да несите во царёвъ кабакъ,
Пейте зелена вина тамъ до-сыта.“
Прибѣгали голюшки кабацкіе,
Доброхоты эти княженецкіе,
Обирали золочёны маковки:
„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“
Шли съ Илейкой во царёвъ кабакъ,
Пропивали золочёны маковки,
Пропивали съ нимъ да заоднёшенько.
А и стали тутъ сумлятися:
„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,
Что-то отъ Владиміра достанется:
Пропиваемъ мы его всѣ маковки!“
Говоритъ Илья имъ таковы слова:
„Пейте, голи вы мои, да не сумляйтеся:

Я заутра буду въ Кіевѣ князёмъ княжить,
А вы, голи, будете надъ всѣми набольши!"
Стали пить, не стали болѣе сумлятися,
Стали Господа молить за добра молодца.
А на томъ пиру на княженецкоемъ
Доносили солнышку Владиміру:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ
Со твоихъ со кровель златоверхіихъ
Золочёны маковки повыстрѣлялъ,
Созвалъ всѣхъ голей кабацкіихъ,
Пропилъ съ ними золочёны маковки."
Какъ сидѣлъ при томъ пиру-бесѣдушкѣ
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Говоритъ Добрынюшка Владиміру:
„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!
То вѣдь не Никита Заолѣшанинъ,
То мой братъ крестовый Илья Муромецъ."
Сталъ тутъ князь Владиміръ думу думати
Со боярченками именитыми,
Со богатырями сильными, могучими,
Какъ ему съ Ильей да помиритися:
„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,
Думайте-ка думу, не продумайте:
Ужь кого бы намъ да за Ильей послать,
Во почестенъ пиръ Илью позвать?
Самому-то мнѣ пойти не хочется,
А Апраксію послать—къ лицу нейдётъ."
Стали всѣ тутъ думу думати:
„Ужь кого бы намъ послать Илью позвать?
А пошлёмъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Вѣдь они съ Илейкой братьица крестовые,
Братьица крестовые, названые,
И его Илья, бывало, слушаетъ."
Шелъ Владиміръ по столовой горенкѣ,
Становился супротивъ Добрынюшки,
Говоритъ Добрынѣ таковы слова:
„Ты, молоденькій Добрыня! ужь сходи-ка ты
Къ старому Ильѣ ко Муромцу,
Бей челомъ Илейкѣ, низко кланяйся,
Поклонися до половъ кирпичныихъ,

Что до самой матушки сырой земли,
Говори Илейкѣ таковы слова:
— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксіей,
Какъ послалъ просить тебя да во почѐстенъ пиръ;
Не узналъ тебя онъ, добра молодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечкѣ;
А теперь онъ проситъ со усердіемъ,
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ на старо гнѣваться.—"
И пошелъ молоденькій Добрынюшка,
Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:
„Не по смерть ли яиду по скорую?
Да колѝ мнѣ не послушать князя солнышка,
Мнѣ отъ князя солнышка не сдобровать!"
И идетъ онъ во царёвъ кабакъ,
И приходитъ во царёвъ кабакъ;
А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
Съ голями сидитъ, пьетъ-прохлажается.
И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:
„Спереди зайти, такъ хорошо ль прилюбится?
Такъ ужь лучше же сзадѝ зайду."
Какъ зашелъ сзадѝ Добрыня, захватилъ Илью,
Захватилъ за плечи за могучія,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
Мой названый братецъ, старый Илья Муромецъ!
Ты сдержи-ка руки былыя,
Ты скрѣпи-ка ретиво сердцо;
Вѣдь пословъ-то ни куютъ, ни вѣшаютъ.
А и кладена у насъ съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь не малая, великая:
Меньшему-то брату слушать большаго,
Большему-то брату меньшаго,
Да стоять обоимъ дружка-за-дружку.
Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксіей:
Не узналъ тебя онъ, добра молодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечкѣ,
А теперь тебя онъ проситъ во почѐстенъ пиръ
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться."

Обернётся тутъ Илейко, самъ проговоритъ.
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты счастлйвъ тѣмъ, что сзадй зашелъ:
Кабы ты, Добрыня, спередй зашелъ,
Только бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!
А теперь тебя не трону, братецъ мой:
Вѣдь закона-то нельзя перѐступить.
Ты пойди, скажи-ка князю солнышку:
Пусть-ка для меня, для мо̀лодца,
Разошлетъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были нà трое на суточекъ
Всѣ царёвы кабаки отво̀рены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено̀ вино;
Кто не хочетъ зеленà вина,
Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
Кто не хочетъ пива пьянаго,
Тотъ бы пилъ сладкйхъ медовъ:
Чтобы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
А и пусть-ка для меня, для мо̀лодца,
Заведетъ онъ столованьице—почѐстенъ пиръ.
А колй не сдѣлаетъ по мо̀ему,
То ему, Владиміру, княжить до утрія.“
Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-нà-скоро
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Передàлъ ему Ильинъ наказъ;
Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-нà-скоро
Разослалъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были нà трое на суточекъ
Всѣ царёвы кабаки отво̀рены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено̀ вино,
Пилъ бездàнно да безпошлинно,
Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
Самъ заводитъ столованьице—почѐстенъ пиръ,
Забираетъ всѣхъ князей да бо̀яровъ,
Всѣхъ могучихъ русскіихъ богàтырей,
А и поленицъ удàлыихъ.

А во кабакахъ никто не пьетъ, не кушаетъ,
Всѣ идутъ ко князю ко Владиміру,—
Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
Посмотрѣть идутъ на добра молодца,
На того на стара Илью Муромца;
Всѣ на княженецкій дворъ сбираются,
Всѣ тихонько въ гридню пробираются.
Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,
Съ голями приходитъ со кабацкими,
Какъ идетъ во гридню свѣтлую,
Креститъ очи по писаному,
И ведетъ поклоны по учёному,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Скоро всталъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Скоро бралъ Илью да за бѣлы руки,
Цѣловалъ да во уста сахарныя,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
Такъ теперь твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Проводити стараго на мѣсто большее!“
Не садился онъ на мѣсто большее—
Сѣлъ на мѣсто на середнее,
Рядомъ посадилъ голей кабацкіихъ,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
Зналъ, кого послать меня позвать!
Кабы не Добрынюшка, названый братецъ мой,
Никого бы не послушалъ здѣсь.
А было намѣренье наряжено:
Тугой лукъ разрывчатый натягивать,
Да стрѣлять сюда, во гридню свѣтлую,
Да убить тебя, князя Владиміра,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Да на сей разъ Богъ тебя проститъ
За твою вину да за великую!“
Понесли гостямъ тутъ яствушекъ сахарныихъ,
Понесли напиточковъ медвяныихъ,
Подносили каждому по чарочкѣ;
Говоритъ Илья Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
Тѣмъ ли ты моихъ гостей учествуешь—
Чарочками да голѣй кабацкіихъ?“
А Владиміру то слово не слюбилося,
Говоритъ Ильѣ да таковы слова:
„У меня во погребахъ глубокіихъ
Есть про всѣхъ васъ зелено вино,
Есть про каждаго по бочкѣ-сороковочкѣ.
Коли здѣсь не хватитъ на гостей твоихъ,
Сами спустятся во погреба глубокіе.“
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
Такъ ли добрыхъ молодцевъ да чествуютъ,
Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
Знать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“
Какъ повскочитъ старый на рѣзвы ноги,
Погребовъ у слугъ не спрашивалъ,
Къ погребамъ ключей не требовалъ,
Прямо шелъ ко погребамъ глубокіимъ,
Двери и колоды вонъ выпинывалъ,
Безъ ключей замочики отщёлкивалъ,
Входитъ самъ во погреба глубокіе.
Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
Третью сороковую ногой катитъ,
Выкатилъ на княженецкій дворъ,
Закричалъ самъ во всю голову:
„Гой вы, голи, голюшки кабацкіе!
Выходите-ка на княженецкій дворъ,
Напою я всѣхъ васъ зеленымъ виномъ.“
Сходитъ самъ опять во погреба глубокіе.
Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:
„Гой вы, слуги, слуги вѣрные!
Вы бѣгите-ка скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорёшенько,
Заложите въ погребахъ мнѣ молодца,
Позадёрните чугунною рѣшёточкой,
Завалите дубьемъ-колодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпьте желтыми песочками,
Поморите смертію голодною!“

Побѣжали тѣ скорымъ-скоро,
Скоро-на̀-скоро да поскорёшенько,
Заложили въ погребахъ Илью,
Позадёрнули чугунною рѣшёточкой,
Навалили дубья-ко̀лодья со всѣхъ сторонъ,
Да засы̀пали песками желтыми.
Какъ другимъ бога̀тырямъ то за бѣдѝ пало,
Возставали съ пира не докушавши,
Выходили на широкій дворъ,
Всѣ садились на добры̀хъ коней,
Всѣ разъѣхалися во чисто̀ поле,
Во раздольице широкое:
„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
А не будемъ же служить князю̀ Владиміру!“
Такъ-то въ тѝ пору у князя у Владиміра
Не осталося во Кіевѣ бога̀тырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ ([58]).

Ой ты, мать-сыра̀ земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во еди̇но не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнёхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрны̀мъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокіихъ,
Позадёрнути чугунною рѣшёточкой,
Завалити дубьемъ-ко̀лодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.
Да была у князя дочка молодёшенька,
Дочка молодёшенька была, малёшенька,
Видитъ: посадилъ Владиміръ князь
Стараго во погреба на смерть голодную;

А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви божія,
Могъ бы поберечь ей князя-батюшку,
Могъ бы поберечь ей и княгиню-матушку.
И брала ко погребамъ глубокіимъ
Во потай она ключи у матушки,
Подкопать велѣла копи тайныя,
Носитъ старому уѣдушки сахарныя,
Ставитъ старому напиточки медовые.
А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.
Подсылалъ тутъ Калинъ царь Калиновичъ
На святую Русь татаровей поганыихъ:
„Ай же вы, мои татаровья поганые!
Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
Ко тому ко славному ко Кіеву,
Посмотрите, попровѣдайте,
Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси.“
И поѣхали татаровья поганые
На святую Русь, ко славну Кіеву,
И пріѣхали во стольный Кіевъ градъ.
Посмотрѣли отъ далй поганые
На Владиміра на князя солнышко,
И поѣхали назадъ къ царю-татарину.
Сталъ ихъ Калинъ царь выспрашивать:
„Гдѣ же вы, ребята, были-побыли,
Что же вы, ребята, видѣли?“
Говорятъ ему татаровья поганые:
„Были-побыли мы на святой Руси,
Побыли во славномъ Кіевѣ,
Видѣли во Кіевѣ чуднымъ чудно,
Видѣли во Кіевѣ дивнымъ дивно:
Какъ со матушки со церкви божіей
Шла душа-дѣвица красная,
Книгу на рукахъ несла, евангелье,
Сколько ни читала, вдвое слезно плакала.“
Говоритъ имъ Калинъ царь Калиновичъ:
„Ай вы, глупые мои татаровья!
Шла то не душа-дѣвица красная,
Шла то мать да пресвятая Богородица,
Книгу на рукахъ несла, евангелье:
Видѣла надъ Кіевомъ невзгодушку,
Оттого и слезно плакала.“

Не волна на мòрѣ расходилася,
Не синё море да всколыбалося—
Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.
Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
Думаетъ онъ думушку недобрую,
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ разорить онъ стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову̀ срубить,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Собираетъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель да съ сорока царей,
Съ каждымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакой силушка несчетная.
Собирается собака ровно трѝ года,
На четвертый во походъ пошелъ:
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Становился съ силой у быстрà Днѣпра,
Приказалъ всей силушкѣ великоей
Во одно мѣстò снести по камешку—
Выросла гора превеличàюща.
Чтò подъ силой мать-сырà земля не пòгнется,
Подъ поганой не разступится?
Отъ того отъ пару отъ конинаго
Инъ померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духа отъ татарскаго
Нѐ можно крещёнымъ живымъ быть.
Какъ разставилъ силу по чисту̀ полю,
Самъ сходилъ собака со добрà коня,
Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стулъ,
Ярлыки писалъ да скорописчаты,
Не чернилами писалъ, а краснымъ золотомъ,
Ярлыки да запечатывалъ;
Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
Мѣрою татаринъ трехъ сажень,
Голова на немъ съ пивной котелъ,
Промежь плечъ татаринъ во косу̀ сажень.
Подавалъ ему онъ грамоту посыльную,
Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:

„Ай же ты, любезный мой посланничекъ!
Знаешь говорить ты да по-русскому,
Про себя мычать да по-татарскому?
Ты бери-ка грамоту посыльную,
Ты садись-ка на добрà коня,
Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,
Ко тому ко князю солнышку на шѝрокъ дворъ,
Станови добрà коня серѐдь двора,
Не привязывай коня и не приказывай,
Проходи прямёхонько да не съ упадкою
Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
Отворяй въ палаты двери нà-пяту,
Не снимай и шапки со головушки,
Богу русскому не кланяйся,
Князю солнышку челомъ не бей,
Полагай лишь ярлыки на зо̀лотъ столъ,
Пословечно выговаривай:
—Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы̀ руки,
Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
Безъ поклона повернись тутъ да поди съ палатъ,
На коня садись да поѣзжай назадъ,
Во свою во силушку великую.“
И поѣхалъ тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,
Дѣлалъ дѣло повелѣное:
Заѣзжалъ на шѝрокъ княженецкій дворъ,
Становилъ добрà коня серѐдь двора,
Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
Проходилъ прямёхонько да не съ упадкою
Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
Отворялъ въ палаты двери нà пяту,
Не снималъ и шапки со головушки,
Не молился Спасу образу,
Князю солнышку челомъ не билъ,
Бросилъ только ярлыки на зо̀лотъ столъ,
Пословечно выговаривалъ:
„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы̀ руки,
Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
Каждое словечко да высматривай.“
Безъ поклона повернулся да съ палатъ пошелъ,

На коня садился да поѣхалъ вонъ,
Во свою во силушку великую.
Какъ вставалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Со большаго мѣста княженецкаго,
Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатывалъ ихъ скоро да развертывалъ,
Каждое словечко да высматривалъ.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по всему по славну Кіеву
Онъ съ божьихъ церквей чудны кресты повыснималъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойла лошадиныя,—
Было бъ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскіимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повыпахалъ,
Богатырскіе дворы повычистилъ,
Поумылъ полаты бѣлокаменны,—
Было бъ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;
По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставилъ бочку къ бочкѣ близко-по-близку,
Сладкихъ все, хмѣльныхъ напиточковъ,—
Было бъ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видитъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое;
Посмотрѣлъ въ окошечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра Днѣпра
Калинъ царь со всею силушкой невѣрною,
А той силы на чистомъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменьевъ на чистомъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жаровaго.
Устрашился солнышко Владиміръ князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушекъ роняетъ слезы горькія,
Шёлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Ахъ ты гой еси, моя жена любезная;
Ты княгинюшка моя Апраксія!

Накатилась силушка невѣрная,
Обступила стольный Кіевъ градъ.
По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
Что богàтыри изъ Кіева разъѣхались:
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужь нѐкому.
Разсердилъ я всѣхъ могучіихъ богàтырей,
А удàла стара Илью Муромца
Засадилъ во погребà глубокіе,
Заморилъ да смертію голодною:
Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,
Постоялъ бы онъ за церкви божія,
Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,
Поберегъ бы и тебя, Апраксію.
А теперь намъ, видно, дѣлать нечего,
На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится."
Какъ была тутъ дочка у Владиміра,
Дочка молодёшенька, малёшенька,
Говоритъ ему да таковы̀ слова:
„Гой еси, родитель ты мой батюшка!
Слышала я въ церкви, во писаніи,
Что удàлу стару Ильѣ Муромцу
Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.
Закричи-ка ты своимъ вѣрны̀мъ слугамъ,
Чтобъ сходили къ погребамъ глубокіимъ,
Поразсы̀пали песочки желтые,
Развалили дубье-кòлодье,
Да раздёрнули рѣшёточку чугунную.
Самъ бери-ка золоты̀ ключи,
Отворяй-ка погребà глубокіе,
Опущайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,
Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ?"
Говоритъ ей батюшка Владиміръ князь:
„Ай же, дитятко мое ты неразумное!
Ты сними-ка буйну голову,
Приростетъ ли ко плечамъ она?
Быть ли живу черезъ трѝ года
Старому да Ильѣ Муромцу?"
Отвѣчаетъ дочка молодёшенька,
Дочка молодёшенька, малёшенька:
„Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ."
Выходилъ Владиміръ князь тутъ на краснò крыльцо,

Закричалъ вѣрнымъ слугамъ да громкимъ голосомъ:
„Гой еси, мои вы слуги вѣрные!
Вы сходите-ка ко погребамъ глубокіимъ,
Поразсыпьте-ка песочки желтые,
Развалите дубье-колодье,
Да раздёрните рѣшёточку чугунную,
Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“
И пошли они ко погребамъ глубокіимъ,
Поразсыпали песочки желтые,
Развалили дубье-колодье,
Да раздёрнули рѣшёточку чугунную,
Закричали громкимъ голосомъ:
„Гой еси, удалый добрый молодецъ,
Живъ ли ты аль нѣтъ, откликнися?“
Подалъ голосъ имъ Ильюшенька.
Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золоты ключи,
Отмыкаетъ погреба глубокіе—
А во погребахъ Илья живой сидитъ,
У Ильюши воскова свѣча горитъ,
Самъ читаетъ книгу онъ, евангелье.
Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
„Ужь ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!
Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,
А не вѣдаешь невзгодушки великія:
Вѣдь нашъ Кіевъ градъ во полону стоитъ,
Обошелъ вѣдь насъ собака Калинъ царь
Со своею силушкой великою.
Разсердилъ я всѣхъ богатырей,
Поразъѣхались они изъ Кіева,
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужь нѣкому.
Ужь постой-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,
Постарайся-ка за вѣру христіанскую,
Хоть не для меня, князя Владиміра,
Хоть не для княгини для Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ.“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Я ужь три года не видѣлъ свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?“
„Да не для-ради меня, Владиміра,
И не для-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвы̀ ноги,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:
„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!“
Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,
Шелъ въ конюшеньку стоялую,
Выводилъ добра̀ коня на ши̇рокъ дворъ,
Сталъ добра̀ коня уздать, засѣдлывать:
Полагалъ на потнички да потнички,
Полагалъ на войлочки да войлочки,
На верёхъ черкасское сѣдёлышко;
По̀дпруги подтягивалъ шелко̀веньки,
Втягивалъ шпилёчики булатные,
Полагалъ стремя̀ночки булатныя,
Пряжечки да красна золота—
Да не для красы-басы̀, не для угожества,
Для-ра̇ди̇ укрѣпы богатырскія;
Шёлкъ-то тянется, да нѐ рвется,
А булатъ-желѣзо гнется, не ломается,
Красно золото и мокнетъ, да не ржавѣетъ.
Одѣвалъ тогда доспѣхио крѣпкіе,
Бралъ съ собою палицу булатную,
Во-другихъ копье да долгомѣрное,
Въ-третьихъ ту̀гой лукъ да калены̀ стрѣлы,
Бралъ еще шалыгу подорожную,
И садился на добра̀ коня,
Говоритъ самъ князю таковы̀ слова:
„Запирай-ка, князь, воро̀та крѣпко-на̀-крѣпко,
Засыпай желты̀мъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я, Илья, поѣду во чисто̀ поле
Созывать могучіихъ бога̀тырей.“
Только видѣли Ильюшу сядучи,
А не видѣли его поѣдучи;
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ
Во чисто̀мъ полѣ да куре̇во̀ стоитъ,
Куре̇во̀ стоитъ, да пыль столбомъ валитъ.
Выѣхалъ онъ во чисто̀ поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганую:
Нагнано-то силы видимо-невидимо,
Инъ не можетъ пропекать и красно солнышко
Между паромъ лошадиныимъ и человѣческимъ;
Долгіимъ весенніимъ денёчикомъ
Сѣру звѣрю силы не обры̀скати,

Долгіимъ межѐннымъ денёчикомъ
Черну вѐрону да не обгрàнити,
Долгіимъ осеннімъ денёчикомъ
Сѣрой птицѣ да вокругъ не ѐблетѣть.
Какъ отъ пѐкрику отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо. (59)
И поѣхалъ старый Илья Муромецъ
По раздольицу чистѐ полю вкругъ силушки—
Конца-краю силушкѣ не могъ наѣхати.
И не смѣетъ старый напустить на силушку,
Поднимается на гѐру на высокую,
Посмотрѣлъ на силушку поганую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со первѐй горы Илья спущается,
На высокую другую поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со другой горы Илья спущается,
На высокую на третью поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Усмотрѣлъ подъ стороной восточноей
Во чистѐмъ полѣ бѣлѐй шатеръ,
На бѣлѐмъ шатрѣ злачёна мàковка,
У бѣлà шатра да кѐни богатырскіе.
Со горы высокой онъ спущается
И поѣхалъ по чистѐ полю,
Пріѣзжаетъ ко бѣлѐ шатру;
Тамъ стоитъ двѣнадцать кѐней богатырскіихъ,
Зоблятъ всѣ пшену да бѣлоярову,
Все-то добры кѐни русскіе,
Все его крестовыхъ братьицевъ,
Братьицевъ крестовыхъ да назвàныихъ.
Онъ вязялъ коня къ столбу точёному,
Припущалъ его къ пшенѣ ко бѣлояровой,
Самъ заходитъ во бѣлѐй шатеръ.
Во бѣлѐмъ шатрѣ двѣнадцать ли богàтырей,
Все богàтырей-то святорусскіихъ,
Сѣли хлѣба-соли кушати,
Поиграть во шашки-шахматы.
Онъ глаза крестѝтъ да по писàному,

Онъ поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Дядюшкѣ любимому въ особину:
„Хлѣбъ да соль, богàтыри вы святорусскіе,
Братія моя крестовая, назвàная!
Здравствуешь и ты, любимый дядюшка,
Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“
Какъ увидѣли Илью богàтыри,
Повскочили скоро на рѣзвы̀ ноги,
Со Ильюшенькой здоровкались:
„Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!
Говорили, ты у князя у Владиміра
Посажёнъ во погреба глубокіе,
Поморёнъ да смертію голодною,
Анъ ты живъ поѣзживаешь во чистòмъ полѣ?“
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
„Ужь поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
Съ нами хлѣба-соли да покушати.“
Говоритъ Илья имъ таковы̀ слова:
„Гой же вы, могучіе богàтыри,
Гой ты, мой любезный дядюшка!
Вы ѣдѝте, пьете, утѣшаетесь,
Вы во всяки игры забавляетесь,
А нашъ Кіевъ градъ во полонỳ стоитъ,
Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Кàлинъ царь
Со своею силушкой великою,
Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да головỳ срубить
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Вы сѣдлайте-ка добры̀хъ коней,
Да садитесь на добры̀хъ коней;
Ужь поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,
Не для князя для Владиміра,
Не для князевой княгинюшки Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
Старый ты да Илья Муромецъ!
Самъ я не поѣду во чистò поле
Стольный Кіевъ градъ отстаивать,

И тебѣ не дамъ благословенія:
Много у Владиміра князей да бояровъ,
Кормитъ онъ ихъ, поитъ да и жалуетъ;
Намъ же отъ него ждать нечего,
Не могимъ мы на него смотрѣть,
На его жену Апраксію,
Дали въ томъ заклятіе великое."
„Да не для-ради князя Владиміра
И не для-ради жены его Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!"
Не поѣхалъ съ нимъ любимый дядюшка,
Не поѣхали могучіе богатыри.
Видитъ онъ, что дѣло имъ не по-люби,
Выходилъ одинъ да со бѣла шатра,
Бралъ добра коня за повода шелковые,
Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Самъ садился на добра коня,
И поѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко татарской силушкѣ поганоей.
А раскинулася сила по чисту полю,
Колыбается аки синё море,
Инъ сыра земля подъ силой подгибается.
Не ясёнъ соколъ съ-подъ облакъ напущается
На гусей, на лебедей, на малыхъ уточекъ—
Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ
Напущается на силу на татарскую:
Заѣзжаетъ прямо во серёдочку,
Сталъ татаровей конемъ топтать,
Сталъ поганыихъ копьемъ колоть,
Подорожною шалыгою помахивать,
Будто зелену траву косить:
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улица,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.
Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,
Не ѣдаючи да не пиваючи,
Со добра коня да не слѣзаючи,
Побилъ силушки ужь безъ счету,
А все будто силушки не убыло,
Самъ Илья изъ силы выбился.
Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосомъ:
„Гой еси, удалый добрый молодецъ!
Ты отсрочь-ка времени намъ трое суточекъ."

Отвѣчалъ ему удалый добрый молодецъ:
„Не отсрочу вамъ я нисколёшенько.“
„Ты отсрочь намъ хоть на суточки.“
И отсрочилъ имъ Илья на суточки,
Самъ поѣхалъ во чисто поле,
Разставлялъ себѣ бѣлой шатеръ,
И ложился опочивъ держать,
Услыхалъ тутъ добрый конь невзгодушку,
Разбудилъ Илью онъ рано по утру,
Проязычился языкомъ человѣческимъ:
„Ай же ты, любезный мой хозяюшко!
Ночью мнѣ, добру коню, да мало спалося,
Мало спалося да много видѣлось:
Далъ собакѣ Калину ты сутки времечка,
А его татаровья поганые
Подкопали три подкопа да глубокіихъ,
Опущали въ нихъ телѣги да ордынскія,
Становили копья мурзамецкія,
Зарывали желтыми песочками.
Станешь ѣздить ты да по чисту полю,
Станешь бить да силушку великую,
Упаду я во первой подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
Упаду я во другой подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
Упаду я во третій подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
А тебя, Ильюшу, ужь не вынесу.“
Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилося,
Какъ беретъ онъ плетку во бѣлы руки,
Бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говоритъ коню да таковы слова:
„Ай же ты, собачище измѣнное!
Я холю, кормлю-пою тебя,
А ты хочешь покидать меня
Во подкопахъ во глубокіихъ!“
И направилъ онъ коня да во первой подкопъ—
Добрый конь его оттоль повыскочилъ,
И Ильюшеньку съ собой повытащилъ.
И упалъ онъ во другой подкопъ—

Добрый конь его оттоль повыскочилъ,
И Ильюшеньку съ собой повытащилъ.
И упалъ онъ во третій подкопъ—
Добрый конь съ подкопа хоть повыскочилъ,
Самого Ильюшу ужь не вытащилъ:
Соскользнулъ Ильюша со добра̀ коня
И остался во подкопѣ во глубокоемъ.
Приходили тутъ татаровья поганые,
Захватить хотятъ добра̀ коня;
Не сдается конь имъ во бѣлы̀ руки,
Убѣжалъ далёко во чисто̀ поле.
Приходили тутъ татаровья поганые,
Подняли съ подкопа Илью Муромца,
И сковали Ильѣ ножки рѣзвыя,
И связали Ильѣ ручки бѣлыя.
Говорятъ одни татаровья:
„Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,
Отрубить ему да буйну голову.“
Говорятъ ины татаровья:
„Не отрубимъ-ка ему мы буйной го̀ловы,
А сведемъ къ собакѣ царю Калину:
Что̀ захочетъ, то̀ надъ нимъ и сдѣлаетъ.“
Повели Ильюшу по чисту̀ полю,
Приводили ко полаткѣ полотняноей,
Привели къ собакѣ царю Калину,
Становили супротивъ его,
Говорили сами таковы̀ слова:
„Гой еси, собака ты, нашъ Ка̀линъ царь!
Захватили мы уда̀ла добра мо̀лодца
Во подкопахъ во глубокіихъ,
Привели къ тебѣ, собакѣ царю Ка̀лину:
Что̀ захочешь, то надъ нимъ и сдѣлаешь.“
Говоритъ Ильѣ собака Ка̀линъ царь:
„Ай же ты, удалый добрый мо̀лодецъ!
Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
Ѣшь-ка яствушекъ моихъ саха̀рныихъ,
Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныихъ,
Одѣвай мою одежу драгоцѣнную,
Золоту̀ казну держи по надобью;
Не служи-ка ты князю̀ Владиміру,

А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Калину."
Говоритъ ему на то въ отвѣтъ Илья:
„Мнѣ не сѣсть съ тобой да за единый столъ,
Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствушекъ сахарныихъ,
Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныихъ,
Не носить твоей одежи драгоцѣнныя,
Не издерживать твоей да золотой казны,
Не служить тебѣ, собакѣ царю Калину;
Постою еще за стольный Кіевъ градъ,
Постою за церкви за Господнія,
Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людушекъ!"
Говоритъ ему собака Калинъ царь:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
У меня, собаки, есть двѣ дочери,
Ты посватайся-ка на любой изъ нихъ,
Я любую за тебя замужъ отдамъ."
Говоритъ Илья да не съ упадкою:
„Ай же ты, собака Калинъ царь!
Не случилося со мною сабли острыя,
На твоей бы шеѣ я посватался."
Какъ на то собака поразсердился,
Приказалъ вести Ильюшу во чисто поле,
Отрубить ему да буйну голову.
Повели Ильюшу во чисто поле,
Вывели Ильюшу во раздольице,
Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.
Не тропой бѣжитъ тутъ, не дорожкою,
Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
На боку несетъ черкасское сѣдёлышко,
По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
Замахалъ Илья коня, кричитъ коню:
„Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
Ты унесь меня отъ двухъ смертей,
Унеси теперь отъ третіей!"
Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
Захватилъ зубами путыни шелковыя,
Оборвалъ всѣ путыни шелковыя,
Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.
Какъ вскочилъ Илья тутъ на добра коня,

Выѣзжалъ да во чистò поле,
Тýгой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калёную накладывалъ,
Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:
„Ты пади, стрѣла, не нà воду, не нà землю,
Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чистò поле,
Ты лети, стрѣла, да во бѣлòй шатеръ,
Проломи да крышу на бѣлòмъ шатрѣ,
Попади, стрѣла, да на бѣлы̀ груди
Къ моему ко дядюшкѣ любимому,
Проскользни ему да по бѣлòй груди,
Сдѣлай только маленькую сцàпину,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Спитъ онъ во бѣлòмъ шатрѣ да прохлажается,
Надъ племянничкомъ невзгодушки не вѣдаетъ.“
И спустилъ онъ стрѣлочку калёную;
Какъ просвиснетъ стрѣлочка калёная—
Полетѣла прямо во бѣлòй шатеръ,
Сня̀ла крышу со бѣлà шатра,
Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,
На бѣлòй груди да во злачёный крестъ,
Проскользнула по бѣлòй груди,
Сцапинку дала да по бѣлòй груди,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
Воспрянýлъ отъ сна отъ безпробуднаго,
Пораскинулъ очи ясныя:
Снята крыша со бѣлà шатра,
Проскользнула стрѣлка по бѣлòй груди,
Сцапинку дала да невеликую.
Скоро всталъ онъ на рѣзвы̀ ноги,
Говоритъ да таковы̀ слова:
„Гой вы, славные, могучіе богàтыри!
Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ крѣпкаго,
Снаряжайте-ка своихъ добры̀хъ коней,
Да садитесь на добры̀хъ коней!
Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
А не вѣдаемъ невзгоды надъ Ильюшенькой,
Надъ моимъ племянничкомъ любимыимъ:
Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
Нелюбимый да непрошенный:
Долетѣла стрѣлочка калёная,

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака— не изорвется!“
Только то словечко вымолвилъ—
Оторвалась голова татарская...

Сняла крышу со бѣла шатра,
Сцапинку дала мнѣ по бѣлой груди,
Маленькую сцапинку да невеликую:
Погодился мнѣ, Самсону, крестъ на воротѣ,
Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
Не было бъ креста на воротѣ,
Оторвала бы мнѣ буйну голову."
Возставали на рѣзвы ноги богатыри,
Выходили со шатра долой,
Начали сѣдлать добрыхъ коней,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали:
Стала мать-сыра земля продрагивать.
Смотритъ тутъ удалый Илья Муромецъ
Со горы высокой въ широко поле:
Не туманъ во полѣ поднимается—
Ѣдетъ тамъ одиннадцать богатырей,
Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
И окликнулъ Илья Муромецъ богатырей:
„Гой вы, братія моя названая,
Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
Поѣзжайте-ка правой рукой,
Самъ поѣду я лѣвой рукой,
Не упустимъ силы мы съ чиста поля,
Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до единаго."
Заѣзжали тутъ богатыри правой рукой,
Заѣзжалъ онъ самъ лѣвой рукой,
Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
Расходились жилы богатырскія,
Стали бить-рубить они татаровей,
Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.
О тѣла поганыя татарскія
Иступились сабли острыя,
Расщепились копья долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя.
Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
Сталъ кругомъ татариномъ помахивать:
Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровей,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговаривалъ:
„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака—не изорвется!"
Только то словечко вымолвилъ—

Оторвàлась голова татарская,
Угодила голова по силѣ вдоль,
Бьетъ и ломитъ ихъ, въ конѐцъ губитъ:
Достальные на побѣгъ пошли,
Сами говорятъ да заклинаются:
„А не дай намъ Богъ видать русскихъ людей!
Неужтò всѣ таковы̀ во Кіевѣ,
Что одинъ да пòбилъ всѣхъ татаровей?“
А собака сударь Калинъ царь
Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
На кроваткѣ дòрогъ рыбій зубъ,
Да подъ одѣяльцемъ соболиныимъ,
Спитъ, собака, прохлажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Какъ наѣхалъ тутъ къ палаткѣ Илья Муромецъ,
Ухватилъ собаку за желты̀ кудри,
Выдернулъ съ кроватки рыбій зубъ,
Выдернулъ съ кармана плеть шелкòвую,
Началъ бить его, собаку, чествовать,
Самъ ему да приговаривать:
„Вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
Со божьихъ церквей чудны̀ кресты,
Во церквахъ да стойла лошадиныя!
Вотъ тебѣ распаханныя улицы,
Вычищенные дворы да богатырскіе,
Поумытыя палаты бѣлокаменны!
Вотъ тебѣ хмѣльные, сладкіе напиточки
Со твоею силушкой великою!
А теперь поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
Къ ласковому князю ко Владиміру.“
И повезъ Илья собаку царя Калина
Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру,
И привелъ его въ палату бѣлокаменну
Передъ ласковаго князя солнышка.
А Владиміръ князь встрѣчалъ богàтырей,
Принималъ со честью-почестью,
Билъ челомъ съ усердьемъ всѣмъ богàтырямъ,
Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:
„Благодарствуйте, могучіе богàтыри,
Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
Что избавили насъ отъ бѣды великія,
Отъ напасти отъ напрасныя!

Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
Ото всѣхъ сторонъ оберегатели.
Какъ за то я васъ пожалую,
Какъ пожалую васъ златомъ-сѐребромъ,
Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтныимъ;
Или надо города вамъ съ пригородками,
Или надо сёла вамъ съ присёлками,
Или надо вамъ деревни со крестьянами?"

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Ничего мнѣ, старому, не надобно."
Какъ тутъ всѣхъ другихъ богàтырей
Солнышко Владиміръ жалуетъ:
Какъ даетъ имъ городà да съ пригорòдками,
Какъ даетъ имъ сёла да съ присёлками,
Какъ даетъ имъ золотỳ казну безсчетную,
Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
Обѣщаетъ при себѣ ихъ во честѝ держать.
И велитъ онъ всѣ царёвы кабаки раскрыть,
Чтобы весь народъ пилъ зеленò вино;
Кто не хочетъ зеленà вина,
Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
Кто не хочетъ пива пьянаго
Тотъ бы пилъ медòвъ стоялыихъ— (60)
Чтобы всѣ да веселилися.
И заводитъ онъ великъ почѐстенъ пиръ
На своихъ князей, на бòяровъ
Да на всѣхъ могучіихъ богàтырей;
И беретъ онъ за бѣлы̀ руки
Ту собаку царя Калина,
Садитъ также за столы дубовые,
Кормитъ яствушкой сахàрною,
Пòитъ питьицемъ медвяныимъ;
А собака бьетъ челомъ ему:

Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кіевскій!
Не сруби-ка ты мнѣ буйной гòловы!
Напишу съ тобой я записи великія,
Буду я платить отъ вѣку дò вѣку
Дани-выходы тебѣ, князю̀ Владиміру."
Скоро тутъ домой онъ убирается,
Убирается, собака, не съ прибытками,
Не съ прибытками, а со убытками,

Со убытками, со страмотою вѣчною.
Тутъ ему, собакѣ, и славу поютъ.

* * *

Что ни лучшіе богатыри—во Кіевѣ,
Золота казна—во Черниговѣ,
Колокольный звонъ—во Новѣ-городѣ,
Темны лѣсушки—Смоленскіе,
Горы-долы—Сорочинскіе,
А чисты поля—ко Ерусолиму.
Здунинай-най-най!
Болѣ пѣть впередъ не знай.

БЫЛИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ЧУРИЛА ПЛЁНКОВИЧЪ.

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младаго Чурилу сына Плёнковича! (61)

* * *

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почестенъ пиръ
На многихъ князей да на бояровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богатырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыихъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почестенъ пиръ идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко на перёное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.

Какъ изъ дàлеча-далѐча поля чистаго
Тутъ толпа мужичковъ появилася,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробѝваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу̀ творятъ:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плёнковича.
Ѣздили мы по рѣкàмъ-озерàмъ,
На твое на счастье княженецкое
Ни единой рыбки изловить не могли.
Появилися люди невѣдомые,
Шёлковы нѐводы замётывали,
Камешки у сѣтокъ-то серебряные,
Поплавочки на сѣткахъ позолѐченые:
Бѣлую рыбицу повы̀пугали,
Щукъ, карасей повы̀ловили,
Мелкую рыбицу повы̀давили.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со гнягиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жàлованья.
Жены, дѣти наши осирѐтѣли,
Пѐ міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою.“
Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилася,
Все мужички-птицеловщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробѝваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу̀ творятъ:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на̀ Чурилу сына Плёнковича.
Ѣздили мы по тихимъ зàводямъ,
На твое на счастье княженецкое

Ни единой птички не высмотрѣли.
Появилися люди невѣдомые,
Всѣхъ ясныхъ соколовъ повыхватали,
Всѣхъ гусей-лебедей повыловили,
Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повыстрѣляли.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою."
Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилася,
Все мужички-звѣроловщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плёнковича.
Ѣздили мы по темнымъ лѣсамъ,
На твоемъ государевомъ на займищѣ
На твое на счастье княженецкое
Никакого звѣря не наѣзживали.
Появилися люди невѣдомые,
Шёлковы тенета протягивали,
Кунку да лиску повыловили,
Чёрнаго соболя повыдавили,
Туровъ, оленей повыстрѣляли.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою."
Воспроговоритъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой вы, князья мои да бо̀яре,
Сильные, могучіе бога̀тыри!
Кто это Чурила есть таковъ?
Какъ не знаю я Чуриловой посѐлицы,
Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворо̀мъ стоитъ.“
Выступалъ изъ-за столовъ окольныихъ
Старый Бермята сынъ Васильевичъ:
„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
Знаю Чурилову посѐлицу,
Знаю, гдѣ Чурила и дворо̀мъ стоитъ.
Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора булатный тынъ,
Вѐрхи на тычинкахъ точёные,
Каждая со ма̀ковкой-жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воро̀тами иконъ до семидесяти;
Середи двора терема̀ стоятъ,
Терема̀ все златоверхова̀тые;
Первыя воро̀та—вальящетыя,
Среднія ворота—стекольчатыя,
Третьи ворота—рѣшетчатыя.“
Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
Въ путь поднимается, поѣздку чинитъ:
Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
Взялъ съ собой, чтобы путь показать,
Стараго Бермяту Васильевича,
Взялъ всѣхъ князей своихъ да бо̀яровъ,
Взялъ еще любимаго подручника
Стараго уда̀ла Илью Муромца,
Съ нимъ млада̀ Добрынюшка Никитича;
Всѣхъ собрало̀сь ихъ пятьсотъ человѣкъ,
Сѣли на добры̀хъ коней, поѣхали
Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.
Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
Говоритъ, головой пока̀чиваетъ:
„А и право же такъ, не пролгали мнѣ.“
Какъ изъ тѣхъ изъ теремо̀въ высокіихъ
Выходилъ тутъ старъ матёръ человѣкъ;
Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ зелёнымъ ста̀метомъ,

Петельки на шубѣ семи шелковъ,
Пуговки все вальящетыя,
Литый вальякъ-то красна золота.
Отворяетъ князю со княгинею
Первыя ворота вальящетыя,
Князьямъ-бо̀ярамъ—среднія стекольчатыя,
Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
Самъ говоритъ таковы̀ слова:
„Здравствуешь, князь со княгинею!
А пожалуй-ка ты къ намъ во высо̀къ терёмъ
Хлѣба да соли покушати,
Бѣлаго лебедя порушати.“
Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:
„Ай же ты, старъ матёръ человѣкъ!
Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества.“
Говоритъ ему старъ матёръ человѣкъ:
„А я Плёнко, гость Суро̀жанинъ, ([62])
А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка.“
И пошелъ Владиміръ во высокъ терёмъ,
Ходитъ по терему—дивуется,
Хорошо тамъ все изукрашено:
Полъ-середа̀ одного̀ серебра̀,
Печки-то все мура̀вленыя,
Подики у печекъ серебряные,
На̀ стѣны су̀кна навѝваны,
На̀ сукна стёкла набѝваны,
А потолокъ красна золота,
Вся луна небесная повы̀ведена:
Солнце на̀ небѣ—солнце и въ теремѣ,
Мѣсяцъ на̀ небѣ—мѣсяцъ и въ теремѣ,
Звѣзды на̀ небѣ—звѣзды и въ теремѣ.
По̀ небу звѣздочка покатится—
Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
Все понебесному въ теремѣ,
А̀ и всякая краса несказа̀ная.
Сѣли за столы за убраные,
Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
Столъ у нихъ идетъ о полу̀-столѣ,
Пиръ у нихъ идетъ о полу̀-пиру;
День на дворѣ вечеряется,
Красное солнце заката̀ется;

Всѣ-то ужь они безъ памяти сидятъ,
Солнышко князь свѣтелъ-радошенъ,
Вскрылъ немножечко окошечко,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дàлеча-далѐча поля чистаго
Тутъ толпа молодцòвъ появилася,
Молодцòвъ-то болѣе тысячи:
Кòни подъ ними одношерстные,
Узды на кòняхъ одномѣдныя,
Сѣдла на всѣхъ шиты золотомъ;
Сами молодцы̀-то одноличные,
Платье-то на всѣхъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны истòченками,
Шапки на всѣхъ черны мỳрманки,
Черны мỳрманки-золоты вершки;
А на ножкахъ сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Нòсы-то шиломъ, пяты востры̀,
Кругъ носòвъ-носовъ хоть яйцомъ прокати,
Подъ пятỳ-пяту воробей пролети,
Воробей пролети, перепархивай.
Молодцы̀ на конях̀ъ какъ свѣчи горятъ,
Кòни подъ ними какъ сòколы летятъ.
Середи всѣхъ ѣдетъ купàвъ молодѐцъ,
Купавъ молодѐцъ да краше всѣхъ:
Кудри у мòлодца дугой золотой,
Шея у мòлодца какъ бѣлый снѣгъ,
Личико у мòлодца какъ маковъ цвѣтъ,
Очи какъ у ясна сокòла,
Брови какъ у чёрна соболя;
Впередъ его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолничекъ несутъ,
Чтобы не запекло ему бѣлà лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадяхъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у мòлодцевъ подхватываетъ,
На головушки мòлодцамъ покладываетъ.
Какъ Владимiръ князь тутъ исполòшался,
Говоритъ старику да таковы̀ слова:
„Ай же ты, Плёнчище Сурòжанинъ!
Чья эта сила появилася?
То не царь ли какой со своей ордой

На меня, Владиміра, идетъ войной,
Во полонъ меня взять собирается?"
Усмѣхается Плёнчище Сурѐжанинъ:
„Не пужайся, государь, не полѐшайся!
То не царь со ордой идетъ войной,
То съ дружиной ѣдетъ сынишко мой,
Молодой Чурилушка Плёнковичъ."
Выходилъ тутъ Плёнчище Сурѐжанинъ
На то заднее крылѐчко на перёное,
Говоритъ Чурилѣ маковы̀ слова:
„Ай же ты, сынокъ мой Чурѝлченко!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій:
Чѣмъ будешь гостя ты подчивати,
Чѣмъ будешь гостя ты жа̀ловати?"
Бралъ тутъ Чурила золоты̀ ключи,
Заходилъ Чурила во глубо̀къ погребъ,
Отмыкалъ Чурила кованы̀ ларцы,
Бралъ оттуда шубу соболиную,
Дорогаго соболя заморскаго,
Подъ дорогимъ заморскимъ ста̀метомъ—
Подарить имъ солнышко Владиміра;
Бралъ еще камо̀чку хрущатую—
Подарить княгиню Апраксію;
Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ за̀яцевъ—
Подарить князей да бо̀яровъ;
Бралъ несмѣтно золотой казны—
Подарить дружину княженецкую.
Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
Самъ говоритъ таковы̀ слова:
„Ай же ты, Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
Много на тебя было̀ просителей,
Болѣе того да челомъ-бѝтчиковъ,
А теперь того больше благодателей,
И не дамъ я теперь суда на тебя.
Не довлѣетъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
А довлѣетъ тебѣ жить во Кіевѣ.
Ужь пойди-ка ко мнѣ ты въ стольники,
Въ стольники ко мнѣ да въ чашники?"
Кто отъ бѣды откупается—
А Чурила на бѣду нарывается:
Онъ идетъ ко князю въ стольники,

Въ стольники идетъ да въ чашники.
Какъ пріѣхали ужо во Кіевъ градъ
Свѣтъ-государь Владиміръ князь
На хорошаго новаго стольника
Заводилъ хорошъ да почѐстенъ пиръ.
Молодой Чурила сынъ Плёнковичъ
Ходитъ да ставитъ дубо̀вы столы,
Жёлтыми кудрями потряхиваетъ—
Жёлтые кудри разсыпаются,
Что скачёнъ жемчугъ раскатàется.
Рушала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое—
Заглядѣлась на Чурилу сына Плёнковича,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стыда подъ сто̀лъ руку свѣсила,
Говоритъ сама таковы̀ слова:
„Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!
А не быть бы Чурилушкѣ въ стольникахъ,
А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:
На красу на Чурилову глядючи,
На его на кудёрышки жёлтые,
На его на перстни золочёные,
Бѣлу руку я себѣ порѣзала,
Помѣшался разумъ во буйно̀й головѣ,
Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ.“
Говоритъ княгинѣ Владиміръ князь:
„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла!
Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,
По̀ плечъ бы тебѣ голову̀ срубилъ.
Ай же ты, Чурила сынъ Плёнковичъ!
А не быть же тебѣ у насъ въ стольникахъ,
А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:
Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,
Зазывать мнѣ гостей во почѐстенъ пиръ.“
Того дѣла Чурила не пятится,
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
А поу̀тру встаетъ ранёхонько,
Умывается водушкой бѣлёхонько,
Одѣвается самъ хорошохонько.
Какъ не бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
Не мелкіе слѣдо̀чки промётываетъ—
Чурила изъ сапожковъ-зелёнъ сафьянъ

Серебряны гвоздочки выраниваетъ;
Ребятки по слѣдочкамъ прохаживаютъ,
Серебряны гвоздочки нахаживаютъ.
Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
Улицами ходитъ, переулками,
Князей зазываетъ со княгинями,
Бояровъ скликаетъ со боярынями,
Жёлтыми кудрями самъ потряхиваетъ—
Жёлтые кудри разсыпаются,
Что скачёнъ жемчугъ разкатается.
Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ —оконницы звенятъ,
А старыя старухи костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурилушку.
Съ той поры Чурилу въ старинахъ поемъ,
Вѣкъ будемъ пѣть его и до вѣку.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ. (63)

Какъ во той во Индіи богатоей
Да во той во Галичи проклятоей
Не ковыль-трава по вѣтру колыхается,
Да не бѣлая березка погибается—
Сынъ со родной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Мамельфой Тимоѳеевной,
Понизёшенько ей поклоняется,
Жёлтыми кудрями до сырой земли:
„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна вдова, Мамельфа Тимоѳеевна!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ градахъ побывано,
Всѣхъ князей да перевидано,

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—окòнницы звенятъ,
А старыя старушки костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурилушку.

Всѣмъ княгинямъ да послужено —
Во одномъ во градѣ Кіевѣ не бывано,
Одного князя̀ Владиміра не видано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести̇, въ добрѣ.“
Отвѣчаетъ Дюку ро̀дна матушка,
Ро̀дна матушка Мамельфа Тимоѳеевна:
„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,
Молодой бояринъ Дю̀кушка Степановичъ!
Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
Не бывать тебѣ во градѣ Кіевѣ,
Не видать тебѣ князя̀ Владиміра,
Не служить тебѣ его княгинюшкѣ:
Вѣдь до славнаго до града Кіева
Три стои̇тъ заставушки великіихъ:
Первая застава—горушки толкучія,
А друга̀ застава—птицы поклевучія,
Третія застава—змѣи поѣдучія.
Тутъ тебѣ ли, Дюку, не проѣхати,
Молодому живу нѐ бывать.“
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ты меня тѣмъ не уграживай.
Дашь прощеньице—поѣду я,
А не дашь прощенья—все поѣду я.“
„Ай же, дитятко мое ты милое,
Молодой ты Дюкушка Степановичъ!
Богъ тебя проститъ, Господь помилуетъ.
Уродилося ты, дитятко, зано̀сливо,
Уродилося заносливо, захвастливо:
Ты расхвастаешься животи̇шками,
Животишками сиротскими, вдовиными;
А во Кіевѣ-то люди все лукавые,
Изведутъ тебя вѣдь не за денежку.“
Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ
На свою конюшню на стоялую,
Изо ста добры̀хъ коней, изъ тысячи
Выбиралъ жеребчика неѣзжена,
Мала бурушку-кавурушку косматаго.
Шорсточка у бурушки-то трёхъ пядей,
Грива у кавурушки-то трехъ локтей,

Краснымъ золотомъ повита, изукрашена,
Хвостъ до самой до сырой земли,
Застилаетъ, заметаетъ слѣды конскіе.
Выводилъ бурка бояринъ на широкій дворъ,
Да каталъ-валялъ его въ росѣ вечернеей, (64)
Расчесалъ гребенкой-дорогъ рыбій зубъ,
Наложилъ попону нестрядиную,
Въ три ли строки строчену да точену:
Первая строка-то чиста серебра,
Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорога была,
Что въ три строки строчена да точена,
Тѣмъ попона дорога была,
Что ладами всякими выплётана,
Да и тѣмъ еще ли дорога была—
Вплётано въ нее по камню яхонту,
По драгому камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солнопёчные,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагалъ еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снарядное сѣдёлышко черкасское,
Уздицу и повода съ нацвѣтами;
Подпрягалъ двѣнадцать подпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-ради красы-басы угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскія;
Втягивалъ въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергивалъ въ нихъ иглы золочёныя,
Торокй великіе подвязывалъ,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перёному,
Что къ крыльцу перёному, къ столбу точёному,
Что къ столбу точёному, къ колечку золочёному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:
„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти.“
Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣздки молодецкія,
Только въ полѣ кудельба стоитъ—
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелётъ летитъ.

Ко первой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучіимъ:
Горы вмѣстѣ столкнулись-растолкнулись,
Не поспѣли снова столкнуться—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провёртывалъ.
Ко другой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ птицамъ поклевучіимъ:
Не поспѣли птицы крыльицевъ расправити—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провёртывалъ.
Къ третьей ко заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучіимъ:
Не поспѣли змѣи хоботовъ расправити—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провёртывалъ.
Съ холма на холмъ, съ горы на гору,
Рѣки да озёра перескакивалъ,
Широкій раздолья промежъ ногъ спускалъ,
Въ славный Кіевъ градъ прискакивалъ.
Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкій дворъ
Къ ласковому солнышку Владиміру,
Привязалъ коня къ столбу точёному,
Ко колечку золочёному,
Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
Приходилъ во гридню во столовую,
А сидитъ тутъ молода Апраксія,
Стольная княгиня княженецкая,
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Здравствуешь ты, портомойница!“
Какъ то слово ей не показалося;
Говоритъ княгиня стольная Апраксія:
„Что ты, деревенщина-засельщина,
Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,
Стольную княгиню княженецкую
Называешь портомойницей!“
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держитъ:
„Гой еси ты, молода княгинюшка!
За то слово на меня ты не прогнѣвайся:
Какъ у насъ во Индіи богатоей
Да во той во Галичи проклятоей,

У моей у рдной матушки,
Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.
А и гдѣ же самъ Владиміръ стольно-кіевскій,
Бить челомъ бы солнышку да поклонитися?"
„Онъ ушелъ во церковь во соборную,
Господу ли Богу помолитися,
Ко Господнему кресту ли приложитися."
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выходилъ на улицу широкую,
Прямо шелъ во церковь во соборную;
Крестъ кладетъ тутъ по писаному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Желтыми кудрями до сырой земли,
Да не столько Господу молился онъ,
Да не столько образамъ клонился онъ,
Сколько съ ноженьки на ноженьку поступливалъ,
Съ плечика на плечико поглядывалъ,
Самъ губами-то почамкивалъ;
На Владиміра ли взглянетъ князя солнышка—
Покачаетъ лишь головушкой,
На князей, на бояровъ оглянется—
Поведетъ плечомъ лишь да рукой махнетъ.
А стояли около Владиміра:
По праву руку Добрынюшка Никитичъ младъ,
По лѣву руку Чурилушка сынъ Плёнковичъ.
Отошла обѣдня воскресенская,
Сталъ Владиміръ князь боярина выспрашивать:
„Ты отколь, скажи, удалый добрый молодецъ?
Ты коей земли, коей орды?
Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
Величати по отечеству?"
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
Я изъ той изъ Индіи богатыя
Да изъ той изъ Галичи проклятыя,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ."
„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повыѣхалъ?"
„Дома я стоялъ заутреньку,
А во Кіевъ градъ поспѣлъ къ обѣденькѣ."
Говоритъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
„Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!
Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,

Во глазахъ, собака, насмѣхается!
Повороты у него не Дюковы,
Поговорушка не Дюкова,
А должонъ онъ быть холопина боярская,
Князя, знать, убилъ, либо боярина,
Платья цвѣтныя содралъ съ него:
У обѣдни Богу не молился онъ,
Все вокругъ посматривалъ, поглядывалъ,
Все свою одёженьку оглядывалъ:
Видно, цвѣтныхъ платьевъ вѣкъ не нашивалъ."
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ честѝ, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Въ вашей церкви во соборноей
Просто-за̀-просто да пусто-за̀-пусто,
Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
Платья у тебя, у князя солнышка,
У твоихъ князей да бо̀яровъ,
Какъ у насъ у самыхъ бѣдныихъ."
Зазывалъ тутъ молода боярина
Князь Владиміръ во почѐстенъ пиръ,
Выходили вмѣстѣ съ церкви божіей
Да пошли по городу по Кіеву.
Какъ тутъ пали дождички великіе,
Сдѣлалися улички да грязныя.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Шелъ да на сапо̀жки все поглядывалъ.
Говоритъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
„И доподлинно холопина боярская,
Деревенщина да пустохвастина:
На свои сапожки не насмотрится,
Вѣкъ такихъ сапожекъ, знать, не держивалъ."
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ честѝ, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Настланы мосто̀чики кирпичные,
Сыпаны песочки рудожелтые,
Да положены поры̀ченьки калѝновы;
Какъ тутъ пали дождички великіе,
Измочилися песочки рудожелтые—

Призабрызгалъ я сапожки-то зелёнъ сафьянъ.
У моей у рòдной матушки
Стланы все мосточики дубовые,
Пòверху—сукòнца одинцòвыя,
Да положены порученьки серебряны—
Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовыимъ
Да о тѣ порȕченьки серебряны,
Тутъ сапожки, идя, только чистятся,
Рудожелтой грязью не забрызжатся."
Пріѣзжали ко ворòтамъ княженецкіимъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Головой качалъ, самъ проговаривалъ:
„Сказывали, Кіевъ градъ въ честѝ въ добрѣ,
А у вàсъ во Кіевѣ все не по нашему:
У моей у рòдной матушки
Надъ ворòтами иконъ-то будетъ семьдесятъ,
Да и всѣ иконы въ золотѣ,
А у васъ здѣсь и десятка нѣтъ!"
Заѣзжали на широкій княженецкій дворъ;
Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:
„Сказывали, Кіевъ градъ въ честѝ, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
У моей у рòдной матушки
На дворѣ стоятъ столбы серебряны,
Въ нихъ продёрнуты колечки чиста золота,
Поразставлена сытà медвѝная,
Понасыпана пшена да бѣлоярова—
Есть добрымъ конямъ чтò пить да кушати.
А у васъ здѣсь брошено овсишка зѝблаго.
Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
Во своемъ во городѣ во Галичѣ
Ты не кушалъ и пшены-то бѣлояровой!"
Заходили во палаты бѣлокаменны,
Проводили гостя въ гридню свѣтлую,
Становили столики дубовые,
Накрывали скатерти шелкòвыя,
Становили яствица сахàрныя,
Разводили питьица медòвыя,
Да садили гостя во большò мѣсто,
Во большò мѣсто да во большомъ углу,

Почитали гостя за̀ гостя.
За столомъ сидятъ всѣ, пьютъ да кушаютъ,
Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
Все качаетъ лишь головушкой;
Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
Верхню корочку повырѣжетъ, на столъ кладетъ,
Мякишекъ-серёдку скушаетъ,
Нижню корочку подъ столъ мечётъ.
Увидалъ то солнышко Владиміръ князь:
„Что же ты, бояринъ, чванишься?
Верхню корочку на столъ кладёшь,
Нижню корочку подъ столъ мечёшь?“
Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ честѝ, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,
Понабѝваны обрýчики еловые,
Дѣланы мѣшалочки сосновыя—
Тутъ у васъ калачи мѣсятъ;
Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,
Топятся дровцàми да еловыми,
Дѣланы помя̀лушки сосновыя—
Тутъ у васъ и калачи пекутъ:
Оттого у васъ и калачи крупитчаты
Пахнутъ на ту глинушку дожжòвую
Да на то помя̀лушко сосновое.
У моей родитель-матушки
Дѣланы все бочечки серебряны,
Понабѝваны обрýчики злачёные,
Да положены все мёды сладкіе;
Дѣланы мѣшалочки дубовыя—
Тутъ у ней и калачи мѣсятъ!
Пѐчечки-то все у ней мура̀влены,
Топятся дровцàми да дубовыми,
Дѣланы помя̀лушки шелкòвыя;
Какъ помочатъ во росу медòвую,
Пометаютъ печечки мура̀влены,
Подстилаютъ бѣлою бумагою—
Тутъ у ней и калачи пекутъ:

Какъ калачикъ съѣшь—другаго хочется,
Другой съѣшь—по третьему душа горитъ,
Третій съѣшь—четвертый вонъ съ ума нейдетъ."
Наливали тутъ хмѣльныхъ напиточковъ,
Подносили гостю чару зелена̀ вина;
Бралъ онъ чару во бѣлы̀ руки,
Подносилъ къ устамъ сахàрнымъ—
Не понравился боярину напиточекъ,
Половину вылилъ за окошечко,
Половину зà спину повыплескалъ
Черезъ золотъ стулъ по славной горенкѣ,
Говоритъ самъ князю таковы̀ слова:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Какъ у васъ во Кіевѣ да не по нашему:
Дѣланы все бочки-то дубовыя,
Понабѝваны обрýчики еловые,
Зеленò вино туда положено,
Въ погребà да нà землю опущено,
Тамъ винцо у васъ и призадòхнется:
Горько ваше зеленò вино,
Пахнетъ зàтхолью великою,
А и въ ротъ его не можно взять.
У моей сударыни у матушки
Дѣланы все бочечки серебряны,
Понабѝваны обрýчики злачёные,
Пиво сладкое, стоялое положено,
Въ погребахъ глубокіихъ повѣшано
На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
Да по трубамъ подземельнымъ
Буйны вѣтры понавѐдены:
Какъ повѣютъ вѣтры со чистà поля—
Воздухи пойдутъ по пòгребамъ,
На цѣпочкахъ бочки закачаются,
Загогочутъ будто лебеди,
Будто лебеди на тихихъ зàводяхъ,
Въ бочкахъ пиво всколыбается,
А и вѣкъ не затыхàется.
Чару выпьешь—гýбоньки слипаются,
Другу выпьешь—третьей хочется,
Третью выпьешь—по четвертой ли душа горитъ."
Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ
По столовой гриднѣ запохаживалъ,

Таковы слова да проговаривалъ:
„Что же ты, холопина боярская,
Порасхвастался имѣніемъ-богачествомъ,
Порасхвастался уѣдами да питьями?
Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ·
На три года времени проѣхати
На своихъ на кòняхъ богатырскіихъ—
Каждый день бы кòни были смѣнные,
Разношерстные все кòни, перемѣнные,
Чтобы въ трѝ года такой и масти нѐ было;
На три года времени выщàпливать—
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
Снова-нà-ново на всѣ на трѝ года,
Чтобы въ трѝ года такого цвѣту нѐ было.“
Говоритъ Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:
„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
Кладовыя у тебя полнымъ-полно
Всякою одежицей покладены,
У меня же все одежица дорожная,
У меня все платьица завозныя.“
И ударили они тутъ о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ;
По Чурилѣ сынѣ Плёнковѣ
Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился самъ Владиміръ князь съ княгинею;
А по Дюкѣ нѣтъ порýкушки,
Набиралась только голь кабацкая,
Голь кабацкая до тысячи,
Больше все по Дюкушкѣ ручаются.
Закручинился боярпнъ, запечалился,
Запечалился, повѣсилъ буйну голову,
Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
Поскорёшенько садится на червлёный стулъ,
Пишетъ письма скорописчаты
Ко своей ко рòдной матушкѣ:
„Ай же, свѣтъ, моя ты рòдна матушка!
Ты повыручь-ка меня съ неволюшки,
Съ-подъ того заклада съ-подъ тяжелаго:

Ты пошли-ка мнѣ одежицы снарядныя.
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
Снова-на̀-ново на всѣ на трѝ года,
Чтобы въ трѝ года такого цвѣту нѐ было."
Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ добрỳ коню ко богатырскому,
Полагаетъ письма подъ сѣдёлышко,
Отпущаетъ мала бурушку-кавурушку:
„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
Да во славную во Индію богатую,
Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
Ко своимъ ко конюхамъ любимыимъ."
Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь,
Да по славному раздольицу чистỳ полю,
Побѣжалъ во Индію богатую,
Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
Да на Дюковъ на широкій дворъ,
Зàржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
Услыхали конюхи любимые,
Усмотрѣли мала бурушку-кавурушку,
Приходили къ Дюковой ко матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
Приходили, сами низко поклонялися:
„Ты честнà Мамельфа Тимоѳеевна!
Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ".
Поглядѣла во косящато окошечко,
Увидала бурушку-кавурушку,
Залилася горючьмѝ слезьмѝ старушенька:
„Видно, чадочко мое рожёное
Положило буйную головушку
Да на матушкѣ на славной на святой Руси!"
Выходила на широкій дворъ,
Брала бурушку за поводà шелкòвые,
Приказала бурушку разсѣдлывать;
Да какъ стали бурушку разсѣдлывать,
Увидала письма подъ сѣдёлышкомъ,
Скоро письма распечатала,
Посмотрѣла, чтò въ нихъ принаписано,
Взрадовàлась старая, что живъ любимый сынъ,

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Говоритъ сама да таковы слова:
„Знать, заносливо рожёное, захвастливо,
Оттого оно тамъ и захвачено!
Ай вы, конюхи мои любимые!
Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-на̀-скоро,
Скоро-на̀-скоро да сыто-на̀-сыто.“
Отвели коня въ конюшеньку стоялую,
Понасыпали пшены да бѣлояровой,
Поразставили сыты медвяныя.
А честна̀ вдова Мамельфа Тимоѳеевна
Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
Скоро бра̀ла золоты ключи,
Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныихъ,
Бра̀ла перецѣнщиковъ, расцѣнщиковъ,
Оцѣняли тутъ одежду драгоцѣнную,
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Снова-на̀-ново да что ни ести лучшія,
Укладали въ сумы перемётныя,
Отпускали бурушку во стольный Кіевъ градъ.
Какъ пошелъ буркò тутъ по чисту̀ полю,
Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ, на княженецкій дворъ,
За̀ржалъ громкимъ лошадинымъ я̀сакомъ.
Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Знать, пришелъ мой бурушка косматенькій!“
Выходилъ ко бурушкѣ-кавурушкѣ,
Распечаталъ сумы перемётныя,
Вынималъ одежи драгоцѣнныя.
Сталъ одежицы съ Чурилой тутъ понашивать,
На добро̀мъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Цѣлымъ стадомъ въ полѣ лошадей погналъ,
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поутру пораньше самъ повы̀станетъ,
Въ поле бурушку косматаго повыведетъ,
Перекатываетъ во росѣ во утренней,
На буркѣ-то шерсть и перемѣнится.
Ѣздятъ, щапятъ годъ они, другой ли годъ,
Вотъ проѣздили, проща̀пили всѣ трѝ года,
Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
А и надо имъ идти во церковь божію,

Ко заутренькѣ ко воскресенскоей.
Божій колоколъ ранёшенько гудомъ гудитъ,
Въ церковь божію народъ валомъ валитъ.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Всѣхъ впередъ проходитъ надуваючись,
Длинными полами раздуваючись,
Да прихлопывая шапкой-мурманкой;
Ставится на правомъ крылосѣ.
За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
Входитъ потихохонько, смирнёхонько,
Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
Всю заутреньку стоитъ прямёхонько,
Да поклоны лишь кладетъ частёхонько.
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Поглянулъ на праву руку, на Чурилушку:
На Чурилушкѣ одежица снарядная:
На головкѣ шапка-мурманка-златой вершокъ,
На ногахъ сапоженьки-зелёнъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны, шпеньки злачёные;
На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
Что одна-ли строчка чиста серебра,
А другая строчка красна золота,
Петельки прошиваны шелковыя,
Пуговки положены злачёныя;
Да во тѣхъ во петелькахъ шелковыихъ
Вплётано по красноей по дѣвушкѣ,
А во тѣхъ во пуговкахъ злачёныихъ
Вливано по доброму по молодцу:
Какъ застёгнутся, такъ и обоймутся,
Паразстёгнутся—и поцѣлуются.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Прозакладалъ все имѣніе-богачество
Молоду Чурилѣ сыну Плёнкову!“
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты на лѣву руку посмотри теперь:
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Прозакладался боярину.“
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:
На головкѣ шапочка со рожками,

На рожкàхъ по камешку по самоцвѣтному,
Спереди введенъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ—звѣзды частыя,
А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горитъ;
Ноженьки во лапотцахъ семи шелковъ,
Въ пяты вставлено по золотому гвòздичку,
Въ нòсы вплётано по дорогому яхонту:
Днемъ идти въ нихъ—чтò по красну солнышку,
Темной ночью—чтò по свѣтлу мѣсяцу;
На плечàхъ могучихъ шуба черныхъ сòболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ зелёнымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелькахъ шелкòвыхъ вплётаны
Все-то божьи птичушки пѣвучія,
А во пуговкахъ злачёныхъ влйваны
Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе:
Сталъ онъ плёточкой по петелькамъ поваживать—
Вдругъ запѣли птичушки пѣвучія,
Затянули пѣсеньки небесныя,
Удивленье весь честнòй нарòдъ взяло;
Сталъ онъ плёточкой по пуговкамъ похаживать,
Сталъ онъ пуговку о пуговку позванивать—
Закричали звѣрюшки рыкучіе,
Люты змѣи съ пуговки плывутъ ко пуговкѣ,
Зашипѣли во всю голову,—
Всѣ ужàхнулися, во повалъ попàдали,
А ины—какъ пали ò зѐмь, такъ и òбмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Поуйми-ка ты звѣрей рыкучіихъ,
Призакличь-ка змѣевъ лютыихъ,
Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
Ай ты, молодой Чурила Плёнковичъ!
Мы пробйли денегъ сорокъ тысячей:
Перещàпилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
Тутъ-же роздалъ всѣ на зеленò вино
Поручателямъ своимъ—голямъ кабацкіимъ.
Ополòхался Чурилушка до смёртушки,
Шапку-мурманку свою во клочья рветъ,

Осерчавшись, говоритъ боярину:
„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Эта похвальба не похвальба у насъ.
Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ гòловахъ:
Переѣхать чрезъ Пучай-рѣку,
А Пучай-рѣка-то на два пòприща;
Кто тутъ изъ двоихъ добрѣе выступитъ,
Тотъ другому пусть и головù рубитъ.“
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Молодой Чурилушка ты Плёнковичъ!
Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
Вѣкъ стоитъ твой богатырскій конь
У своихъ у конюховъ любимыихъ;
У меня же жеребятушко дорожное,
У меня лошадка призаѣхана.“
И ударили они тутъ о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о буйныхъ гòловахъ,
А на завтрашній имъ день съѣзжатися.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро шелъ въ конюшеньку стоялую
Къ своему коню ко богатырскому,
Палъ коню въ копытце, самъ расплакался:
„Ай же ты, мой бурушка косматенькій!
Ты не знаешь про мою невзгодушку,
Бьемся мы съ Чурилой о великъ закладъ—
О своихъ о буйныхъ гòловахъ:
Если ты не перескочишь чрезъ Пучай-рѣку,
Онъ мнѣ рубитъ буйну голову,
А Пучай-рѣка-то на два поприща.“
И спровѣщилъ добрый богатырскій конь
Воспрогòворилъ языкомъ человѣческимъ:
„Ты не плачь, любезный мой хозяюшко,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Бейся о великъ закладъ—о буйной головѣ.
У Чурилушки-то конь—мой меньшій братъ,
У Ильи у Муромца ли конь—мой большій братъ:
У него есть трое крылышковъ подкожныихъ,
У меня есть двое крылышковъ подкожныихъ,
У Чурилова коня у богатырскаго

Есть одни лишь крылышки подкожныя.
Подойдетъ пора мнѣ времечко,
Такъ не уступлю и брату большему,
А меньшому брату нѐча взять съ меня."
Какъ садился поутрỳ онъ на добрà коня,
Пріѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
Много тутъ богàтырей съѣзжалося,
Много люду собиралося
Посмотрѣть замашки богатырскія.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Выводилъ съ конюшенъ тридцать жѐребцовъ,
Выбиралъ изъ тридцати да самолучшаго,
Пріѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Поѣзжай-ка напередъ ты, Дюкъ Степановичъ:
Мнѣ не долго будетъ за тобой поспѣть."
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Поѣзжай ты напередъ, Чурила Плёнковичъ·
Похвальба твоя сегодня напередъ зашла."
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Отъѣзжалъ скорѐнько во чистò поле,
Да изъ дàлеча-далѐча изъ чистà поля
Поразганивалъ да поразъѣзживалъ,
Проскочить хотѣлъ чрезъ славную Пучай-рѣку—
Со добрымъ конемъ со богатырскіимъ
На полỳ-рѣки да пріогрюшился,
На полỳ-рѣки съ конемъ и плаваетъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Не разганивалъ и не разъѣзживалъ,
Со крутого бережка коня приправливалъ,
Проскочилъ скорѐнько чрезъ Пучай-рѣку,
Да того скорѣе поворотъ держалъ,
О полỳ-рѣки къ водѣ припадывалъ,
За кудѐрышки Чурилушку захватывалъ,
Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскивалъ,
Приволокъ ко ножкамъ княженецкіимъ,
Говорилъ самъ князю таковы̀ слова:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Кто изъ насъ добрѣе-то повыступилъ?
Намъ которому съ Чурилой головỳ рубить?"
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

Не руби-ка ты Чурилѣ буйной гòловы
За его за ложное за хвастанье,
Ты оставь-ка намъ Чурилку хоть для памяти."
Стали со слезами тутъ боярина
О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать
Кіевскія красны дѣвушки,
Молодыя молодушечки,
Съ ними старыя старушечки.
Подъѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Не руби-ка ты Чурилкѣ буйной гòловы,
Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:
Съ нимъ не знаются могучіе богàтыри,
Знаются съ нимъ только бабы въ Кіевѣ."
Говоритъ Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:
„Ай ты, пустохвастишка боярская!
Княземъ стольно-кіевскимъ упрошенный,
Кіевскими бабами уплаканный!
Ты не ѣзди-ка ужь съ нами во чистò поле,
Ты живи-ка между бабами во Кіевѣ,
А и вѣкъ живи тамъ съ ними пò вѣку!"
Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:
„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Выбирай-ка писчиковъ-обцѣнщиковъ,
Посылай во Индію богатую,
Да во ту во Галичь во проклятую,
Описать все Дюково богачество,
Обцѣнить безсчётну золотỳ казну:
Такъ ли онъ своимъ посельемъ хвастаетъ,
Такъ ли у него во домѣ дѣется?"
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„А кого же писчикомъ-обцѣнщикомъ
Я пошлю во Дюково посельице?"
Говоритъ Алешенька Поповскій сынъ:
„Ты пошли-ка, князь, меня, Алешеньку."
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты не посылай Алешеньки Поповича:
Роду онъ, Алешенька, поповскаго,
А поповски очи завидущія,
А поповски руки загребущія—

Какъ увидитъ много злата-сѐребра,
Злату-сѐребру Алеша позавидуетъ,
Не вернётся больше въ стольный Кіевъ градъ,
Тамъ и сложитъ буйную головушку.
Ты пошли-ка стара Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича,
Въ-третіихъ Михайла Пòтыка Иванова,
Трехъ могучихъ русскіихъ богàтырей;
Дай съ собой бумаги да чернилъ на трѝ года—
Да не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнивать:
Не какіе наши животы—сиротскіе."
И послали стара Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича
Да Михайла Потыка Иванова,
Трехъ могучихъ русскіихъ богàтырей,
Во ту Индію богатую,
Во ту Галичь во проклятую,
Дюковыихъ животовъ обцѣнивать.
Отправлялись три могучіе богàтыря,
Во пути корòтали три мѣсяца,
Ѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ,
Да подъѣхали подъ Индію богатую,
Поднялись на горушку высокую,
Увидали славный Галичъ градъ,
Сами говорятъ промежъ собой:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Вѣсточку послалъ, знать, къ рòдной матушкѣ,
Чтобъ зажгла свой славный Галичъ градъ,
Да нельзя бы намъ былò обцѣнивать
Животишенекъ сиротскіихъ:
Галичъ градъ-то вѣдь огнемъ горитъ."
Какъ поближе къ Галичу подъѣхали:
Кровельки на всѣхъ домахъ да золочёныя,
Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
Отъ далѝ-то будто жаръ горятъ.
Заѣзжали въ славный Галичъ градъ,
Подъѣзжали ко высòку тѐрему:
Не видали теремòвъ такихъ на сѐмъ свѣтѣ.
Заходили во высòкъ терёмъ:
Всѣ ступеньки-то серебряны,
Всѣ грядòчки-то орлёныя,
Всѣ орлёныя да золочёныя;

Въ стѣны вкладены камѐнья драгоцѣнные:
Видно мо̀лодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
Половицы все стекляныя,
Подъ поломъ течетъ вода студёная,
А въ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя;
Какъ которая плеснётъ хвостомъ,
Половица звякнетъ, будто на̀дтреснетъ,
Инъ ступать по половицѣ бо̀язно.
Какъ прошли въ палаты, во перво̀й покой,
Увидали стару-матерѝ жену,
Мало шёлку, вся во чистомъ сѐребрѣ.
Господу ли Богу помолилися,
На всѣ стороны низѐнько поклонилися:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!
Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѝтьице,
Понизкѝ велѣлъ поклонъ поставити.“
Отвѣчаетъ стара-матера̀ жена:
„Здравствуйте и вы, уда̀лы добры мо̀лодцы!
Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
Полагаю Дюку воду въ рукомойничекъ.“
Проходили мо̀лодцы въ другой покой,
Увидали стару-матерѝ жену,
Мало шёлку, вся во красномъ золотѣ.
Господу ли Богу помолилися,
На четыре на сторонки поклонилися:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка.“
„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть судомойница.“
Проходили далѣй добры мо̀лодцы,
Увидали стару-матерѝ жену,
Мало шёлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
Бьютъ челомъ ей, поклоняются:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“
„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова калачница.“
Проходили во покой четвертый мо̀лодцы,
Увидали стару-матерѝ жену,
Мало шёлку, вся въ камѐньяхъ самоцвѣтныихъ.
До земли челомъ бьютъ, поклоняются:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“
„Я не Дюкова есть матушка,

Я здѣсь Дюкова есть стольница.
Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
Понапрасну шеи не сгибайте-ка,
Женъ, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
Всѣмъ, небось, вамъ не накланяться.
Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
Да смотрите, всякому не кланяйтесь.
Какъ пройдутъ впередъ лопàтники,
За лопатниками вслѣдъ метельники,
За метельниками вслѣдъ постельники,
Тутъ пойдетъ со церкви божіей
И честнà вдова Мамельфа Тимоѳеевна."
Скоро шли они ко церкви ко соборноей,
Становились у дверей церковныихъ.
Вотъ пошелъ народъ съ обѣденьки,
Кто въ шелку идетъ, кто въ сѐребрѣ, кто въ золотѣ,
Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныихъ.
Выходили тутъ лопатники,
Разгребали путь-дороженьку;
Выходили вслѣдъ метельники,
Засыпали путь песочкомъ жёлтыимъ;
За метельниками шли постельники,
Стлали по пути мосточики дубовые,
Пòверху—сукòнца одинцòвыя,
Полагали вдоль порȳченьки серебряны.
Какъ ведутъ тутъ стару-матерȳ старушеньку
Тридцать дѣвицъ со дѣвѝцей пòдъ руки,
Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
На нее не кàпали-бы рòсы утренни;
Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
Вся подвѐдена на немъ луна небесная:
Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,
По всему по Галичу лучи пекутъ,
Часты мелки звѣзды разсыпаются.
Подходили къ ней, низѐнько поклонялися:
„Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!
Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѝтьице,
Понизкȳ велѣлъ поклонъ поставити."
„Здравствуйте и вы, удàлы добры мòлодцы!
Вы пойдите-ка со мною во высòкъ терёмъ,

Хлѣба-соли у меня покушати,
Бѣлыя лебёдушки порушати."
„Государыня Мамельфа Тимоѳеевна!
Мы пріѣхали вѣдь не тебя смотрѣть,
А твое житье-богачество описывать:
Призахвастался твой сынъ богачествомъ."
„Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!
Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
Животы вдовиные, бобыльскіе,
А не долго же вамъ животы описывать."
Шли богатыри за нею во высокъ терёмъ;
Поитъ, кормитъ ихъ да много чествуетъ.
Какъ калачъ съѣдятъ—другаго хочется,
Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горитъ,
Третій ли съѣдятъ—четвертый вонъ съума нейдетъ.
Чару выпьютъ—губоньки слипаются,
Другу выпьютъ—третьей хочется,
Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горитъ.
Наѣдались до полу-сыта,
Напивались до полу-пьяна.
Тутъ честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна
Повела ихъ посмотрѣть свое посельице,
Самоё-то подъ руки ведутъ служаночки;
Привела въ конюшеньки стоялыя:
Не могли жеребчиковъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть
Да не знали и цѣны имъ дать:
Въ чёлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
Вплётано по камню самоцвѣтному.
Привела во клѣтку во сѣдельную:
Не могли сѣдёлышекъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
Привела ко клѣтку во платёную:
Не могли тутъ платьицевъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
Поусажены камнями драгоцѣнными.
Завела во погребъ сорока сажонъ:
Не могли тутъ бочечекъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
Да полны всѣ злата-серебра,

Злата-сѐребра да все недѐржана.
Вывела ихъ на широкій дворъ,
А течетъ тутъ рѣчка золочёная—
Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
Пораздумались богàтыри, спрогòворятъ:
„Взяли мы бумаги да чернилъ на трѝ года,
Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
Здѣсь же вѣкъ свой намъ скорòтати.“
Говоритъ имъ старая старушенька,
Та честнà вдова Мамельфа Тимоѳеевна:
„Ай же, славные вы писчики-обцѣнщики!
Вы скажите солнышку Владиміру:
На бумагу пусть продастъ весь Кіевъ градъ,
На чернила пусть продастъ Черниговъ градъ,
Да тогда пріѣдетъ животовъ описывать.“
Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
Во пути корòтали три мѣсяца,
Пріѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,
Приходили къ солнышку Владиміру.
Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:
„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики!
А и вѣрно ли похвасталъ Дюкъ Степановичъ,
Великѝ-ль у Дюка животы сиротскіе?“
Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
Русскіе могучіе богàтыри:
„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Великѝ у Дюка животы сиротскіе:
Кабы стали ихъ обцѣнивать, описывать,
Тамъ бы и свой вѣкъ скорòтали.
Да наказывала Дюкова намъ матушка,
На бумагу-то продать весь Кіевъ градъ,
На чернила-то продать Черниговъ градъ,
Да тогда пріѣхать животовъ описывать.“
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кіевѣ,
Вѣкъ торгуй у насъ безпошлинно.“
Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старинỳ скажутъ,
Синему-то морю да на тѝшину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послỳшанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

Какъ стоятъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княженецкія палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашаталися,
Не отъ вихоря палаты отворялися—
Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съ нимъ товарищи—князья да бояре,
Русскіе могучіе богатыри.
Въ полъ-сыта ли всѣ тутъ наѣдалися,
Въ полъ-пьяна ли всѣ тутъ напивалися,
Во хмѣлю всѣ порасхвастались:
Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой.
Какъ надъ тѣмъ всѣ усмѣхнулися,
Другъ на друга оглянулися,
Межъ собою разговоръ вели:
„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!“
Не ясёнъ соколъ съ тепла гнѣзда солётывалъ,
Не бѣлой кречётъ съ тепла гнѣзда сопорхивалъ—
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большаго мѣста княженецкаго:
„Ай же вы, мои князья да бояре,
Русскіе могучіе богатыри!
Всѣ вы, добры молодцы, расхвастались;
Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
Какъ ужь далече-далѣче во чистомъ полѣ,
Какъ летаетъ тамъ Невѣжа чернымъ ворономъ, (65)
Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника.
Ужь кого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
За меня, за князя за Владиміра,

За мою княгиню за Апраксію,
За сиротъ, за вдовъ да за безсчастныхъ женъ?"
Всѣ богàтыри за столикомъ утихнули,
Пріутихнули да пріумолкнули,
Другъ за друга затулялися:
Бòльшіе туляются за средніихъ,
Средніе хоронятся за мѐньшіихъ,
А отъ мѐньшіихъ-то и отвѣту нѣтъ.
Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
Первый богатырь да стольно-кіевскій,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
Говоритъ да таковы слова:
„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
Не видалъ я и собачки во чистòмъ полѣ,
Увидалъ бы—подстрѣлилъ бы изъ тугà лука.
А теперь пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
Молода Добрынюшку Никитича:
Будетъ онъ защитой славну Кіеву,
Обороной будетъ нашей крѣпости."
И накинули ту служебку-работушку
На того Добрынюшку Никитича.
Выпивалъ Добрыня чару зеленà вина,
Скороталъ почѐстенъ пиръ, пошелъ съ пирỳ домой,
Нѐвеселъ пришелъ домой, нерàдошенъ.
Какъ не бѣлая березка къ землѣ клонится,
Не зелёные листочки разстилаются—
Сынъ ко матушкѣ ко рòдной приклоняется:
„Государыня моя ты, рòдна матушка,
Пречестнà вдова Афимья Александровна!
Ты на чтò меня несчастнаго спорòдила,
Безталаннаго на чтò меня отрòдила?
Спородила бы меня, родитель-матушка,
Малыимъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,
Обвертѣла бы во тòнко бѣлое полòтнище,
Отнесла бы ко глубокому синю морю,
Опустила бы въ синё море на сàмо дно—
И лежалъ бы тамъ я съ вѣку дò вѣку,

Буйны вѣтрушки бы на меня не вѣяли,
Добры людушки бы про меня не баяли.
Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по святой Руси,
Я не билъ бы безповинныхъ душъ,
Не слезилъ бы я отцовъ да матерей,
Не вдовилъ бы молодыхъ я женъ,
Не сиротàлъ бы я малыхъ дѣтушекъ!
А теперь мнѣ ѣхать во чистò поле,
Съ чернымъ ворономъ-Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ."
„Ахъ ты, свѣтъ мой, чàдочко любимое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,
Кабы вѣдала безврѐменье великое,
То не такъ бы я тебя спорòдила:
Я тебя спорòдила бы, чадочко,
Силушкой во Святогора во богàтыря,
Участью-таланомъ въ Илью Муромца, (66)
Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
Молодецкою посадкою, поѣздкою
Во Михайла Пòтыка Иванова,
Выступкой, походочкой щеплѝвою
Во младà Чурилу сына Плёнкова,
Всѣмъ житьёмъ-бытьемъ, имѣніемъ-богачествомъ
Во боярина во Дюка во Степанова,
Красотой во солнышко Владиміра;
Да ужъ, видно, зародилось чадочко
Во безсчастную звѣзду, во безталанную;
Изо всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,
Только вѣжествомъ Господь пожаловалъ."
„Ахъ ты, свѣтъ моя да рòдна матушка!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Да на вѣки нерушимое."
Одѣвается Добрыня, снаряжается,
Въ торокѝ кладетъ онъ калены̀ стрѣлы,
Золотỳ казну да платье цвѣтное,
Обряжаетъ своего добрà коня, (67)
Самъ садится на добрà коня;
А честнà вдова Афимья Александровна
Провожаетъ сына, кличемъ кликаетъ:
„Ай же ты, любимая невѣстушка,

Молода Настасьюшка Микулична!
Ты чего сидишь во теремѣ въ златомъ верху?
Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Закатается вѣдь красно солнышко
За высоки горушки, за темны лѣсушки,
Отъѣзжаетъ вѣдь Добрыня съ широка двора.
Ты сойди-ка на широкій дворъ скорёшенько,
Разспроси его да хорошенечко:
Онъ далече ль ѣдетъ, куда путь держитъ?
Скоро ль ждать себя да поджидать велитъ?
Скоро ли велитъ въ окошечко посматривать?"
Какъ сошла тутъ на широкій дворъ скорёшенько
Молода Настасья дочь Микулична,
Да въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Какъ зашла Добрынѣ со бѣла лица,
Припадала къ стремечку булатному,
Стала спрашивать его, вывѣдывать:
„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
Миленькій Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты далече ль ѣдешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждать себя да поджидать велишь?
Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?"
Говоритъ въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ужь какъ стала у меня ты спрашивать,
Стану я теперь тебѣ и сказывать:
Ожидай Добрыню съ поля три года,
Три года прождешь—другіе три пожди.
Какъ исполнятся тому всѣ шесть годовъ,
И Добрыня твой не возворотится—
Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
А тебѣ, Настасьѣ, воля вольная:
Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
Хоть поди за князя, за боярина,
За богатыря, за гостя за торговаго
Или за простаго за крестьянина,—
Не ходи ты только за единаго—
За того за бабьяго насмѣшника,
За судейскаго за перелестника,
За Алешеньку Поповича:

Онъ, собака, мнѣ назва̀ный братъ,
А назва̀ный братъ вѣдь паче рòднаго.“
Только видѣли Добрыню сядючи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
Не дорожкой онъ поѣхалъ, не воротами,
Черезъ стѣну онъ махнулъ да городòвую,
Мимо башеньки да наугольныя;
Съ горушки на горушку поскакивалъ,
Съ холмика на холмикъ перепрядывалъ,
Рѣки да озёра перескакивалъ,
Широкѝ раздолья промежъ ногъ спускалъ.
А гдѣ падали копытца лошадиныя,
Тамъ колодцы становились да глубокіе,
Что глубокіе колодцы да кипячіе. (68)
Какъ не сѣрыя двѣ уточки сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
Какъ садилися въ одно мѣстò свекровушка
Со своей со молодой невѣстушкой,
Плакали, слезами обливалися,
Молода Добрыни дожидалися.
А денёчикъ за денёчкомъ будто дождь дождитъ,
А недѣлька за недѣлькой какъ трава растетъ,
А годòчикъ за годòчкомъ какъ сокòлъ летитъ.
И проходитъ тому времени ужъ трѝ года—
Не бывалъ Добрыня со чиста̀ поля.
А денёчикъ за денёчкомъ будто дождь дождитъ,
А недѣлька за недѣлькой какъ трава растетъ,
А годòчикъ за годòчкомъ какъ сокòлъ летитъ.
И проходитъ тому времени всѣ шесть годовъ—
Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни пòвѣсти.
Какъ привозитъ тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистòмъ полѣ,
Головой лежитъ во частъ ракитовъ кустъ,
Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,
Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,
Буйная головка поразломана,
Очи ясныя повыклевали вòроны,
А сквозь желтые кудёрышки
Проростаетъ травушка шелкòвая,
Разцвѣтаютъ цвѣтики лазуревы.
Какъ надъ тѣмъ Добрынюшкина матушка

Жалобнёхонько да порасплакалась;
А къ Добрынюшкиной молодой женѣ
Стали запохаживать, засватывать
Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,
Свахою сама княгинюшка Апраксія,
Добрыми словами уговаривать:
„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!
Ужь тебѣ ли жить да молодой вдовой,
Молодой свой вѣкъ одной кордтати?
Ты поди замужъ хоть за богатыря,
Хоть за смѣлаго Алешеньку Поповича!“
Не дается на слова Настасьюшка,
Свата даритъ новенькой ширйночкой,
Свахоньку другой ширйночкой,
Смѣлаго Алешу каленой стрѣлой,
Имъ сама такой отвѣтъ держитъ:
„Выполнила мужнюю я заповѣдь:
Прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ.
Выполню и женскую я заповѣдь:
Буду ждать другіе шесть годовъ.
Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,
Да не будетъ мужа со чиста поля,
Все еще поспѣю я замужъ пойти.“
И прошли тому другіе шесть годовъ—
Не бывалъ Добрыня со чиста поля.
Пріѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,
А и косточки-то порастасканы.
Сталъ опять Владиміръ князь съ княгинею
Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать,
Подговаривать Настасью да посватывать.
Пораздумалась Настасья, поразмыслилась:
„Выполнила мужнюю я заповѣдь,
Выполнила и свою-то заповѣдь,
Не видать ужь мнѣ моей державушки,
Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича.“
И пошла Настасья дочь Микулична
За того Алешку за Поповича.
Вотъ какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви божіей,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

Въ ту̀ пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Пречестна̀ вдова Афимья Александровна
Подъ окошечко садилась подъ косящато,
Плакала старушенька да съ при̇четью:
„Ахъ, тому ли ужь двѣнадцать лѣтъ назадъ
Закатилось наше красно солнышко;
Закатàется теперь и младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!“
Какъ изъ дàлеча-далѐча изъ чистà поля
Не порòша бѣлаго снѣжку повыпала,
По тому бѣлу̀ снѣжку-порошенькѣ
Что не бѣлый заюшка проскакивалъ—
Наѣзжаетъ съ поля, въ перегòнъ гонитъ
Добрый мòлодецъ, дѣтинушка залѣшанинъ;
Платьица на немъ не цвѣтныя—звѣриныя,
Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
Ѣдетъ не дорожкой, не ворòтами,
Ѣдетъ черезъ стѣну городòвую,
Мимо башни наугольныя,
Прямо ко придворью ко вдовиному;
Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—
Столбики задрогли, пошатнулися,
Ворота̀ широко распахнулися.
Онъ коня пускаетъ непривязана,
Самъ идетъ въ палаты бездокладочно,
Крестъ кладетъ да по писàному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Пречестнòй вдовѣ старушенькѣ въ особину:
„Ай, честнà вдова Афимья Александровна,
Государыня, Добрынюшкина матушка!
Твоему Добрынѣ я назвàный братъ,
Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
Во чистòмъ полѣ вчера съ нимъ поразъѣхались:
Онъ поѣхалъ ко Царю̀-граду,
На прощанье мнѣ велѣлъ, наказывалъ:
Какъ случитъ мнѣ Богъ побыть во Кіевѣ,
Разспросилъ бы про его про рòдну матушку
Да про молоду Настасью дочь Микуличну,
Про его любимую семеюшку.“
Говоритъ въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка
„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
Не тебѣ бы надо мною надсмѣхатися.

Какъ привезъ Добрынюшкинъ назва̀ный братъ,
Молодой Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистòмъ полѣ.
Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое,
Тяжелёшенько по сынѣ плакала.
А Добрынюшкина молода жена,
Молода Настасья дочь Микулична
За того за братца мужнина
За Алешку за Поповича замỳжъ пошла.
Сватомъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
Свахою сама княгиня да Апраксія.
Какъ идетъ у нихъ ужь пиръ по третій день,
А сегодня принимать имъ по злату̀ вѣнцу."
Говоритъ дѣтинушка залѣшанинъ:
„Да еще ли мнѣ велѣлъ, наказывалъ
Мой назва̀ный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
Какъ его Настасьюшка замỳжъ пойдетъ,
Мнѣ сходить на ту на свадебку веселую,
А тебѣ сходить во погреба̀ глубокіе,
Принести гусёлушки ярòвчаты,
На коихъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрывалъ;
Принести еще одёжку скоморòшную:
Что на ноженьки сапоженьки-зелёнъ сафьянъ,
Что на плечи шубоньку да соболиную,
На головку шапочку пушистую,
Что пушистую, ушистую, завѣсисту;
Въ рученьку дубинку сорока̀ пудовъ,
Чтобъ на свадебкѣ насъ не обидѣли."
„Ой, ты, деревенщина-засельщина!
Было бъ живо мое красно солнышко,
Нѐ дало бъ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
А теперь не стало красна солнышка—
Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
Не къ чему мнѣ платья скоморошныя,
Не къ чему дубинка скоморошная."
И брала она скорѐнько золоты ключи,
Отмыкала погреба̀ глубокіе,
Приносила гусли скоморошныя,
Приносила платья скоморошныя,
Подавала деревеньщинѣ-засельщинѣ;

Самъ онъ бралъ дубинку сорока̀ пудовъ,
Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
И пошелъ на тотъ почѐстенъ пиръ, на свадебку.
Какъ стоятъ тутъ приворотники, придверники,
Не хотятъ впускать уда̀ла скоморошину.
Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихивалъ,
Отъ дверей придверниковъ отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.
Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,
Князю солнышку велику жалобу̀ творятъ:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ пришелъ уда̀ла скоморошина,
У воротъ не спрашивалъ онъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ разбилъ насъ, въ-за̀шей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.“
„Ай же ты, уда̀ла скоморошина!
Ты зачѣмъ не спрашивалъ да приворотниковъ,
Ты зачѣмъ не спрашивалъ придверниковъ,
А разбилъ ихъ, въ-зашей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина рѣчей не слушаетъ:
„Здравствуй, солнышко Владиміръ князь,
Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
Со своей княгиней новобрачною!
А скажи-ка, сударь, укажи-ка намъ,
Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“
Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владиміръ князь:
„Ваше мѣстоъм скоморошное
Что на печкѣ на мура̀вленой, на за̀печкѣ!“
Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрёзгивалъ,
По̀ край печеньки садился да мура̀вленой,
Положилъ гусёлушки яро̀вчаты
На свои колѣна молодецкія,
Учалъ-почалъ струночки налаживать,
Учалъ да по струночкамъ похаживать,
Самъ подъ струнки голоскомъ поваживать:
Сыгрыши выигрывалъ хоро̀шеньки
Что отъ Кіева да до Царя̀-града,
На̀игрышъ все бралъ изъ Кіева,
Всѣхъ поименно отъ стараго до малаго.

На пиру кругомъ всѣ пріумолкнули,
За столомъ кругомъ всѣ позаслушались,
Сами говорятъ промежъ себя:
„А не быть же то удалой скоморошинѣ,
Быть какому ни есть добру молодцу,
Святорусскому могучему богатырю!“
Говоритъ княгиня новобрачная,
Молода Настасья дочь Микулична:
„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
Прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую
Опущайся-ка теперь ты съ печки-запечка,
Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:
Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
Друго мѣсто—супротивъ меня,
Третье мѣсто—куда самъ захошь,
Куда самъ захошь, пожалуешь.“
Не садился скоморошина подлѣ князя,
Не садился онъ и супротивъ князя,
Сѣлъ онъ супротивъ княгини новобрачныя,
Супротивъ Настасьюшки Микуличны.
Говоритъ удала скоморошина:
„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
А благослови-ка ты меня теперь
Чару зелена вина налить,
Поднести, кому я самъ задумаю,
Кому самъ задумаю, кого пожалую.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, удала скоморошина!
Какъ дана тебѣ у насъ поволька вольная,
Что задумаешь, то и твори теперь.“
Наливалъ удала скоморошина
Полну чару зелена вина,
Опущалъ во чару свой злачёнъперстень,
Подносилъ княгинѣ новобрачноей:
„Ай же ты, молоденька княгинюшка!
А испей-ка ты отъ насъ да зелена вина.“
Молода Настасья дочь Микулична
Брала чару во бѣлы ручки,

Подносила ко устамъ сахàрныимъ.
Говоритъ удàла скоморошина:
„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
Не допьешь до дна—такъ не видать добра.“
Молода Настасья дочь Микулична
Выпивала чарочку до донышка:
Ко устамъ ея сахàрныимъ
Прикатился тотъ злачёнъ перстень,
И узнала въ немъ она перстѐнь, коимъ
Въ церкви божіей съ Добрыней обручалася;
Поклонилась князю, говоритъ сама:
„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Анъ не тотъ мой мужъ вѣдь, что̀ возлѣ̀ меня,
Тотъ мой мужъ, что̀ супротивъ меня.“
Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Пала мужу ко рѣзвы̀мъ ногамъ:
„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замýжъ пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею.“
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волосъ бабій дологъ, умъ-то ко̀ротокъ;
Я дивуюсь братцу своему назва̀ному:
Отъ жива̀ мужа̀ жену беретъ;
Я въ-другихъ дивуюсь князю солнышку
Со княгинею его Апраксіей:
Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную
Отъ жива̀ мужа̀ другому сватаютъ.“
Князу со княгиней ко стыду пришло:
Утопили очи во кирпичатъ полъ.
А Алешенька Леонтьевичъ
Палъ Добрынѣ ко рѣзвы̀мъ ногамъ:
„Ты прости, прости меня, назва̀ный братецъ мой,
Что садился я къ твоей ко молодой женѣ,
Ко Настасьѣ дочери Микуличнѣ!“
„Ай же ты, назва̀ный братецъ мой,

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла.“

Молодой Алешенька Леонтьевичъ!
Какъ во той винѣ тебя Господь проститъ,
Во другой винѣ я не прощу тебя:
Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста̀ поля
Невеселу вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистòмъ полѣ?
Ты слезилъ мою родитель-матушку,
Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,
Тяжелёшенько она по сынѣ плакала.
Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!"
Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желты̀ кудри,
Держитъ за желты̀ кудри одной рукой,
Во другой рукѣ гусёлышки яровчаты:
Сталъ по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
За желты̀ кудри его поваживать,
Звонкими гусёлышками да охаживать.
Сталъ Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
Да отъ буханья не слышно было оханья.
Былъ въ пиру-бесѣдѣ старый Илья Муромецъ,
Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
Говоритъ да таковы̀ слова:
„Не убей-ка за папраслину бога̀тыря;
Хотъ онъ силою не си̇ленъ, да напу̀скомъ смѣлъ."
Отпустилъ Добрыня братца тутъ со бѣлыхъ рукъ,
Бралъ за праву ручку молоду̀ жену,
Цѣловалъ въ уста саха̀рныя,
Да повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
Смотритъ та честна̀ вдова старушенька:
Какъ не зоренька румяная порòзсвѣла,
Какъ не звѣзды частыя разсы̀пались—
Какъ свѣтёлъ мѣсяцъ во горенкѣ порòзсвѣтилъ,
Красно солнышко во горенкѣ порòспекло.
А Алешенька у князя на честнòмъ пиру
Пò край лавочки садился, самъ поохивалъ,
Самъ поохивалъ да приговаривалъ:
„Всякій-то на свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удается-то:
Удалась женитьба лишь Добрынюшкѣ
Да еще тому Ставру̀ Годинову."
Только-то Алеша и женатъ бывалъ,
Только-то Алеша и съ женой живалъ!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Какъ не ясны соколы съ чистà поля
Во одно мѣстò слеталися—
Какъ всѣ русскіе могучіе богàтыри
Во одно мѣстò съѣзжалися,
Къ князю солнышку да на почѐстенъ пиръ.
На пиру всѣ ѣли, наѣдалися,
На честнòмъ всѣ пили, напивалися,
А и всѣ другъ передъ другомъ порасхвастались.
Порасхвастался и солнышко Владиміръ князь:
„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныихъ могучіихъ богàтыря:
Есть матёрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюшка Никитичъ младъ,
Есть Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ. (69)
Ѣздили всѣ трое за синё море,
Покорили языкѝ невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія;
А Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще дорòгой къ моему столу
Гусей-лѐбедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту служебку,
Съѣзди-ка опятъ ко морю синему
Да ко тёплымъ, тихимъ зàводямъ,
Настрѣляй-ка бѣлыхъ гусей-лѐбедей,
Перелётныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ
Къ моему обѣду княженецкому:
Дò-люби я мòлодца пожалую.“
Тутъ Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ,
Не допивши пива, зеленà вина,
Богу молится да съ гридни вонъ идетъ.
Скоро мòлодецъ садился на добрà коня;
Только видѣли, какъ за ворòта выѣхалъ—
Во чистòмъ полѣ лишь пыль столбомъ.

А и будетъ онъ у моря синяго,
На его на счастье на великое
Привалила птица ко крутому бережку:
Настрѣлялъ онъ бѣлыхъ гусей-лѐбедей,
Перелётныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
Хочетъ ѣхать ужь отъ моря синяго,
Посмотрѣть еще на тихія на зàводи—
Увидалъ: плыветъ колода бѣлодỳбова,
На колодѣ—бѣлая лебёдушка.
Черезъ пёрышко лебёдушка вся зòлота,
А головка краснымъ золотомъ увѝвана,
Скатнымъ жемчугомъ поизнасàжена.
Вынимаетъ Пòтыкъ изъ налушна тỳгой лукъ,
Вынимаетъ изъ колчана каленỳ стрѣлу,
Тỳгой лукъ беретъ во ручку лѣвую,
Каленỳ стрѣлу беретъ во правую,
Налагаетъ на тетѝвочку шелкòвую,
Тугой лукъ потягиваетъ за ухо,
Каленỳ стрѣлу до семи чѐтвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли роги у тугà лука,
Чуть былò—и спуститъ каленỳ стрѣлу...
Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая
Проязычится язы̀комъ человѣческимъ:
„Душечка Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
Не стрѣляй меня ты, бѣлой лебеди,
Я не есть вѣдь лебедь бѣлая,
А я есть вѣдь красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣевна, (70)
Королевична Подòлянка.
Не убей-ка ты меня, Подòлянки,
А возьми-ка ты меня въ замужество.“
Поднималась тутъ отъ моря синяго
На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ,
Вылетала на крутой берёгъ лебёдушкой
Обернулася душою красной дѣвицей.
Молодой Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ воткнетъ копье въ сырỳ землю,
Привязалъ коня да за острò копье,
Подошелъ ко красной дѣвицѣ,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,
За тѣ перстни золочёные,

Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.
Говорить Михайлѣ красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣевна:
„Ай, Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ!
Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:
У меня уста поганыя,
Я вѣдь роду есть невѣрнаго,
Я невѣрнаго есть роду, некрещёная.
Какъ свезешь меня во стольный Кіевъ градъ,
Приведешь во вѣрушку крещёную,
Въ церкви божьей мы съ тобою повѣнчаемся,
Да тогда съ тобой и нацѣлуемся.“
Молодой Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ
Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,
За тѣ перстни золочёные,
Посадилъ къ себѣ да на добрà коня,
Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.
А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Подъѣзжалъ къ крылечку красному,
Соскочилъ скорѐнько со добрà коня,
Проходилъ во гридню свѣтлую,
Помолился Спасу образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на три-четыре стороны:
„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!
Сослужилъ тебѣ я служебку,
Настрѣлялъ тебѣ я гусей-лѐбедей,
Перелётныхъ, малыхъ уточекъ;
Самъ себѣ добылъ обрýчницу,
Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣевну.“
„Ай, Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ!
Чѣмъ тебя мнѣ нà-скоро пожаловать?
Городами ли со пригорòдками,
Али селами да со присёлками?“
„Мнѣ не надо городовъ со пригорòдками,
Мнѣ и селъ не надо со присёлками,
Дай-ка только мнѣ повòлечку великую
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.“ (71)

Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Далъ ему поволечку великую
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
А и только лишь во церкви во соборноей
Ко вечернѣ въ колоколъ ударили,
Молодой Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ
Съ бѣлой лебедью Авдотьей Лиходѣевной
Заходили въ матушку во церковь божію,
Служебку вечернюю отслушали.
Тутъ Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ
Низко клòнится попамъ соборнымъ,
Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
А попы-то тому дѣлу радошны,
Скоро дѣвицу крестили да молитвили,
Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
А и тутъ-же повѣнчали ихъ.
Молодые Богу помолилися,
Ко святымъ иконамъ приложилися,
Клали вмѣстѣ заповѣдь великую:
Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
Во сырỳ землю идти да на три мѣсяца. (72)
Выходили съ матушки со церкви божіей,
Шли по славну городу по Кіеву,
Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, семью сводить.
Да не много же у нихъ житья̀ было,
У Михайла Пòтыка Йванова
Съ молодой женою Марьей Лиходѣевной,
Всего-нà-всего да полтора̀ года.
Сталъ Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
Поискать надъ мужемъ мудрости:
Съ вечера ли расхворалася,

Ко полу̀ночи ли разболѣлася,
А ко у̀тру и преставилась.
Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царёвъ кабакъ (73)
Братъ назва̀ный, молодой Добрынюшка,
Говоритъ ему да таковы̀ слова:
„Ай, Михайло По̀тыкъ, братъ назва̀ный мой!
Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
А твоя вѣдь молода̀ жена
Марья Лебедь Бѣлая преставилась.“
Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвы̀ ноги,
Закричалъ Михайло во всю голову:
„Гой еси вы, братьица мои назва̀ные,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Вы пойдите-ка ко брату ко назва̀ному
Пораздумать думу крѣпкую.
Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
Во сыру̀ землю идти да на три мѣсяца.
Стро̀йте-ка домо̀вище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Да кладите хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на три мѣсяца.“
Скоро эти братьица назва̀ные
Строили домо̀вище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Самъ Михайло По̀тыкъ сынъ Ивановичъ
Шелъ скоры̀мъ-скоро̀ ко кузницамъ,
Приказалъ ковать клещи желѣзныя,
Трое прутьевъ да желѣзныихъ,
Трое прутьевъ оловянныихъ
Да еще ли трое мѣдныихъ.
Шелъ тогда къ попамъ соборныимъ,
Вѣсть подать, что молода жена представилась.
Приказали тутъ попы соборные
Тѣло мертвое ко церкви на саняхъ привезть, (74)
На церковной паперти поставити.
Стали-зачали копать могилушку,

Выкопали пребольшую, преглубокую,
Глубиной да шириной по двадцати сажень.
Собиралися попы да дьяконы
Со всѣмъ причетомъ церковныимъ,
Погребали тѣло Марьино,
Опускали со домовищемъ великіимъ
Въ ту могилу преглубокую.
Опускался во сыру землю за тѣломъ мертвыимъ
И Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ съ собой клещи желѣзныя,
Трое прутьевъ да желѣзныихъ,
Трое прутьевъ оловянныихъ,
Да еще ли трое мѣдныихъ.
А тѣ братьица названые
Клали хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на трп мѣсяца,
Клали свѣчи воску яраго да ладану;
Набивали обручи желѣзные
На домовище великое,
Желтыми песками позасыпали,
Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
Только мѣсто для верёвочки оставили,
А была верёвочка привязана
Ко тому ко колоколу ко соборному.
И сидитъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Съ полудня сидитъ въ могилѣ до полуночи;
Ради страху ли добывъ огня,
Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
Какъ приходитъ время полуночное,
Подплыла змѣя да подземельная:
Разъ лизнётъ домовище—надлизнула,
Обручи желѣзные полопались;
Во другой лизнётъ—пролизнула,
Рядъ дубова тёсу сдёрнула;
Въ третій разъ лизнётъ—во гробъ плыветъ.
Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
Взвеселилась, взрадовалася:
„А и буду же я ныньче сытая,
Сытая я буду, неголодная:
Есть одно ли тѣло мертвое,
А другое ли живое человѣческо.“
Да Михайлушко на то не робокъ былъ:

Вынималъ клещи желѣзныя,
Захватилъ въ клещи змѣю проклятую,
Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
Принимается за прутья оловянные,
Расхлысталъ и прутья оловянные;
Принимается за прутья мѣдные...
Поклонилася ему змѣя, взмолилася:
„Ай же ты, Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ!
Не сѣки меня, змѣю, ты на умертвіе,
А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
Принести тебѣ живой воды,
Оживить тебѣ жену-красавицу,
Молодую Марью Лебедь Бѣлую.“
Говоритъ Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты, змѣя лукавая!
Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣёнышей.“
Отдалà ему змѣя въ залогъ змѣёнышей,
Поплыла сама подзèмельемъ ко морю синему,
Принесла ему живой воды.
Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣёныша,
Ступитъ ножкою на хвостъ змѣёнышу—
Пораздёрнулъ нà-двое змѣёныша;
Какъ приложитъ во одно мѣстò по старому,
Разъ брызнётъ—и сросся онъ по старому,
Во другой брызнётъ—зашевелился онъ,
Въ третій разъ брызнётъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
Молодую Марью Лебедь Бѣлую
Разъ брызнётъ—въ ней кровь заиграла,
Во другой брызнётъ—зашевелилася,
Въ третій разъ брызнётъ—повыстала,
Проглаголила да таковы слова:
„Фу-фу-фу, а долго же проспàла я!“
Говоритъ Михайло Пòтыкъ сынъ Ивановичъ.
„Безъ меня бы ты и вѣкъ спала.“
За верёвочку ударилъ въ колоколъ—
Услыхалъ соборный трàпезникъ,
Побѣжалъ къ могилѣ Марьиной—
Анъ ко колоколу ко соборному
Изъ земли верёвочка торгàется.
Какъ вскричалъ Михайло во всю голову—

Мать-сыра̀ земля заколыбалася,
Теремкѝ задрогли, зашаталися,
Весь народъ во Кіевѣ ужа̀хнулся,
Собирается къ могилѣ да дивуется:

„Что̀ за диво подъ землею дѣется?
Закричали разомъ всѣ покойнички!“

Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу:

„Видно же, то братецъ нашъ назва̀ный есть;
Во сырѝй землѣ не долго по̀жилось:
Душно, знать, въ могилѣ съ тѣломъ мертвыимъ,
И кричитъ онъ богатырскимъ голосомъ.“

Стали разрывать могилу скоро-на̀-скоро,
Опускали лѣстницы великія;
Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,
Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,
Съ братцами назва̀ными цѣлуется.
Объявили тутъ попамъ соборныимъ;
Поновили молодыхъ святой водой, (75)
Приказали жить имъ да по старому;
Стали жить они да долго здравствовать,
Межъ собою времечко коро̀тати. (76)

А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла По̀тыка,
Да зарыли съ нимъ живую во сыру̀ землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣевну.

Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

* * *

Какъ стояла во чистомъ полѣ подъ Кіевомъ.
За пятнадцать мѣрныхъ верстъ отъ города,
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскіихъ двѣнадцать ли богатырей:
Во-первыхъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-другихъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьихъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвёртыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Въ-пятыхъ—Васька Долгополистый, (77)
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братовъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистомъ полѣ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживалъ,
На добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
Птица черный воронъ не пролётывалъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.
Третій годъ ли на проходѣ сталъ,
А четвертый ходитъ по науличью.
Пораздёрнули богатыри бѣлой шатеръ,
Стали во шатрѣ да опочивъ держать,
Спали дологъ день до вечера,
Ночку тёмную да до бѣла свѣта.
На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго,
Налетала на шатеръ тутъ птица вѣщая,
Птица вѣщая да черный вранъ,
Жалобнёшенько прокаркала.

Пробудился старый Илья Муромецъ,
Будитъ молода Добрынюшка Никитича:
„Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ младъ
Возставай-ка на рѣзвы̀ ноги.
Что̀ надъ нашимъ надъ шатромъ подѣлалось?
Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣщая,
Птица вѣщая да черный вранъ,
Жалобнёшенько прокаркала;
Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.
Выходи-ка со бѣла̀ шатра,
Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжеей:
Не проѣхала ли поленица тутъ,
Не подходитъ ли подъ ко̀ней лютый звѣрь?“
Повскочилъ Добрыня на рѣзвы̀ ноги,
Выбѣгаетъ скоро со бѣла̀ шатра;
Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжеей—
Увидалъ середь дороги ископыть,
Ископыть великую—во полъ-печи.
Сталъ онъ ископыть досматривать:
Ископыть—могуча богатырская.
Прибѣгалъ назадъ онъ во бѣло̀й шатеръ,
Говоритъ да таковы̀ слова:
„Гой еси вы, братьица мои, товарищи!
Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!
Что̀ мы на заставушкѣ усто̀яли?
Что̀ мы на заставушкѣ угля̀дѣли?
Богатырь могучій вѣдь проѣхалъ мимо насъ!“
Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,
Собирались во побѣдный кругъ,
Стали думать думу крѣпкую:
Ужь кому-то ѣхать за бога̀тыремъ,
Разспроситъ объ имени, объ отчинѣ,
Силы у бога̀тыря отвѣдати?
Выходилъ удалый старый Илья Муромецъ,
Говорилъ да таковы̀ слова:
„Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
Мужики Залѣшане—бѣда дрематъ,
Анъ продремлютъ во чисто̀мъ полѣ бога̀тыря.
Не послать ли семь брато̀въ Сбродовичей?
Все ребята-то моло̀деньки—бѣда зѣвать,
Прозѣваютъ во чисто̀мъ полѣ бога̀тыря.
Не послать ли Ваську Долгополаго?

Полы-то у Васьки длинныя:
На ходу въ полахъ онъ заплетается,
На бою въ полахъ онъ замѣшается—
Потеряетъ даромъ буйну голову.
Не послать ли Гришеньку Боярскаго?
Рода онъ боярскаго, хвастливаго:
На бою на дракѣ призахвастнется—
Даромъ же положитъ буйну голову.
Не послать ли хоть Алешеньку Поповича?
Нраву онъ захлыщева, зарывчата:
Изорветъ онъ силу до богатыря—
Погинётъ Алеша по напрасному.
Ужь пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Знаетъ со богатыремъ онъ съѣхаться,
Знаетъ онъ богатырю и честь отдать."
Посылали тутъ Добрынюшку Никитича.
Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,
Скоро онъ садился на добра коня,
Скоро выѣзжалъ да во чисто поле.
Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго: (78)
Видитъ на полѣ чернизину;
Ѣдетъ прямо на чернизину,
Догоняетъ въ полѣ добра молодца.
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе:
Конь подъ молодцемъ какъ лютый звѣрь,
Скоки скачетъ по цѣлой верстѣ,
Слѣдъ вымётываетъ да во полъ-печи,
Изо рта-то у коня огонь пышетъ,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ кудрявъ встаетъ.
А шеломъ на молодцѣ какъ жаръ горитъ,
На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,
Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,
Ясная заря да утрення.
Съ лѣва стремени борзой выжлецъ бѣжитъ,
На правомъ плечѣ ясёнъ соколъ сидитъ,
По одной рукѣ ли соловей летитъ,
По другой ли жаворолёночекъ,
Перелётываютъ съ руки на руку,
Перенашиваютъ свисты съ уха на ухо,

Улещаютъ, спотѣшаютъ добра мòлодца.
Самъ сидитъ онъ на добрòмъ конѣ да тѣшится,
Шуточки пошучиваетъ молодецкія:
Боевую палицу беретъ одной рукой,
Какъ перомъ играетъ лебединымъ,
Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако,
На лету подхватываетъ на бѣлы руки,
Не допу̀скиваетъ до сырòй земли.
Увидалъ Добрыня добра мòлодца,
Добра мòлодца окликнулъ звонкимъ голосомъ:
„Ай же ты, проѣзжій добрый мòлодецъ!
А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживалъ,
А зачѣмъ ты у богàтырей не спрашивалъ,
Нàбольшему Ильѣ Муромцу челомъ не билъ,
Грошей подорожныихъ въ казну не клалъ
На всю младшую на братію наборную?“
Какъ услышалъ добрый мòлодецъ богàтыря,
Поворачивалъ къ богàтырю добрà коня,
Напущался на млада̀ Добрынюшку,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Отъ того отъ реву молодецкаго
Всколыбалася сырà земля,
Выливалася изъ рѣкъ вода,
Добрый конь Добрынинъ ошарàшился,
Самъ Добрыня на конѣ устрàшился,
Богу Господу возмòлился,
Мати пресвятыя Богородицѣ:
„Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“
Подъ Добрыней конь посправился.
Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ.
Пріѣзжалъ Добрыня ко товарищамъ,
Говорилъ товарищамъ, разсказывалъ:
„Какъ нагналъ я въ полѣ добра мòлодца,
Сталъ его вывѣдывать, выспрашивать,
Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачивалъ,
Напущался на меня, Добрынюшку,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Всколыбалася сырà земля,
Выливалася изъ рѣкъ вода,
Добрый конь мой ошарàшился,
Сàмъ я на конѣ устрàшился,
Богу Господу возмòлился:

— „Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!—
Подо мною конь посправился,
Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ.“
Говоритъ Добрынѣ старый Илья Муромецъ:
„Коли ты уѣхалъ отъ богàтыря,
Намъ тебя въ товарищи не надобно!
Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,
Къ молодой женѣ, ко старой матери.
Ай вы, братьица мои крестовые!
Кто изъ васъ изъ всѣхъ удàлѣе,
У кого конь порыскучѣе,
За невѣдомымъ богàтыремъ поѣхати,
Разспросить его объ имени, объ отчинѣ,
Если русскій богатырь—то побрататься съ нимъ,
А невѣрный—поразвѣдаться?“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Я, Алеша, братцы, поудàлѣй всѣхъ,
У меня конь порыскучѣе.“
Скоро сѣлъ Алеша на добрà коня,
Скоро ѣдетъ во чистò поле,
Догоняетъ въ полѣ добра мòлодца,
Окликаетъ мòлодца да во всю голову:
„Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!
Богатырь ли святорусскій ты,
Али деревенщина засельщина?
Можетъ, ты коня укралъ аль мужика убилъ,
А сюда заѣхалъ—хвастаешь,
Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, называешься?“
Какъ нахвальщику тутъ за бѣдỳ стало,
За великую досаду показалося.
Поворачивалъ коня онъ, какъ лютà звѣря,
На Алешу на Поповича,
Бралъ Алешу за бѣлы̀ руки,
Снялъ Алешу со добрà коня,
Вынулъ шелепугу подорожную,
Шелепугою стегалъ его,
На добрà коня садилъ опять,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:
„Ай же ты, шишира деревенская!
Ужь тебѣ ли ѣздить во чистòмъ полѣ,
Во чистòмъ полѣ да на добрòмъ конѣ?
Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ. Стрн. 203.

„Какъ легко вертѣть мнѣ острыймъ копьемъ,
Также будетъ мнѣ вертѣть Ильею Муромцемъ!“

Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-лѐбедей,
Сѣрыихъ, пернатыхъ утушекъ.“
Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
Ко лукѣ сѣдельной приклоняется.
Увидалъ Алешу Илья Муромецъ:
„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
Ты не пей, Алеша, зелена̀ вина,
Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ.“
Отвѣчаетъ младъ Алеша Ильѣ Муромцу:
„Радъ бы я не пити зелена̀ вина,
Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
Напоилъ меня нахвальщикъ до̀-пьяна,
Накормилъ меня онъ до̀-сыта
Тою шелепугой подорожною.“
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:
„Ужъ ты старость, старость богатырская!
Малое-то бо̀льшимъ замѣняется,
Бо̀льшему-то нѐкѣмъ замѣнитися.
Видно, кромѣ старика, ужь ѣхать некому!
Ай вы, братьица мои крестовые!
Поѣзжайте-ка раздольицемъ чисты̀мъ полемъ,
Заѣзжайте-ка на го̀ру на высокую,
Посмотрите-ка на драку богатырскую:
Будетъ надо мною безвремѐньице—
Поспѣвайте, братьица, на выруку.“
И выходитъ старый со бѣла̀ шатра,
Обряжаетъ бурушку добра̀ коня,
Обряжаетъ скоро-на̀-скоро,
Скоро-на̀-скоро да крѣпко-на̀-крѣпко;
И садится на добра̀ коня,
Выѣзжаетъ во чисто̀ поле,
Нагоняетъ добра мо̀лодца нахвальщика.
А нахвальщикъ ѣдетъ на добро̀мъ конѣ,
Потѣшается утѣхой молодецкою:
Мечетъ острое копье въ поднѐбесье,
Говоритъ самъ, похваляется:
„Какъ легко вертѣть мнѣ острыѝмъ копьемъ,
Такъ-же будетъ мнѣ вертѣть Ильею Муромцемъ!“
Подъѣзжалъ къ нему Ильюша со бѣла̀ лица,
Становилъ его да супроти̇̀въ себя,
Говоритъ ему да таковы̀ слова:
„Гой еси ты, добрый мо̀лодецъ!

Что̀ ты рано похваляешься?
Не уло̀вя птицы, теребишь ее,
На сваривши птицы, Богу молишься? ([79])
Поразъѣдемся-ка со чиста̀ поля
На своихъ на ко̀няхъ богатырскіихъ,
Пріударимъ-ка во палицы булатныя,
Силушки другъ у̀ друга отвѣдаемъ."
Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый мо̀лодецъ
Ото стремени отвязывалъ,
Самъ ли выжлецу наказывалъ:
„Ужь ты бѣгай-ка, выжлѐцъ, да по темны̀мъ лѣсамъ,
Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужь мнѣ не до тебя пришло."
Ясна сокола съ плеча сопускивалъ,
Самъ ли соколу наказывалъ:
„Ты лети-ка, соколъ, на синё море,
Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужь мнѣ не до тебя пришло."
Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ го̀ры вмѣстѣ содвига̀лися—
Два могучіихъ бога̀тыря съѣзжалися
На своихъ на ко̀няхъ богатырскіихъ.
Въ первый разъ они сразилися,
Пріударили во палицы булатныя,
Били другъ друга̀ да по бѣлы̀мъ грудямъ,
Били другъ друга̀ да не жалѣючи,
А со всею силой богатырскою—
Палицы во кольцахъ попригнулися,
Отломилися по ма̀ковкамъ.
У бога̀тырей доспѣхи были крѣпкіе,
Другъ друга̀ они не сшибли со добры̀хъ коней,
Другъ друга̀ не по̀били, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили ко̀ней богатырскіихъ,
Говорили сами промежду̀ собой:
„Какъ намъ силушки другъ у̀ друга отвѣдати?
Поразъѣдемся-ка со чиста̀ поля
На своихъ на ко̀няхъ богатырскіихъ,
Пріударимъ-ка во копья мурзамецкія,
Тутъ другъ у̀ друга мы силушки отвѣдаемъ."
Поразъѣхалися на добры̀хъ коняхъ,
Во другой съѣзжалися, сразилися,

Пріударили во копья мурзамецкія,
Били другъ друга̀ да не жалѣючи,
Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
Копья въ чивьяхъ поломалися,
Другъ друга̀ они не ранили,
Только оба изъ сѣдёлъ попа̀дали. (80)
Становились скоро на рѣзвы̀ ноги,
Говорили сами промежду̀ собой:
„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?
Будемъ биться плотнымъ боемъ-рукопашкою,
Тутъ другъ у̀ друга мы силушки отвѣдаемъ.“
Разошлися, разбѣжалися,
Захватились плотнымъ боемъ-рукопашкою,
Другъ съ другòмъ ломалися, водилися,
Съ вечера водились до полу̀ночи,
Со полу̀ночи водились до бѣла̀ свѣта,
По колѣна въ землю пріобмялися.
У Ильи-то права ножка окатилася,
Лѣва ножка подломилася;
Подхватилъ его нахвальщикъ со коса̀ бедра,
Опустилъ на матушку-сыру̀ землю,
И ступилъ ему на бѣлу грудь;
Бралъ тогда рогатину звѣриную,
Заносилъ да руку правую,
Заносилъ да выше гòловы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
На бою-то смерть Ильѣ не писана,
Застоялась во плечѣ рука у молодца,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣватися:
„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пёсъ!
Ужь тебѣ ли ѣздить во чистòмъ полѣ,
Во чистомъ полѣ да на добрòмъ конѣ!
Развѣ нѐ кѣмъ старичинѣ замѣнитися?
Ты поставилъ бы келѐйку по дороженькѣ,
Собиралъ бы во келейкѣ по полушечкѣ:
Тѣмъ бы старичина и животъ питалъ,
Тутъ бы старичина и животъ кончалъ.“
Какъ лежитъ Ильюша подъ бога̀тыремъ,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„А не ладно же было̀ написано:
—Не бывать Ильѣ въ чистòмъ полѣ убитому,—

А теперь лежитъ Ильюша подъ богатыремъ."
Разгорѣлось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь да молодецкая,
Лёжа силы у Ильюши втрое прибыло;
Что не сѣрая утица востопорщится—
На землѣ Ильюша поворотится,
Замахнется правой ручушкой,
Да ударитъ во черны груди ([81]) нахвальщика—
Мечетъ молодца подъ вышину небесную,
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Свѣту бѣлаго не взвидѣлъ молодецъ,
И летитъ назадъ онъ ко сырой землѣ.
На лету его Илья подхватывалъ
На свои на руки богатырскія,
Клалъ на матушку-сыру землю,
Самъ ему садился на черны груди,
Бралъ въ бѣлы руки булатный ножъ,
Заносилъ да ручку правую,
Заносилъ да выше головы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
Какъ, по божьему тутъ по велѣнію,
Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ онъ молодца допрашивать,
Сталъ онъ молодца вывѣдывать:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты скажись, скажись-ка, не утай себя,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца, да коей матушки?
Какъ тебя да именемъ зовутъ,
Величаютъ по отечеству?"
А нахвальщикъ подъ Ильей лежитъ,—
Хоть мозги въ головкѣ потрясаются,
Видъ со ясныхъ очушекъ теряется,
И рѣчистъ языкъ мѣшается,—
Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держитъ:
„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пёсъ!
Какъ сидѣлъ бы у тебя я на бѣлой груди,
Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
Не спросилъ бы у тебя отца и матери,

А пласталъ бы только бѣлу грудь тебѣ,
Доставалъ бы сердце да со печенью."
Во другой ли разъ его Илья допрашивалъ,
Въ третій разъ его Илья вывѣдывалъ,
Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
Заносилъ опять булатный ножъ,
Заносилъ да выше головы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу.
Видитъ молодецъ—конецъ пришелъ ему,
Не утаился, сказался Ильѣ Муромцу:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ!
Я такой земли, такой орды:
Отъ того отъ славнаго Латыръ-моря,
Отъ того отъ камня да отъ латыря,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки, (82)
А по имени зовутъ Сокольничкомъ." (83)
Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
Скоро сходитъ со груди его,
Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
Какъ беретъ за перстни золочёные,
Какъ взымаетъ со сырой земли,
Какъ становитъ на рѣзвы ножки,
На рѣзвы ножки да супротивъ себя,
Какъ цѣлуетъ во уста сахарныя,
Называетъ крестничкомъ (84) любимыимъ,
Самъ-то плачетъ, старый, глядючи на крестничка:
„Здравствуешь ты, мой любимый крестничекъ!
Ѣздилъ я чистымъ полемъ поляковать,
Повстрѣчался съ поленицею удалою,
Съ тою бабою великою Латыгоркой,
Да какъ съѣхались на поединочкѣ,
Я побилъ ее на поединочкѣ.
Повинилась мнѣ Латыгорка, возмолилась,
Стала звать во кумовья къ себѣ,
И крестилъ я ей тебя, Сокольничка.
Какъ поѣдешь ты ко матушкѣ родимоей,
Ко моей кумѣ любимоей,
Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
А теперь намъ полно биться-ратиться,
Послѣ бою-драки богатырскія
Будемъ отдыхъ-опочивъ держать."

И прилегъ Ильюша во чистòмъ полѣ.
На бугрѣ высокоемъ, раскатистомъ,
Послѣ бою-драки опочивъ держать.
И заснулъ Ильюша богатырскимъ сномъ,
Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дёнъ.
А нахвальщикъ, младъ Сокольникъ пораздумался:
„Какъ поѣхалъ я отъ рòдной матушки,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
Говорила мнѣ, наказывала рòдная:
—Ты попомни, чадо милое:
Какъ поѣдешь во чистò поле поляковать,
Бейся во чистòмъ полѣ со всякими,
Да не бейся ты со старыми,
Да не бейся со угрюмыми,
Да не бейся съ невесёлыми:
Примешь скорую ты смерть отъ стараго.—
Ай ты, свѣтъ моя да рòдна матушка!
Какъ побилъ тебя старикъ на поединочкѣ,
Самого за то предамъ я смерти скороей.“
Бралъ Сокольничекъ рогатину звѣриную,
Билъ Илью рогатиною по бѣлòй груди;
Спитъ Илья, не пробуждается
Отъ того удара богатырскаго.
Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,
Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,
Бьетъ копытомъ во сырỳ землю—
Спитъ Илья, не пробуждается
Отъ того отъ ржанья-топота.
Былъ же у Ильюши крестъ на вòротѣ,
Чуденъ крестъ во полторà пуда:
Погодился чуденъ крестъ Ильѣ,
Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
Вскинулъ вкругъ себя да ясны очушки—
А надъ нимъ стоитъ Сокольничекъ,
Бьетъ его рогатиною по бѣлòй груди.
Разгорѣлось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь да молодецкая:
Воспрянỳлъ Ильюша на рѣзвы ноги,
За желты кудри схватилъ Сокольничка,
Опустилъ на мать-сырỳ землю,
Наступилъ ему на ножку правую,
Дернулъ мòлодца за ножку лѣвую—

На двое ли молодца порозорвалъ,
Раскидалъ кусочки по чисту полю—
Что одну ли половинку да сѣрымъ волкамъ,
А другую половинку черным воронамъ,
Самъ проговорилъ да таковы слова:
„Было чадочко едино—крестное,
Да самимъ же чадо смерти предано!“
Только-то Сокольничку славы поютъ,
А Ильюшѣ слава не минуется,
Вѣкъ поютъ да по вѣку Ильюшеньку.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ТРИ ПОѢЗДОЧКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зелено вино,
Дорога намъ бесѣдушка смиренная.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* * *

Ѣздилъ старый по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трёхъ саженъ,
Грива трёхъ локтей, а шерсть трёхъ пядей.
Онъ у рѣкъ перевозу не спрашивалъ,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакивалъ,
Широки раздолья перерыскивалъ,
Да отъ смерти стараго унашивалъ.
Какъ не пыль дорогой запылилася.

Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися—
Какъ погуливаетъ старый во чистомъ полѣ,
Забѣлѣлась его буйная головушка
Со частой, сѣдой, мелкой бородушкой,
Затуманился подъ нимъ его добрый конь,
Запылилась за нимъ сила добрая.
Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ да перекрёсточкамъ,
И лежитъ на перекрёсточкахъ горючъ камень.
А на камешкѣ подпись подписана:
„Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
Во другую ѣхать—женату быть,
А во третью ѣхать—убиту быть.“
Дивовался старый, головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?
Да на что мнѣ, старому, богачество?
Нѣтъ у стараго семьи любимыя,
Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,
А и нѣкому держать золотой казны,
А и нѣкому держать платья цвѣтнаго.
Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?
Да на что мнѣ старому, женитися?
Мнѣ женитися—не нажитися,
Молодую взять—чужа корысть,
А старуху взять—на печи лежать,
На печи лежать, киселёмъ кормить.
Ужь поѣду-ка въ дорожку, гдѣ убиту быть,
Гдѣ убиту быть да замучену,
Со душою тѣлу быть разлучену,
Пожилъ добрый молодецъ на сёмъ свѣтѣ,
Походилъ, погулялъ во чистомъ полѣ,
И застала его старость глубокая,
Во чистомъ полѣ застала чернымъ ворономъ,
Сѣла молодцу на буйну голову,
А и при смерти головушка шатается.
Только смерть мнѣ на бою-то не написана!“
И поѣхалъ онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,

Какъ заѣхалъ старый во темны лѣса,
Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ,
А по-русски назвать такъ разбойниковъ,
Не много, не мало—сорокъ тысячей.
Увидали стараго разбойники,
Кругомъ его, стараго, облавили,
Хотятъ его, стараго, ограбити,
Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
Хотятъ добра молодца убить-погубить,
Тѣло бѣлое со душой разлучить.
А старикъ на конѣ головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Ой вы гой еси, братцы станичники,
Гой еси, подорожники-разбойники!
Вамъ убить меня, стараго, не за что,
Да пограбить у стараго нечего:
Не случилось у меня съ собой казны;
Есть наличныхъ только три тысячи,
Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
Соболиная шапочка во три сотеньки,
Да еще рукавички въ одну сотеньку.
Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
На базаръ я его не вываживалъ,
И никто ему цѣнъ не окладывалъ;
Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
Да черкасское сѣдельце во двѣ тысячи;
Потому сѣдельце дорого,
Что орлёно перьемъ орлиныимъ—
Не того орла, что по морямъ леталъ,
А того орла, что по горамъ леталъ!
Какъ ударился орелъ о горючъ камень,
Обломалъ себѣ перья орлиныя;
Проѣзжали купцы изъ-за синя моря,
Обирали перья орлиныя,
Привозили старому во подарочекъ.
А попона на конѣ семи шелковъ,
Въ три строки ли строчена-точена:
Какъ одна-то строчка злата-серебра,
А другая строчка чиста золота,
Еще третья строчка желтой мѣди.
А во гривушку вплётанъ скачёнъ жемчугъ,

Межъ ушами камѐнье понасажено,
Драгоцѣнное камѐнье самоцвѣтное,
Да не для̀-ради красы молодецкія,
Для̀-ради осеннихъ темныхъ ночеекъ:
Ходитъ батюшка-бурушка во чистòмъ полѣ,
А отъ батюшки-бурушки лучи пекутъ
За три вёрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца."
Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
Кликнулъ кличъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
„Какъ ужь, старый ты чортъ, сѣдатый волкъ,
Еще много сталъ съ нами разговаривать!
Гой, ребятушки, тати-станичники,
Гой вы, братцы мои, плуты-разбойники!
Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
Да срубите-ка вы старому буйну голову!"
Говоритъ имъ старый Илья Муромецъ:
„А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
Послѣ сами мнѣ будете кланяться."
Вынималъ изъ налушна онъ тѝгой лукъ,
Вынималъ изъ колчана калену̀ стрѣлу,
На тугòмъ лукѣ тетивку натягивалъ,
Калену̀ю стрѣлку накладывалъ:
„Ой вы гой еси, добры мòлодцы!
Въ васъ стрѣлять ли, аль во сы̀рой дубъ?"
Онъ стрѣляетъ не по станичникамъ,
Онъ стрѣляетъ во сыръ кряковѝстый дубъ;
А и спѣла тетивка у туга̀ лука,
Угодила стрѣлка въ кряковистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножёвые.
Отъ того ли отъ грому богатырскаго
Всѣ станичники съ коней попа̀дали,
Испужалися, врозь разбѣжалися,
На ножи-было сами намета̀лися:
„Гой еси ты, старъ матёръ человѣкъ!
Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
Ты бери съ насъ золоту̀ казну,
Ты бери съ насъ платье цвѣтное,
Ты бери и нашихъ добры̀хъ коней!"
Усмѣхается старъ матёръ человѣкъ:
„Кабы брать вашу золоту̀ казну,
За мной рыли бы ямы глубокія;

„Ты, удаленькій, дородный добрый молодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ терёмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солію.“

Кабы брать мнѣ ваше платье цвѣтное,
За мной были бы горы высокія;
Кабы брать мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
За мной гнали бы табуны великіе."
Говорятъ ему станичники-разбойники:
„Одно красное солнце на бѣлòмъ свѣтѣ,
Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
Ужь поди-ка ты къ намъ во товарищи,
Будешь намъ ты большимъ атаманушкой."
„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
Не пойду я къ вамъ во товарищи,
Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
Расходитесь-ка вы по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
Къ молодымъ женамъ, ко глупымъ дѣтушкамъ,
Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
Проливати кровь христіянскую."
Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
Пріѣзжалъ ко горючему камешку,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ."
Пораздумался старый, проговорилъ:
„А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть."
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,
Наѣзжалъ терема̀ златоверхіе.
Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ,
Посреди ихъ королевна-душечка;
На ней платье-то драгоцѣнное,
Драгоцѣнное платье самоцвѣтное—
На полушечку мѣста рублемъ не купить.
Говоритъ королевна-душечка:
„Ты, удаленькій, дородный добрый молодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ терёмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солію."
Какъ сходилъ тутъ старый со добра̀ коня,
Оставлялъ коня неприкована,
Неприкована да непривязана;
А прекрасная королевна-душечка
Бра̀ла стараго за ручки бѣлыя,

Цѣловала во уста сахарныя,
Проводила во высокъ терёмъ,
Садила за дубовый столъ,
Стлала скатерти браныя, шелковыя,
Приносила яствушки сахарныя,
Приносила напиточки медовые,
И поила-кормила добра молодца,
Добру молодцу низко кланялася.
Ѣстъ и пьетъ старикъ, прохлажается,
Весь ли дологъ день и до вечера.
Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
Гдѣ у васъ кровати тесовыя,
Гдѣ перины мягкія пуховыя?
Мнѣ на старость старику бы опочинуться.“
Привела его въ ложни теплыя,
Ко кровати ко тесовоей.
У кровати старый головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
Знать, кроватка-то подложная.“
Какъ возьметъ королевну за бѣлы ручки,
Шибанетъ ко стѣнкѣ кирпичноей,
Отвернулась кроватка подложная,
Увалилась королевна во глубокъ погрёбъ.
Говоритъ старикъ таковы слова:
„Гой еси вы, слуги безъименные!
Покажите-ка мнѣ ходъ во глубокъ погрёбъ.“
Показали ему ходъ во глубокъ погрёбъ,
Старику ключей не надобно:
Онъ перстами замки отдёргивалъ,
Онъ ногами двери вонъ вышибывалъ,
Выпущалъ сорокъ царей-царевичей,
Съ ними сорокъ королей-королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Ай, глупы же вы, цари-царевичи,
Ай, глупы вы, короли-королевичи,
Ай, глупы вы, могучіе богатыри!

Вы сдаетесь на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всѣ по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ женамъ, ко малымъ дѣтушкамъ."
Какъ тутъ всѣ они съединилися,
Старику до земли поклонилися:
„А спасибо жь тебѣ, старъ матёръ человѣкъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія."
Вышла тутъ и королевна-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:
„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латыгорки?"
Говоритъ въ отвѣтъ Илья Муромецъ:
„Ай ты, лютая баба-Латыгорка!
А почто же ты кума любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живьёмъ?"
„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предалъ младаго Сокольничка,
Мое чадочко милое единое?"
„А почто же онъ, младъ Сокольничекъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, отъ вашего роду отъ проклятаго
Не видать покою людямъ, доколь
Не останется одинъ лишь пепелъ съ васъ!"
Бралъ тутъ старый ее за бѣлы ручки,
Выводилъ ее старый на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребчикамъ неѣзжанымъ—
Куда руки, куда ноги раздёрнули,
Растащили ее по чисту полю.
Роздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ молодцамъ, могучимъ богатырямъ,
Терема златоверхіе огню предалъ,
Самъ ко камешку поворотъ держалъ,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ."
Пораздумался старый, проговорилъ:
„Ужь поѣду-ка теперь, гдѣ богату быть."
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,

Наѣзжаетъ на превелікъ камень,
Превелікъ камень въ тридевяносто пудъ,
А на камнѣ подпись подписана:
„Кому камень пòдъ силу вывалить,
Да подъ камнемъ плиту чугунную,
Тотъ найдетъ подъ плитой глубòкъ погрёбъ,
А во пòгребѣ—богачество несмѣтное.“
Какъ у камня старый головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!“
Опускался старый со добрà коня,
Подпадалъ подъ кàмень могучімъ плечомъ,
За три поприща камень выкатывалъ,
Да плиту чугунную выпінывалъ—
Отворился ему глубòкъ погрёбъ,
А насыпанъ погребъ злата-сèребра,
А насыпанъ весь до скатна жемчугу.
Бралъ тутъ старый мису чиста сèребра,
Бралъ другую красна золота,
Бралъ и третью скатна жемчугу,
На коня садился, поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ во славный во Кіевъ градъ
И воздвигнулъ три церкви соборныя:
Перву церковь—Спасу Пречистому,
Другу церковь—Николѣ Можайскому,
Третью церковь— Георгію Храброму,
Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
Устанавливалъ звоны колокольные:
„Чье имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
Остальное злато-сèребро, скачёнъ жемчугъ
Раздавалъ по нищей по братіи,
Раздавалъ по сіротамъ безпріютнымъ;
Самъ къ горючему камешку ворòчался,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ.“ (85)
Тутъ-то старому во вѣкъ слава-честь пошла,
А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КАКЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СВЯТОЙ РУСИ. ([86])

Какъ на славной было, братцы, на Сафатъ-рѣкѣ, ([87])
Не здорòво, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафатъ-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бòльшаго богàтыря,
Стараго удàла Ильи Муромца!
Ужь вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лёгки струженьки
Дорогимъ суконцемъ багрецòвыимъ,
Увивайте-ка весёльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ:
Чтобы по ночамъ онѣ не буркали,
Чтобъ не подавали ясака
Ко тѣмъ злымъ людямъ—татàровьямъ.

* *
*

На закатѣ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафатъ-рѣку
Семь удàлыхъ русскіихъ богàтырей,
Семь могучихъ братьицевъ назвàныихъ:
Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
Выѣзжалъ Василій Казиміровичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ, ([88])
Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, ([89])
Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Выѣзжалъ и матерòй Илья,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
Пораскинулось предъ ними поле чистое,
А на томъ на пòлѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, крякòвистый,

У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужь какъ первая дорога къ Нову-гòроду,
А вторая-то дорога къ стольну Кіеву,
А что третія дорога ко синю морю,
Ко синю морю далёкому;
Та ли третія дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились на распутіи богàтыри,
Разбивали свой бѣлòй шатеръ,
Отпускали кòней погулять въ чистòмъ полѣ;
Ходятъ кòни по шелкòвой муравѣ-травѣ,
Да пощипываютъ зелену̀ траву,
Да побрякиваютъ золотой уздой;
А въ бѣлòмъ шатрѣ богàтыри
Долгу ночку сномъ корòтаютъ.
На восходѣ было красна солнышка,
Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
Выходилъ да на Сафатъ-рѣку,
Умывался студенòй водой,
Утирался тонкимъ пòлотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ тутъ: черезъ Сафатъ-рѣку
Переходитъ силушка невѣрная:
Добру мòлодцу той силы не объѣхати,
Сѣру волку не обрыскати,
Черну вòрону не òблетѣть.
И кричитъ Илья̀юша зычнымъ голосомъ:
„Ой, ужь гдѣ же вы, могучіе богàтыри,
Вы, удàлы братьица назвàные!“
Какъ сбѣгалися на зовъ его богàтыри,
Какъ садились на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силушку невѣрную,
Стали силушку колоть-рубить,
Да не столько рубятъ ихъ богàтыри,
Сколько топчутъ кòни добрые:
Бились съ силой ровнò три часа,
Изрубили силу до единаго.
Стали мòлодцы тутъ похвалятися:
„Какъ у насъ, могучіихъ богàтырей,
Плечи молодецкія не намахàлися,

Кони добрые не уходилися,
И мечи булатные не притупилися!"
И возговоритъ Алешенька Поповичъ младъ: (30)
„Подавай намъ силу хоть небесную:
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!"
Только молвилъ слово неразумное,
Появились двое супротивниковъ,
Крикнули имъ громкимъ голосомъ:
„А давайте-ка вы съ нами бой держать!
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро."
Не узнали супротивниковъ богатыри,
Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
Разгонялъ коня ретиваго,
Налетѣлъ на супротивниковъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетаетъ старый Илья Муромецъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ богатыри,
Стали силушку колоть-рубить—
А та сила все растетъ-растетъ,
На богатырей боёмъ идетъ.
Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
Сколько топчутъ кони добрые—
А та сила все растетъ-растетъ,
На богатырей боёмъ идетъ.
Билися три дня и три часа,
Намахалися ихъ плечи молодецкія,
Уходилися ихъ кони добрые,
Притупились ихъ мечи булатные—
А та сила все растетъ-растетъ,
На богатырей боёмъ идетъ.
Испугалися могучіе богатыри,
Побѣжали къ каменнымъ горамъ,
Ко пещерушкамъ ко тёмнымъ;
Первый только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Другой только подбѣжалъ къ горѣ,

Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Третій только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ.
Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
И перевелися на святой Руси!

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

МОЛОДОСТЬ ВАСИЛІЯ БУСЛАЕВА. ([91])

Какъ во славномъ, во Великомъ Новѣ-гòродѣ
Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да зуба вò рту нѣтъ.
Со Опсковомъ онъ не вздоривалъ,
Съ Новымъ-городомъ не спаривалъ,
Съ мужиками со новогородскими ([92])
Поперегъ словечка не говаривалъ. ([93])
Живучѝ Буслай состарился,
А состарившись преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалося его житьё-бытьё,
Все имѣніе-богачество,
Оставалась матерà вдова,
Матерà Мамельфа Тимоѳеевна,
Оставалось чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матерà вдова Мамельфа Тимоѳеевна,
Обучать его во грамотѣ—
Грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила Васиньку перомъ писать—
И письмо ему въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнію учить церковному—
Пѣніе ему въ наукъ пошло.
А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
Въ цѣломъ славномъ Новѣ-гòродѣ,

Супротивъ Василія Буслаева!
Какъ пошелъ тутъ Васинька по городу,
Сталъ по улочкамъ съ ребятами побалывать,
Шуточки нелегкія пошучивать:
За̀ руку ли дёрнетъ—ручку выдернетъ,
За̀ ногу ли хватитъ—ножку выломитъ,
Въ голову ударитъ—голова съ плеча.
Приходили мужики новогородскіе
Къ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
Приносили жалобу великую
На того Василья на Буслаева:
„Ай, честна̀ вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Васильюшку Буслаева:
Съ нашими со малыми ребятками
Шуточки онъ шутитъ нехорошія,
Побиваетъ смертію напрасною:
Не наполнить будетъ намъ ребятушекъ.
Не уймешь Васильюшки Буслаева—
Будемъ унимать всѣмъ Новымъ-городомъ,
Сгонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово.“
Дождала̀ся чада милаго
Матера̀ вдова Мамельфа Тимоѳеевна,
Стала мо̀лодца журить-бранить,
Не журить-бранить—на умъ учить:
„Чадо ты мое, дитя любимое,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
А и что же ты по го̀роду уродствуешь?
Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
А ни съ кѣмъ до смерти не перечился,
Въ твои годы не имѣлъ и ста рублей,
А имѣлъ дружину, добрую, хоро̀брую;
У тебя же нѣтъ ни братій, ни дружинушки:
Долго ли обидѣть добра мо̀лодца?
Прибралъ бы себѣ дружинушку—
Было бы съ кѣмъ попротивиться.“
За тѣ рѣчи Васька принимается:
„Я тебя-де, матушка, послушаю.“
Самъ садился на ременчатъ стулъ,
Ярлыки писалъ да скорописчаты:

„Кому хочется до-сыта ѣсть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ,
На широкій дворъ да на почѐстенъ пиръ.“
Ярлыки привязывалъ ко стрѣлочкамъ,
Стрѣлочки стрѣлялъ по Нову-гòроду;
Самъ наваривалъ да пива пьянаго,
Самъ накуривалъ да зеленà вина.
Разставлялъ чаны̀ середъ двора,
Опускалъ въ нихъ чару—полтора ведра,
Чарочкѣ да приговаривалъ:
„Кто подниметъ чару единòй рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Будетъ тотъ Василью милый другъ,
Будетъ милый другъ, назвàный братъ.“
Какъ пошли тутъ люди грамотны
Со той церкви со соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Ярлыки на стрѣлочкахъ прочитывать:
„Жалуетъ-зоветъ Василій на почѐстенъ пиръ.“
Собиралися увалами,
Что увалами да перевалами,
Всѣ идутъ и старые и малые,
Всѣ валятъ къ Василью на широкій дворъ.
Увидалъ Василій изъ окна ребятъ,
Говоритъ себѣ да таковы̀ слова:
„Не наполнитъ будетъ пива пьянаго,
Не насытитъ будетъ зеленà вина.“
Бралъ червлёный вязъ въ двѣнадцать пудъ,
Сходилъ къ ребятамъ со краснà крыльца,
Говорилъ ребятамъ таковы̀ слова:
„Кто подниметъ чару единòй рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Да истерпитъ мой червлёный вязъ,
Мой червлёный вязъ во буйну голову,—
Тотъ поклонъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ,
Будетъ милый другъ мнѣ и назвàный братъ.“
Какъ тутъ бòльшій ту̀лится за средняго,
Средній ту̀лится за мѐньшаго,
А отъ мѐньшаго-то и отвѣта нѣтъ;
Вонъ идутъ и старые и малые,
Сами говорятъ промежъ себя:
„Не упито будетъ, не уѣдено,

А на вѣкъ увѣчье нàжито.“
Какъ бѣжитъ на встрѣчу Костя Новотòржанинъ,
Опрошаетъ на бѣгу ребятъ:
„Были ли у Васьки на честнòмъ пиру?
Каково у Васьки ỳпили,
Каково у Васьки ỳѣли?“
„Мы не ỳпили, не ỳѣли,
Мы на вѣкъ увѣчье нàжили.
Самъ куда бѣжишь, куда спѣшишь?“
Не даетъ отвѣта Костя Новоторжанинъ,
Онъ одно бѣжитъ, одно спѣшитъ:
Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зеленò вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единòй рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорёхонько и во второй-то разъ,
Воздымаетъ чару единòй рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорёхонько и въ третій разъ...
Только поднялъ чару зеленà вина—
Подскочилъ къ нему Василій, сталъ опрòбовать,
Билъ червлёнымъ вязомъ въ буйну голову:
Устоялъ дѣтина—не ворòхнется,
Синь кафтанъ на плѐчахъ не колы̀хнется,
Жёлты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплѐщется:
„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
Окатилъ мнѣ ретивò сердцо,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлитися?“
Бралъ его Василій за бѣлы̀ руки,
Цѣловалъ въ уста сахàрныя,
Проводилъ во горницу столовую:
„Будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ,
Будь мнѣ милый другъ, назвàный братъ!“
И садилъ его онъ за дубовый столъ,
За дубовый столъ да во большòй уголъ,
И кормилъ-поилъ его онъ дò-сыта.
Въ тѣ поры̀ былò, въ то времячко,
Увидали мужики новогородскіе,
Что бѣжитъ на встрѣчу имъ Потаня Хроменькій,

Говорятъ Потанѣ таковы слова:
„Не ходи, Потаня, на почѐстенъ пиръ!“
Не даетъ отвѣта имъ Потанюшка,
Онъ одно бѣжитъ, одно спѣшитъ:
Правой ножкой-то припадываѐтъ,
Лѣвой ножкой-то прихрамываѐтъ,
Изъ-подъ рученьки присматриваѐтъ,
Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зеленò вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорёхонько и во второй-то разъ,
Воздымаетъ чару единòй рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорёхонько и въ третій разъ...
Подскочилъ къ нему Василій, сталъ опрòбовать,
Билъ червлёнымъ вязомъ по хромымъ ногамъ:
Устоялъ дѣтина—не ворòхнется,
Синь кафтанъ на плѐчахъ не колы̀хнется,
Жёлты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплѐщется,
Говоритъ дѣтина Васинькѣ Буслаеву:
„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
Дай-ка ты мнѣ хоть опохмѣлитися!“
Бралъ его Василій за праву̀ руку,
Цѣловалъ въ уста сахàрныя,
Проводилъ во горницу столовую:
„Будь же ты, Потанюшка, мнѣ милый другъ,
Будь мнѣ милый другъ, назвàный братъ!“
Посадилъ его онъ за дубовый столъ,
Учалъ его подчивать да чествовать.
Мало время позамѣшкавши,
Прибѣгалъ на дворъ Ѳома Горбатенькій, (94)
Размахнулъ на чанѣ зеленò вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единòй рукой,
Выпимаетъ чару на единый духъ.
Не сошелъ ужь Васька со краснà крыльца,
Бить не сталъ червлёнымъ вязомъ Ѳомушку,
Прямо звалъ во горенку столовую:

„Будь ты, Ѳомушка, мнѣ милый другъ,
Будь мнѣ милый другъ, назва̀ный братъ!“
И прибра̀лъ себѣ онъ тридцать мо̀лодцевъ,
Тридцать мо̀лодцевъ да безъ единаго,
Надо всѣми самъ тридцатымъ сталъ,
Заводилъ на всѣхъ почѐстенъ пиръ,
Говорилъ имъ таковы̀ слова:
„Гой, моя дружина добрая, хоро̀брая!
Въ Новѣ-городѣ бояться намъ ужь нѐкого!“
И пошелъ тутъ слухъ по Нову-городу,
Что прибралъ себѣ Василій тридцать братьицевъ,
Тридцать мо̀лодцевъ да безъ единаго,
Что живутъ они съ нимъ всѣ безъ выходу,
Пьютъ-ѣдятъ съ нимъ съ одного стола,
Цвѣтно платье носятъ съ одного плеча.
Взволновались мужики новогородскіе,
Собирались въ терема тайницкіе,
Соходились во большой совѣтъ,
Стали думать думу крѣпкую.
Какъ возстанетъ съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,
Какъ выходитъ на средину горницы,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Самъ поглаживаетъ сѣду бороду,
Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
Начинаетъ слово мудрое:
„Гой еси вы, мужики новогородскіе!
Вѣдомо вамъ неуда̀ло дѣтище,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ:
Отъ его нелегкихъ шуточекъ
Нашъ Великій-Новгородъ уже порѣже сталъ.
А теперь прибралъ себѣ онъ тридцать братьицевъ,
Тридцать мо̀лодцевъ да безъ единаго;
Не задумалъ бы онъ зло на нашу голову
Не замыслилъ бы прибрать подъ руки крѣпкія?
Гой вы, мужики новогородскіе!
Созовите, братцы, пиръ на цѣлый міръ;
Хоть не станемъ звать Василія—
Не утерпитъ, самъ на пиръ придетъ.
Поднесемъ ему тогда брати̇ну зелена̀ вина:
Коль не будетъ пить—инъ мыслитъ зло на насъ;
Будетъ пить—такъ во хмѣлю промолвится.“
Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,

Поклонялись старцу всѣ до поясу,
Говорили во едину̀ рѣчь:
„Какъ придумалъ чуденъ старецъ, такъ и быть тому.“
На зарѣ было̀ на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Подымались мужики новогородскіе,
Насбирали хлѣба до двѣнадцать мѣръ,
Накурили зелена̀ вина,
Наварили пива пьянаго;
Становили тутъ столы дубовые,
Разстилали скатерти да браныя,
Разставляли яства да сахàрныя,
Приносили вёдра зелена̀ вина,
Зелена̀ вина да пива пьянаго,
Созывали на почѐстенъ пиръ весь Новгородъ,
Одного Василія не по̀звали.
Какъ прослышалъ тутъ Васильюшка
Про канунъ варёнъ, про пива ячныя
У тѣхъ мужиковъ новогородскіихъ,—
Самъ пошелъ на пиръ съ дружиною,
Проходилъ во мѣсто бо̀льшее,
Пораздвинулъ мужиковъ новогородскіихъ,
И садился во большо̀й уголъ
Со своей дружиною хоро̀брою.
Говорятъ тутъ мужики новогородскіе:
„Званому-то гостю хлѣбъ да соль,
А незваному и мѣста нѣтъ.“
Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ
„Званому-то много мѣста надобно,
Много мѣста и большая честь,
А незваному—какъ Богъ пришлетъ.“
И пустились мужики на хитрости:
Наливаютъ во братины зелена̀ вина,
Приговариваютъ сами, усмѣхаючись:
„Кто дружитъ Велику Нову-городу—
Пей свою братину до̀-суха.“
Возстаетъ Василій, поклоняется,
Принимаетъ онъ братину во бѣлы̀ ручки,
Выпиваетъ едины̀мъ духомъ,
Едины̀мъ духо̀мъ да до̀-суха.
Заиграла въ немъ хмѣлинушка,
Закипѣла кровь да молодецкая,

И возгѐворилъ Василій таковы рѣчи:
„Глупые вы, неразумные,
Мужики новогородскіе!
Быть за мной вѣдь, за Васильемъ, Нову-городу,
Брать мнѣ даточныя пошлины со всей земли,
Съ лову заячья и гоголинаго,
Брать съ гостей заѣзжихъ мытныя,
А вамъ, мужикамъ, лежать у ногъ моихъ!“
Нѐлюбы такія рѣчи показалися
Мужикамъ новогородскіимъ,
Закричали въ единѐ слово:
„Младъ еще ты, неудѐло дѣтище!
Не бывать же за тобою Нову-городу,
Да не честь тебѣ теперь и жить у насъ,
А и нѣтъ здѣсь про тебя земли.
На утрѐ иди изъ Нова-города;
Не пойдешь—инъ выгонимъ не съ честію,
Потеряешь буйну голову!“
Отъ такого слова пуще прежняго
Разгоралось сердце молодецкое,
Распалялась буйная головушка:
„Гой еси вы, мужики новогородскіе!
Бьюсь я съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь биться-драться на весь Новгородъ
Со своей дружиною хорѐброю:
Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ—
Я плачу̀ вамъ дани-выходы по смерть свою;
Буде же я васъ побью и вы мнѣ покоритеся—
Вамъ платить мнѣ дани дѐ-вѣку.“
Сдѣлали они тутъ рукобитьице,
Рукобитьице великое,
Написали записи поручныя:
За утрѐ идти на Волховъ мостъ,
Сходиться на побоище на смертное.
Приходилъ Василій къ рѐдной матушкѣ,
Къ матерѐй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
Сталъ разсказывать ей, похвалятися:
„Какъ ударился я не о малъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
О своей ударился о буйной гѐловѣ:
За утрѐ мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ.“
Матера̀ вдова Мамельфа Тимоѳеевна

Какъ услышала—заплакала,
Ухватила сына за бѣлы̀ руки,
Отводила въ погреба глубокіе,
Чтобы хмѣль ему-де выспати,
Затворяла самого дверьми желѣзными,
Позащёлкнула замками крѣпкими,
Позадвинула рогатками булатными.
Спитъ Василій—не прохватится,
Не прохватится и не пробудится.
За утрò братаны: Костя Новоторжанинъ
Со Потаней Хроменькимъ, Ѳомой Горбатенькимъ
Ото сна встаютъ ранёшенько,
Умываются бѣлёшенько,
На востокъ, братаны, Богу молятся,
Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.
Какъ не пòлы воды вешнія
По лугамъ тутъ разливаются—
Какъ идетъ-валитъ по улицѣ Рогатицѣ
Сила та новогородская;
Какъ не бѣлы гуси-лебеди
Съ Ильмень-озера да подымаются—
Какъ сбирается на Волховъ мостъ
Супротивъ Василья цѣлый Новгородъ.
Не спросясь Василья, не дождавшися,
Бросились братаны въ страшный смертный бой.
Часъ ужь бьются съ Новымъ-городомъ—
Не подходитъ къ нимъ Василій сынъ Буслаевичъ;
И другой-то бьются съ Новымъ-городомъ—
Не видать Василія Буслаева;
Третій бьются съ Новымъ-городомъ—
А Василія все въ явѣ нѣтъ. (95)
И попятили дружинушку Васильеву
Мужики новогородскіе,
Сами говорятъ да таковы̀ слова:
„Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
Измѣнилъ онъ вамъ, своей дружинушкѣ,
Продалъ за̀ дешево васъ, своихъ товарищей.
Три часа вы бьетесь за Василія,
Всѣ головки-то у васъ шалыгами прощёлканы,
Руки всѣ платками перевязаны,
Ноги кушаками переверчены,
А его, Василія, и въ явѣ нѣтъ.

Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?“
А была у матушки Васильевой,
У честной вдовы Мамельфы Тимоѳеевны,
Дѣвушка малёшенька-чернёшенька,
Вѣрная служаночка чернавушка,
Шла она на рѣчку Волховъ по̀ воду,
Шла съ ведёрками дубовыми,
Съ коромысельцемъ кленовымъ;
Увидала то побоище кровавое,
Увидала—слезно всплакала.
А и взмолятся къ ней добры мо̀лодцы:
„Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
Ты не выдай насъ у дѣла ратнаго,
У того у часу смертнаго:
Позови Василья къ намъ на выручку.“
Побѣжала дѣвушка-чернавушка,
Побѣжала скоро-на̀-скоро,
Растеряла и ведёрки-то дубовыя,
Побросала коромысельце кленовое, (96)
Прибѣжала къ погребамъ глубокіимъ,
Индо дѣвка запыхалася,
Закричала во всю голову:
„Спишь ли ты, Василій, или такъ лежишь?
Знать, не слышишь шума-грома въ Новѣ-городѣ?
У твоей дружины у хоро̀брыя
Всѣ головки ужь шалыгами прощёлканы,
Руки всѣ платками перевязаны,
Ноги кушаками переверчены:
Одолѣли мужики новогородскіе.“
Ото сна Василій пробуждается,
Чоботы надёрнулъ на босу̀ ногу,
Шубу ли накинулъ на одно плечо,
А колпакъ надвинулъ на одно̀ ухо;
Поналёгъ на ободверины укладныя—
Съ одного удара двери высадилъ,
Разметалъ рогатины булатныя,
Выскочилъ самъ на широкій дворъ.
Не попалась Васькѣ палица желѣзная,
Что попалась ему ось телѣжная;
Побѣжалъ съ осищемъ онъ по Нову-городу,
По тѣмъ улицамъ широкіимъ:
„Гой, моя дружинушка хоро̀брая!

Продалъ-то не я васъ, добрый молодецъ,
Продала васъ моя матушка родимая.
Вы садитесь-ка теперь на лавочку,
Я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю.
Поразстроньтесь только, пораздвиньтеся,
Чтобы васъ мнѣ не убить замѣсто ново-горожанъ."
Заходило тутъ осище да телѣжное
По той силѣ по новогородскоей:
Гдѣ махнетъ—тамъ будетъ улочка,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ;
Положило мужиковъ увалами,
Положило перевалами,
Понабило, что погодою.
Видятъ мужики тутъ, что бѣда пришла,
Что бѣда пришла имъ неминучая,—
Побѣжали скоро-на-скоро
Въ монастырь тотъ во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
Насыпали и другую чиста серебра,
Насыпали третью скатна жемчугу,
Подносили старчищу Ондронищу, (97)
Тому крестному отцу Васильеву:
„Гой еси ты, старчище Ондронище!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Василія Буслаева,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена."
Какъ тутъ старчище Ондронище
Навалилъ на плечи на могучія
Монастырскій мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—во девяносто пудъ,
Да идетъ на рѣчку Волховъ, на тотъ Волховъ мостъ,
Колокольнымъ языкомъ самъ подпирается,
Инъ калиновъ мостъ да подгибается.
Поровнялся съ сыномъ крестнымъ,
Съ молодымъ Василіемъ Буслаевымъ,
Окликаетъ громкимъ голосомъ:
„Стой-постой, мой милый крестничекъ,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Смолода, глуздырь ты, не запархивай,
Малолѣтнее дитя ты, не заскакивай,
Прямоѣзжеей дорожки не заваливай.

Съ Волхова воды тебѣ не выпити,
Въ Новѣ-городѣ людей не выбити;
Будутъ мòлодцы и супротивъ тебя,
Да стоимъ мы, мòлодцы, не хвастаемъ.“ (98)
Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:
„Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты, старчище Ондронище!
Знать, несетъ тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.
Вѣдь у насъ-то дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.
Не далъ я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!“ (99)
Какъ ударитъ тутъ Василій въ колоколъ
Тѣмъ осищемъ да телѣжнымъ—
Загудѣла красна мѣдь, потрескалась,
А могучій старчище Ондронище
Присядаетъ ко сырой землѣ,
Не подастъ уже и голоса.
Заглянулъ Василій внизъ подъ колоколъ,
А у стараго во лбу и глазъ ужь вѣку нѣтъ. (100)
Какъ завидѣли Василья добры мòлодцы,
Та его дружинушка хорòбрая,
У соколиковъ у ясныхъ крылья òтросли,
У молодчиковъ у добрыхъ думы прибыло.
А и сталъ ихъ выручать Васильюшка,
Сталъ справляться съ силою по своему,
Гонитъ силу во чистò поле,
Пригоняетъ силу ко быстрòй рѣкѣ,
Не даетъ ей развернутися.
Пріуныли мужики новогородскіе,
Буйны головы повѣсили;
Посылаютъ посланцевъ во Новгородъ,
Ко той матушкѣ Васильевой,
Къ матерòй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
Со подарками великими:
„Государыня, Васильева ты матушка,
Матерà вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена.
А и рады мы платить тебѣ

„Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты, старчище Ондронище!
Не далъ я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!“

Всякій годъ да по три тысячи,
А и будемъ мы носить тебѣ
Всякій годъ со хлѣбника по хлѣбику,
Со калачника да по калачику,
Съ молодицы повѣнечное,
Со дѣвицы повалешное,
Да со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опричь лишь поповъ и дьяконовъ."
Покидалася старушка, пометалася—
Анъ нельзя пройти по улицѣ:
Полтеи по улицѣ валяются
Мужиковъ новогородскіихъ.
Прибѣжала старая къ Василію,
Наскочила сзади на Василія,
Пала мòлодцу на могучѝ плечи.
„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Уходи-тко свои плечушки могучія,
Укроти сердечушко ретивое,
И оставь народу хоть на сѣмена."
Опускалъ Василій руки ко сырòй землѣ,
Выпадала ось телѣжная изъ бѣлыхъ рукъ,
Говорилъ Василій таковы слова:
„Ай ты, свѣтъ мой, государыня да матушка!
Хорошо ты, матушка, удумала,
Что скочила нà плечи сзадѝ меня.
Второпяхъ-то да въ озорности,
Не спустилъ бы и тебѣ я, рòдной матушкѣ,
И тебя убилъ бы нè за что,
Вмѣсто мужика новогородскаго.
А теперь тебя послушаю:
Слушать рòдную самъ Богъ велитъ."
Взялъ ее онъ тутъ за ручки бѣлыя
И повелъ домой, въ свои палаты бѣлокаменны.
Такъ-то ѝзбыли отъ смерти отъ напрасныя
Мужики новогородскіе;
Сами со Васильемъ помирилися,
Помирилися и покорилися.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

СМЕРТЬ ВАСИЛІЯ БУСЛАЕВА.

Какъ подъ славнымъ, подъ Великимъ Новымъ-гòродомъ,
Да по славному по озеру по Ильменю,
Плаваетъ-поплаваетъ сѣръ селезѐнь,
Какъ-бы ярый гоголь да понырива̀етъ—
Плаваетъ-поплаваетъ червлёнъ корабль
Молода Василія Буслаева,
Молода Василья со дружиною,
Со дружиною его хорòброю,
Тридцать да уда̀лыхъ мòлодцевъ. ([101])
Костя Новотòржанинъ корму̀ держи̇̀тъ,
Маленькій Потаня на носу стоитъ,
Рядомъ съ нимъ Ѳома благоуродливый;
Самъ Васильюшка по кораблю поха̀живаетъ,
Таковы̀ слова да поговàриваетъ:
„Свѣтъ, моя дружинушка хорòбрая,
Тридцать добрыхъ молòдцевъ да безъ единаго!
Ставьте-ка корабликъ поперёгъ Ильменя̀,
Приставайте, мòлодцы, ко Нову-городу.“
А и къ берегу тычка̀ми притыкалися,
Пометали сходни на крутой бережокъ;
Походилъ Василій къ своему двору,
А за нимъ идетъ дружинушка хорòбрая;
Только караульщиковъ оставили.
Приходилъ Василій къ своему двору,
Къ государынѣ своей ко матушкѣ,
Къ матерòй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
Вьюномъ около старушки увивается,
Проситъ дать родительско благословеніе:
„Свѣтъ, моя ты государыня да матушка,
Матера̀ вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
Дай ты мнѣ родительско благословеніе:
Молодецко сердце пожадѣлося,
Пожадѣлось сердце, разгорѣлося,
Далъ себѣ я заповѣдь великую

Съѣздить со дружиною хорòбрую
На ту матушку Ердань-рѣку,
Ко тому ко граду Ерусòлиму,
Той святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ да искупатися,
На Ѳаворь-горѣ ([102]) да осушитися:
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новогородскіихъ!"
Отвѣчаетъ матерà вдова,
Матерà вдова Мамельфа Тимоѳеевна:
„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ!
Коли ты пойдешь на дѣло доброе—
Дамъ тебѣ родительско благословеніе;
Коли же, дитя, ты на разбой пойдешь—
Нѣтъ тебѣ благословенія,
А и не носи Василія сырà земля!"
Камень отъ огня да разгорается,
И булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она Василью въ дальный путь
Много-множество запасовъ хлѣбныихъ,
И даетъ оружье долгомѣрное:
„Береги-де буйну голову̀ свою!"
Скоро мòлодцы сбираются,
Съ матерòй вдовой прощаются;
Оснастили свой червлёнъ корабль,
Подымали тонки парусы камчатные,
И поѣхали ко граду Ерусòлиму.
И погодѣ не сдержать ужь мòлодцовъ:
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ сокòлъ летитъ.
Ѣдутъ день они, другой и третій день,
Ѣдутъ и недѣлю и другую-то;
Въ встрѣчу имъ тутъ гости-корабельщики:
„Здравствуй ты, Василій сынъ Буслаевичъ,
Со дружиною хорòброю!
Погулять, знать, братцы, поизволили?"
Отвѣчаетъ имъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости-корабельщики:
Наше ли гулянье неохотное:
Съ молоду-то много бито, граблено,

Такъ подъ старость спасти душу надобно.
А скажити-ка вы, мòлодцы:
Намъ прямымъ путемъ далёко ли
Ко святому граду Ерусòлиму?“
Отвѣчаютъ гости-корабельщики:
„А и гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ!
Вамъ прямымъ путемъ во Ерусòлимъ градъ
Будетъ ѣхать ровно семь недѣль,
А окольною дорогой полтòра года.
Да стоитъ на славномъ морѣ на Каспійскоемъ,
На томъ островѣ Куминскоемъ, ([103])
Крѣпкая застава молодецкая,
Стары атаманы все разбойничьи,
Что не много и не мало ихъ—три тысячи:
Грабятъ-топятъ бусы-гàлеры,
Разбиваютъ корабли червлёные.“
Говоритъ Василій да Буслаевичъ:
„А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую я въ свой червлёный вязъ:
Ужь бѣгите-ка, ребята, вы прямымъ путемъ.“
Побѣжали пò морю Каспійскому,
Набѣжали ту заставу корабельную,
Старыхъ атамановъ тѣхъ разбойничьихъ;
А на пристани ихъ дò ста человѣкъ стоитъ.
Приставали мòлодцы къ крутý берегý,
Пометали сходни на крутой бережокъ,
Соскочилъ Василій на крутой бережокъ,
Самъ червлёнымъ вязомъ подпирается.
Караульщики, удàлы добры мòлодцы,
Испужалися, не дожидалися,
Побѣжали съ пристани со корабельныя
Къ атаманамъ тѣмъ разбойничьимъ.
Атаманы слушаютъ—не надивуются,
Сами говорятъ да таковы слова:
„Тридцать лѣтъ на острову стоимъ,
А такого страха вѣкъ не видѣли!
Это-де идетъ Василій сынъ Буслаевичъ·
Знать-де по полеткѣ соколиноей,
Видѣть по поступкѣ молодецкоей!“
Пошагалъ Василій со дружиною
Къ атаманамъ ко разбойничьимъ;

Стали съ ними во единый кругъ.
На всѣ стороны Василій поклоняется,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Здравствуйте, разбойнички удалые!
А скажите-ка вы мнѣ прямой-то путъ
Ко святому граду Ерусолиму.“
Говорятъ разбойнички удалые:
„Гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ,
Со своей дружиною хороброю!
Милости васъ просимъ за единый столъ,
За единый столъ хлѣбъ-соли кушати!“
Въ тѣ поры Василій не ослушался:
Къ нимъ садился за единый столъ.
Наливали ему чару зелена вина,
Зелена вина во полтора ведра.
Принималъ Василій единой рукой,
Выпилъ чару единымъ духомъ.
Атаманы смотрятъ да дивуются:
Сами-то и по полу-ведру не могутъ пить.
Хлѣбъ-соли Василій пооткушавши,
Собирается на свой червлёнъ корабль;
Атаманы же несутъ ему свои подарочки:
Перву мису чиста серебра,
Другу мису красна золота,
Третью мису скатна жемчугу.
Благодарствовалъ за то Василій, кланялся,
Самъ просилъ еще съ собою провожатаго.
Не отказывали тутъ ему и въ томъ,
Дали провожатаго до Ерусолима,
Сами поклонялися, прощалися.
Собрался Василій на червлёнъ корабль
Со своей дружиною хороброю,
Подымали тонки парусы камчатные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ молодцы у матушки Ѳаворъ-горы,
Приставали ко крутому бережку.
Походилъ Василій на Ѳаворъ-гору,
А за нимъ летитъ дружинушка хоробрая.
Поднялися до полу-горы—
На пути сухая голова лежитъ,
Голова сухая, человѣчья кость. (104)
Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ты провѣщись, голова ты человѣческа:
Будешь ли ты кость мошенницка,
Али кость ты подорожницка?
Будешь ли ты кость татарская,
Али же ты кость христьянская?“
Чоботомъ тутъ кость подхватывалъ,
Прочь съ дороги голову попинывалъ—
Улетѣла голова въ подоблачье,
Пала голова да на сырỳ землю,
Говоритъ сама, провѣщится:
„Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!
Я вѣдь кость-то не мошенницка,
Я вѣдь кость не подорожницка,
Я вѣдь кость и не татарская,
А была я кость христьянская.
Не тебѣ меня бы и попинывать,
Не тебѣ меня побрасывать.
Самъ я молодецъ тебя не хуже былъ,
Да умѣю, молодецъ, валятися.
А и гдѣ теперь сухая голова лежитъ,
Тамъ же и Василію кататися,
И Васильевой головушкѣ валятися.“
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Плюнулъ только, да и прочь пошелъ:
„Али врагъ-де говоритъ въ тебѣ,
Али говоритъ нечистый духъ!“
Соходилъ съ Ѳаворъ-горы на полъ-пути,
Ѣдетъ со дружиною во Ерусòлимъ градъ.
Пріѣзжалъ во Ерусòлимъ градъ,
Заходилъ во церковь во соборную,
Отслужилъ обѣдню тутъ за здравье матушки
И за самого себя, Василія,
Отслужилъ обѣдню съ панихидою
По своемъ по рòдномъ батюшкѣ,
По всему по роду-племени;
На другой день отслужилъ обѣдни со молебнами
Про удàлыхъ-добрыхъ мòлодцевъ,
Чтò имъ съ молоду-то бито, граблено;
И дарилъ поповъ и дьяконовъ,
Одѣлялъ всѣхъ старцевъ богорадныихъ
Золотой казною, не считаючи.
Походилъ тогда съ дружиною

Во Ердань-рѣкѣ купатися.
Вся-то братія купается въ рубашечкахъ,
А Василій окунается нагимъ тѣломъ.
Проходила женщина да престарѣлая,
Говорила таковы слова:
„Ай, Василій сынъ Буслаевичъ!
Что купаешься нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ?
Вѣдь нагимъ тѣломъ крестился самъ Іисусъ Христосъ!
А и потерять вамъ, добры молодцы,
Братца большаго, Василія Буслаева!“
Говорятъ въ отвѣтъ ей добры молодцы:
„А не вѣруетъ Василій нашъ ни въ сонъ, ни въ чохъ.“
Самому Василью стосковалось тутъ;
Говоритъ дружинушкѣ хороброей:
„Гой еси, моя дружинушка хоробрая!
Были мы намедни на Ѳаворъ-горѣ,
Уходя-то съ костью разбранилися,
Разбранились съ костью, не простилися.
Ужь заѣдемъ-ка на матушку Ѳаворъ-гору
Попроститься съ костью, помиритися.“
Сѣли на червлёнъ корабль, поѣхали;
Заѣзжали на Ѳаворъ-гору.
А и гдѣ лежала человѣчья кость,
Увидали камень превеликій тутъ,
Превеликій бѣлъ-горючъ камень:
Въ долину сажень печатная,
Въ вышину три сажени печатныя,
Поперегъ же только топоромъ подать,
А на самомъ камнѣ подпись да подписана:
„Кто у камня станетъ тѣшиться,
Тѣшиться да забавлятися,
Камень вдоль да перескакивать—
Тому буйну голову сломить.“
Разгорѣлось сердце молодецкое,
Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Ужь давайте-ка вы, братцы, тѣшиться,
Тѣшиться да забавлятися:
Вы скачите поперёгъ камня,
Поперёгъ камня да напередъ лицомъ,
Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ.“
Какъ тутъ вся дружинушка хоробрая
Стала тѣшиться и забавлятися,

Поперёгъ камня скакать со ратовьемъ.
Самъ Василій разбѣжался, вдоль камня скочилъ,
Вдоль камня скочилъ назадъ лицомъ—
И задѣлъ за камень чоботомъ сафьяныимъ,
О сыру землю головушкой ударился,
А и тутъ же ли кончаться сталъ.
Умирая, братіи наказывалъ:
„Вы скажите, братцы, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ,
Что женился на томъ бѣлъ-горючемъ камешкѣ.“
Только вымолвилъ, да и преставился.
Какъ тутъ братія, дружинушка хоробрая,
Выкопали яму на полу-горѣ,
Опустили молодца во мать-сыру землю,
Ставили надъ молодцемъ животворящій крестъ,
Сами соходили на червлёнъ карабль,
Подымали тонки парусы камчатные,
Побѣжали къ Нову-городу,
Къ родной матушкѣ Васильевой.
Какъ встрѣчаетъ ихъ тутъ родна матушка:
„А и гдѣ же, молодцы, вашъ большій братъ,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ?“
„А сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ,
А женился на томъ бѣлъ-горючемъ камешкѣ.“
Тутъ-то его матушка расплакалась,
Собрала свое имѣніе-богачество,
Роздала все по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по монастырямъ.
Съ тѣхъ-то поръ Василію славу поютъ,
И во вѣкъ та слава не минуется.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

САДКО ДѢЛАЕТСЯ БОГАТЫМЪ ГОСТЕМЪ.

Какъ во славномъ Новѣ-городѣ
Былъ Садкò, веселый мòлодецъ;
Не имѣлъ онъ золотой казны,
А имѣлъ лишь гýселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садко,
Спотѣшалъ купцовъ, людей посадскіихъ. (105)
Какъ тутъ надъ Садкòмъ случилося,
Цѣлый день ужь не зовутъ Садкà да на почѐстенъ пиръ,
Не зовутъ другой да на почестенъ пиръ,
Не зовутъ и третій на почестенъ пиръ.
Какъ по томъ Садкý соскучилось,
И пошелъ Садкò ко Ильмень-озеру,
И садился да на бѣлъ-горòчъ камень,
Сталъ играть во гуселки яровчаты,
Да игралъ съ утра до вечера.
Какъ тутъ въ озерѣ волна сходилася,
Какъ вода пескомъ да замутилася,
Одолѣлъ Садкà великій страхъ:
Выходилъ со озера Поддонный Царь, (106)
Говорилъ самъ таковы̀ слова:
„Благодарствую тебя, веселый мòлодецъ,
Что спотѣшилъ насъ во озерѣ:
У меня вѣдь столованье да почестенъ пиръ,
Всѣхъ развеселилъ ты мнѣ гостей любезныихъ.
Чѣмъ тебя, не знаю, жаловать:
Аль безсчетной золотой казной?
Ты ступай-ка, молодецъ, во свой во Новгородъ
И ударься о великъ закладъ
Со купцами со новогородскими:
Заложи имъ свою буйну голову,
Съ нихъ же выряжай въ ряду гостиноемъ
Лавочки товара краснаго:
Что-де рыба есть во Ильмень-озерѣ,
Рыба чудная да золоты̀ перья̀.
Какъ ударишь о великъ закладъ,

Поклонися башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
Чтобы дали те три невода
Съ тѣми со людьми работными,
Неводы замётывай во озеро:
Будетъ надъ тобою милость Божія."
Какъ пошелъ Садко̀ отъ Ильмень-озера,
Какъ пришелъ во свой во Новгородъ,
Пòзвали Садка̀ тутъ на почестенъ пиръ
Ко богатому купцу новогородскому.
Стали мòлодца поднаивать,
Стали мòлодцу поднашивать;
Заигралъ Садко̀ во гуселки яровчаты,
Самъ передъ гостями порасхвастался:
„Ай же вы, купцы новогородскіе!
Знаю чудо-чудное я въ Ильмень-озерѣ,
Знаю рыбу—золоты̀ перья̀."
Позаспорились купцы новогородскіе:
„А не можетъ быть во Ильмень-озерѣ
Экой рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты̀ перья̀!"
„Ай же вы, купцы новогородскіе!
Будемъ биться о великъ закладъ:
Заложу я свою буйну голову—
Болѣ заложить мнѣ нечего."
Говорятъ купцы новогородскіе:
„Мы заложимъ во ряду гостиноемъ
Три купца да по три лавочки,
По три лавочки товара краснаго."
Походилъ тутъ скоро мòлодецъ
Къ башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
Приходилъ къ нимъ, низко кланялся,
Говорилъ самъ таково̀ слово:
„Гой еси вы, башлыки новогородскіе!
Дайте-ка вы мнѣ три невода
Съ тѣми со людьми работными,
Рыбы половить во Ильмень-озерѣ:
Я васъ, мòлодцы, за то поблагодарствую!"
Не отказывали башлыки Садку,
Сами шли да со людьми работными.
Выѣзжали мòлодцы во Ильмень-озеро,
Да закинули три невода во озеро:
Первый неводъ къ берегу̀ пришелъ—

Въ немъ была все рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая.
И другой-то неводъ къ берегу̀ пришелъ—
Середь мелкой бѣлой рыбинки
Въ немъ была и рыба красная.
А и третій неводъ къ берегу̀ пришелъ—
Въ немъ была одна ужь рыба красная,
Рыба красная въ три четверти.
И перевозились мо̀лодцы
Съ рыбой ловленою на гостиный дворъ,
Клали рыбу во три погреба,
Запирали каждый погребъ на̀-крѣпко,
Караулы къ каждому приставили.
Благодарствовалъ тутъ башлыковъ Садко:
Отдалъ за труды имъ сто рублей.
Самъ пошелъ да по двору гостиному,
Созывалъ купцовъ новогородскіихъ:
„Ай же вы, купцы новогородскіе!
Вы ступайте-ка да поглядите-ка:
Наловилъ я рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты̀ перья̀.“
А и въ первый погребъ какъ заглянетъ онъ,—
Двери-то насилу о̀тперлись:
Гдѣ лежала рыба мелкая,
Все-то стали деньги дробныя.
Во другой-то погребъ какъ заглянетъ онъ:
Гдѣ была, средь мелкой рыбы, рыба красная,
Середь мелкихъ дробныхъ денежекъ
Очутилися червонцы красные.
Въ третій погребъ какъ заглянетъ онъ:
Гдѣ одна была лишь рыба красная,
Все лежатъ червонцы красные.
Говорятъ купцы новогородскіе:
„А вѣдь правду говорилъ Садко,
Наловилъ онъ рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты̀ перья̀.
Дѣлать-то намъ, братцы, видно, нечего.“
Отдали ему купцы новогородскіе
По три лавочки товара краснаго.
Записался тутъ Садко̀ въ купцы новогородскіе,
Сталъ и самъ теперь купецъ, богатый гость;
Зачалъ торговать тепѐричко

Во своемъ во Новѣ-городѣ,
Зачалъ ѣздить, торговать по всѣмъ мѣстамъ,
По всѣмъ прочимъ городамъ по дальныимъ,
Получать сталъ барыши великіе.
А и взялъ себѣ тутъ молоду̀ жену,
Выстроилъ палаты бѣлокаменны,
Все въ палатушкахъ устроилъ по-небесному:
На̀ небѣ ли красно солнышко—
И въ палатахъ красно солнышко;
На̀ небѣ ли младъ свѣтёлъ мѣсяцъ—
И въ палатахъ младъ свѣтёлъ мѣсяцъ;
На̀ небѣ ли звѣзды частыя—
И въ палатахъ звѣзды частые;
Всѣмъ Садко свои палатушки
Изукрасилъ по небесному.
Заводилъ Садко̀ купецъ, богатый гость,
Столованье тутъ, почѐстенъ пиръ
На купцовъ на всѣхъ новогородскіихъ
Да на тѣхъ людей посадскіихъ,
Настоятелей новогородскіихъ:
На того Луку Зиновьева,
На другаго—на Ѳому Назарьева. ([107])
Какъ теперь-то на честно̀мъ пиру
До̀-сыта всѣ наѣдалися,
До̀-пьяна всѣ напивалися,
Похвальбами похвалялися.
Иной хвастаетъ добры̀мъ конемъ,
Иной—силою-удачею великою,
Иной—славныимъ отечествомъ,
А иной—уда̀лымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой,
А безумный—молодой женой.
И Садко̀ съ хмѣлю̀ захвастался:
„А и гой еси вы, молодцы̀, славны̀ купцы!
Иной хвастаетъ у васъ былицею,
А иной и небылицею;
Чѣмъ-то будетъ мнѣ, Садку̀, теперь похвастати?
У меня ли золота̀ казна не то̀щится,
У меня ли цвѣтно платьице не держится,
У меня дружинушка хоро̀бра не мѣняется.
Коли будетъ чѣмъ Садку̀ похвастати,
Такъ безсчетной золотой казной:

Припасите мнѣ товаровъ въ Новѣ-гòродѣ
На три дня и въ три уповода;
И худые-то товары всѣ и добрые
Выкуплю въ три дня и въ три уповода,
Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,
Ни на малую полушечку;
А коли товаровъ всѣхъ не выкуплю,
Заплачу я вамъ казны сто тысячей."
Какъ тутъ люди да посадскіе,
Настоятели новогородскіе
За тѣ рѣчи принималися,
Сдѣлали имъ записи великія.
Скоро всѣ тутъ съ пиру разъѣзжалися,
Со честнòго разбиралися
По своимъ домамъ да по своимъ мѣстамъ.
А Садкò купецъ, богатый гость,
На другой день всталъ ранѝмъ-рано,
Разбудилъ свою дружинушку хорòбрую,
Дò-люби давалъ имъ золотой казны,
Да спущалъ по улицамъ торговыимъ
Всякіе товары въ Новѣ-городѣ
Закупать цѣной повольною;
Самъ шелъ во гостиный рядъ,
Выкупалъ цѣной повольною
Всѣ товары, и худые-то и добрые,
Не оставилъ вѣдь товару ни на денежку,
Ни на малую полушечку.
И вложилъ Господь желанье въ ретивò сердцо:
Шелъ Садкò, храмъ Божій сòрудилъ
Что во имя ли Стефана Архидьякона,
Кресты-мàковицы золотомъ позòлотилъ,
Всѣ честнѝ иконы изукрашивалъ,
Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
Царски двери вызолачивалъ.
По другой день ходитъ онъ по Нову-городу:
А товару вдвое противъ прежняго
Принавѐзено да принаполнено
На великую на славу Нова-города.
Выкупилъ товары онъ и по другой-то день,
И худые всѣ и добрые,
Не оставилъ ни на денежку,
Ни на малую полушечку.

И вложилъ Господь желанье въ ретивò сердцо:
Шелъ Садкò, храмъ Божій сòрудилъ
Что во имя Софіи Премудрыя,
Кресты-маковицы золотомъ позòлотилъ,
Всѣ честны̀ иконы изукрашивалъ,
Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
Царски двери вызолачивалъ.
Ходитъ онъ по Нову-городу по третій день:
А товару втрое противъ прежняго
Принавезено да принаполнено:
Подоспѣли, знать, товары-то заморскіе
На великую на славу Нова-города. ([108])
Выкупилъ Садкò товары въ половину дня,
И худые-то и добрые,
Не оставилъ ни на денежку,
Ни на малую полушечку,
Много у Садка̀ еще казны осталося;
И вложилъ Господь желанье въ ретивò сердцо:
Шелъ Садкò, храмъ Божій сòрудилъ
Что во имя Николая да Можайскаго,
Кресты-маковицы золотомъ позòлотилъ,
Всѣ честны̀ иконы изукрашивалъ,
Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
Царски двери вызолачивалъ.
А и ходитъ по четвертый дѐнь Садко
По всему по Нову-городу,
Цѣлый день ходилъ до вечера:
Не нашелъ товаровъ въ Новѣ-городѣ
Ни на денежку, на малую полушечку.
Заходилъ Садкò во тёмный рядъ:
Черепаны тутъ стоятъ, гнилы горшки,
Все гнилы горшки одни да битые.
Усмѣхается на то Садко,
Выкупаетъ и гнилы горшки,
Говоритъ самъ таковò слово:
„Пригодятся черепки—дѣтя̀мъ играть,
Поминать Садка̀, гостя богатаго!
Что богатъ не я, Садкò, а Новгородъ
Всякими товарами заморскими:
Черепанами, горшками битыми!“

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

САДКО ВЪ ПОДДОННОМЪ ЦАРСТВѢ.

Какъ по мòрю, морю синему
Тридцать чёрныхъ ([109]) кораблей плывутъ,
А одинъ корабль-то передòмъ летитъ,
Передòмъ летитъ, что̀ бѣлъ кречётъ—
Самого Садка̀, гостя богатаго.
Какъ сходилась тутъ погода сильная,
Всѣ-то кòрабли что̀ соколы̀ летятъ,
А Садкòвъ корабль-то становиться сталъ,
Застоялся середи̇̀ моря.
И волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ—
А корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ:
Воскричитъ Садкò тутъ громкимъ голосомъ:
„Ай же, дружки-братья, корабельщики! ([110])
Вы берите-ка щупы̀ желѣзные,
Щупайте-ка во синёмъ морѣ:
Нѣтъ ли тамъ луды̀ подводныя,
Нѣтъ ли отмели песочныя?“
Они щупали въ синёмъ морѣ;
Не нашли луды̀ подводныя,
Не нашли и отмели песочныя.
Воскричитъ Садкò купецъ, богатый гость:
„Эй вы, дружки-братья, корабельщики!
Вы спускайте въ морѣ мёртвы якори,
Становитесь всѣ по пòряди.“
Опускали въ морѣ мёртвы якори,
Становились всѣ по пòряди,
Собирались на одинъ корабль.
И возгòворитъ Садкò купецъ:
„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Я, Садкò, теперь вѣдь знаю-вѣдаю:
Бѣгаемъ мы пò морю двѣнадцать лѣтъ,
А тому Царю Поддонному
Не платили дани-пошлины,
Никогда ему вѣдь во синё море

Не опускивали хлѣбъ-солѝ:
Вѣрно, пошлины съ насъ требуетъ!
Вы возьмите-ка, мечите во синё море
Бочку-сороковку чиста сѐребра.“
Брали бочку-сороковку чиста сѐребра
И метали во синё море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ.
Говоритъ Садкò купецъ, богатый гость:
„Видно, мало пошлины Царю Поддонному.
Вы возьмите-ка, мечите во синё море
Другу бочку—красна зòлота.“
Брали и метали во синё море
Другу бочку—красна зòлота.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ.
Говоритъ Садкò купецъ, богатый гость:
„Знать, и этой дани мало во синё море,
Вы берите третью бочку—скатна жемчугу
И кидайте во синё море.“
Брали третью бочку—скатна жемчугу
И кидали во синё море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ.
Говоритъ Садкò купецъ, богатый гость:
„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Знать, не дани Царь Поддонный требуетъ:
Требуетъ онъ голову да человѣческу.
Не бранилъ ли кто изъ васъ отца да матери,
Да не клялся ли кто родомъ-племенемъ?
Ужь вы рѣжьте жѐребья повòлжаны,
Всякъ пишись на жеребьѣ поѝменно,
И бросайте во синё море:
Чьи туть жеребья да поверхỳ плывутъ,
Тѣхъ ли душеньки, знать, правыя;
А чьи жеребья ко дну пойдутъ,
Тѣмъ идти къ Царю Поддонному.“ (111)
И забрасывали жеребья поволжаны,
Самъ Садкò закинулъ хмѣлевò перо:

Всѣ-то жеребья ли по верху̀ плывутъ,
Какъ-бы яры гоголи по за̀водямъ;
Одинъ только жеребій ключомъ ко дну—
Хмѣлево̀ перо Садка̀ богатаго.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Это, братцы, жеребья неправильны!
Рѣжьте жеребья ветлянные,
Да которые ко дну пойдутъ,
То ли душеньки, знать, правыя.“
Самъ закидывалъ булатный жеребій,
Синяго булату да заморскаго,
Вѣсомъ жеребій во десять пудъ.
Всѣ-то жеребья ключомъ ко дну,
Одинъ только поверху̀ плыветъ—
Жеребій булатный самого̀ Садка.
И возго̀воритъ Садко̀, богатый гость:
„Знать, бѣда пришла мнѣ неминучая:
Самому Садку̀ идти къ Царю Поддонному!
Ужь вы, дружки-братья, корабельщики,
Принесите-ка мнѣ шубу соболиную.“
Скоро тутъ онъ снаряжается:
И беретъ онъ гу̀селки яровчаты
Съ золотыми струнками звонча̀тыми, (112)
И прощается съ дружиною хоро̀брою,
И прощается съ бѣлы̀мъ свѣтомъ,
Отвезти еще велитъ поклонъ
Молодой женѣ во Новѣ-городѣ.
И спущали сходеньку серебряну,
Что серебряну подъ краснымъ золотомъ;
Походилъ Садко̀, спущался на синё море,
Самъ садился на дощечку на дубовую.
Понесло Садка̀ да по синю̀ морю.
А его дружинушка хоро̀брая
Принимала сходеньку серебряну,
Что серебряну подъ краснымъ золотомъ.
Побѣжалъ корабликъ по синю̀ морю;
Всѣ-то ко̀рабли что̀ соколы̀ летятъ,
А одинъ корабль-то передо̀мъ бѣжитъ,
Передо̀мъ бѣжитъ какъ бѣлъ кречётъ—
Самого Садка̀, гостя богатаго.
Въ тѣ поры̀ молитвами великими
Самого Садка̀, гостя богатаго,

Подымалася погода тихая,
И заснулъ Садко̀ глубокимъ сномъ.
Коротко̀ ли было, долго ли,
Просыпается Садко̀, дивуется:
Очутился во синёмъ морѣ̂, на самомъ днѣ̂;
Передъ нимъ палаты бѣ̂локаменны,
А скрозь воду свѣ̂титъ красно солнышко.
Заходилъ Садко̀ въ палаты бѣ̂локаменны;
А сидитъ тамъ самъ Поддонный Царь
Со своей Царицею Поддонною,
Межъ собою перета̀киваютъ, споруютъ.
Бьетъ челомъ Садко Царю съ Царицею,
Говоритъ самъ таковы̀ слова:
„Ай ты, батюшка Поддонный Царь!
А зачѣ̂мъ меня сюда ты требовалъ?“
Говоритъ ему Поддонный Царь:
„А затѣ̂мъ тебя сюда я требовалъ:
Ты скажи по правдѣ̂, не утай себя,
Что̀ у васъ тамъ, на Руси, дороже есть?
У меня съ Царицей разговоръ идетъ:
Я-то спорю, что дороже красно золото,
А Царица, что желѣ̂зо-де булатное.“
Говоритъ Садко̀ купецъ, богатый гость:
„Ай ты, батюшка Поддонный Царь!
Я скажу по правдѣ̂ вамъ, не утаю себя:
Красно золото у насъ на Ру̀си дорого,
Да булатное желѣ̂зо не дешевле есть;
Вѣ̂дь безъ красна золота-то сколько можно жить,
Безъ желѣ̂зо же булатнаго жить нѐ можно,
Нѐ можно жить никакому званію.“
Говоритъ Царица да Поддонная:
„А не даромъ же я спорила,
Что желѣ̂зо-то булатное дороже есть!“
Не слюбились тѣ̂ слова Царю Поддонному;
Какъ вскочилъ онъ на рѣ̂звы ноги,
Скоро схватитъ саблю острую,
Чуть было̀—и отсѣ̂четъ ей буйну голову...
Поскорѣ̂е ли того Садко
Бралъ свои гусёлышки звонча̀тыя,
Да ударилъ по тѣ̂мъ струнамъ золочёныимъ—
Опускались руки у Царя Поддоннаго,
Выпадала на полъ сабля острая,

„Распотѣшился Поддонный Царь—
А синё море восколебалося,
Тонутъ-гинутъ бусы-кòрабли,
А и многи души безповинныя.“

А и самъ-то распотѣшился,
Сталъ Поддонный Царь скакать-плясать
По палатѣ бѣлокаменной,
Шубой машетъ и полами бьетъ,
Бьетъ полами по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко̀ да ровно три часа.
Какъ тутъ тронуло въ плечо его во правое,
Обернулся за себя̀ Садко:
Позади стоитъ Царица да Поддонная ([113]),
Говоритъ ему да таковы̀ слова:
„Какъ ужь полно те́ играть, Садку,
Рви ты свои струны золочёныя,
И сломай свои гусёлышки звонча̀тыя:
Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ Царь,
А онъ скачетъ по крутымъ кряжамъ,
По крутымъ кряжамъ, по бѐрегамъ;
Распотѣшился Поддонный Царь—
А синё море восколебалося,
Быстры рѣки разливалися,
Тонутъ-гинутъ бусы-ко̀рабли,
А и многи души безповинныя.“
Изорвалъ Садко̀ тутъ струны золочёныя
И сломалъ гусёлышки звончатыя.
Пересталъ Поддонный Царь скакать-плясать:
Улеглося море синее,
И утихли рѣки быстрыя.
Говоритъ Садку̀ Поддонный Царь:
„Распотѣшилъ ты мнѣ душу, мо̀лодецъ,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову!
Чѣмъ бы мнѣ тебя поблагодарствовать?
Не угодно ли жениться те въ синёмъ морѣ
Что на душечкѣ на красной дѣвушкѣ?“
Говоритъ Садко̀ купецъ, богатый гость:
„Надо мною волюшка твоя въ синёмъ морѣ.“
И пошелъ Поддонный Царь по красныхъ дѣвушекъ.
Говоритъ Садку̀ Царица да Поддонная:
„Ай же ты, Садко̀ купецъ, богатый гость!
Какъ начнетъ тебя женить Поддонный Царь,
Приведетъ онъ триста красныхъ дѣвушекъ,
Чтобы выбралъ ты княгинюшку по разуму,—

Перво триста стадо пропусти, смотри,
Не бери себѣ княгинюшки;
И другое триста стадо пропусти, смотри,
Не бери себѣ княгинюшки.
А какъ третье триста стадо пропускать зачнешь—
На концѣ идетъ, увидишь, дѣвица,
Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ: ([114])
Ту проси себѣ въ княгинюшки.
Да смотри, когда поженишься,
Не цѣлуй, не обнимай ее.
Быть тебѣ тогда вѣдь на святой Руси,
Увидать тогда и бѣлый свѣтъ,
Увидать и солнце красное."
Приводилъ Царь триста красныхъ дѣвушекъ,
Приглашалъ Садка̀, купца богатаго,
Выбирать себѣ княгинюшку по разуму.
Перво триста стадо пропустилъ Садко̀:
„Нѣтъ-де мнѣ княгинюшки по разуму."
И другое триста стадо пропустилъ Садко̀:
„Нѣтъ и въ этомъ стадѣ мнѣ княгинюшки."
Какъ тутъ третье триста стадо пропускàть зачалъ—
Увидалъ въ концѣ остатномъ дѣвицу,
Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ.
Бралъ ее себѣ въ княгинюшки по разуму:
„Ай ты, батюшка Поддонный Царь!
Эта мнѣ дѣвѝца полюбилася."
Не отказывалъ ему Поддонный Царь,
Отдавалъ ему дѣвѝцу во княгинюшки;
Заводилъ по нихъ почѐстенъ пиръ,
Столованьице на весь поддонный міръ.
Не забылъ Садко̀ наказа строгаго:
Не обня̀лъ онъ, не поцѣловалъ жены
А какъ послѣ пиру за̀спалъ въ крѣпкій сонъ,
Свои рученьки еще къ груди прижалъ...
Поутру проснулся ото сна̀ Садко—
Увидалъ тутъ бѣлый Божій свѣтъ,
Увидалъ и солнце красное.
Самъ лежитъ-то онъ подъ Новымъ-городомъ
На крутомъ кряжу у Волхъ-рѣки,
Только лѣвой-то ногою во быстрѐй рѣкѣ,
А жены поддонной и во слыху нѣтъ.
И вскочилъ Садко̀ тутъ, испужался онъ,

Оглянулся на родной свой Новгородъ:
Свою церковь, свой приходъ узналъ,
Николая да Можайскаго,
Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
И глядитъ Садко̀ по Волхъ-рѣкѣ:
Отъ того отъ озера отъ Ильменя
Да по славной матушкѣ по Волхъ-рѣкѣ,
Тридцать черныхъ кораблей бѣгутъ,
А одинъ корабль-то передо̀мъ летитъ,
Передо̀мъ летитъ, чт бѣлъ кречётъ—
Самого Садка̀, гостя богатаго.
Какъ увидѣла дружинушка хоро̀брая,
Что стоитъ Садко̀ да на крутомъ кряжу,
Счудова̀лася дружина, сдивова̀лася:
„Поминали мы Садка̀ въ синёмъ морѣ,
А Садко̀ встрѣчаетъ насъ со Болхъ-рѣки,
Очутился впереди насъ въ Новѣ-городѣ.“
Становили корабли на пристани,
Пометали сходни на крутой берёгъ,
Выходили на крутой берёгъ.
И здоровкался Садко̀ съ дружиною:
„Здравствуйте вы, дружки-братья, корабельщики!“
И повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
Взрадова̀лася тутъ молода жена,
И брала Садка̀ за ручки бѣлыя,
Цѣловала во уста саха̀рныя,
Говорила таковы̀ слова:
„Ай же ты, любимая семеюшка!
Полно тебѣ ѣздить по синю̀ морю,
Тосковать мое ретливое сердечушко
По твоей по буйной по головушкѣ:
Много есть у насъ имѣньица-богачества,
И растетъ у насъ вѣдь мало дѣтище.“
А и сталъ Садко̀ тутъ съ кораблей своихъ
Выгружать свое имѣньице,
Сталъ выкатывать несчетну золоту̀ казну—
Во три дни не выгрузилъ, не выкаталъ.
И не сталъ Садко̀ ужь ѣздить на синё море,
Поживать сталъ въ Новѣ-городѣ.
Да тѐперь тому всему славу̀ поютъ.

БЫЛИНЫ

МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ И ПЕТРОВСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ ГРОЗНЫМЪ ЦАРЕМЪ.

Охъ вы, гости, гости званые,
Гости званы, гости браные!
Ужь сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку—
Про царевъ походъ на славный на Казань-городъ?

* * *

Какъ онъ, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
Скоплялъ силушку да ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Сокопивши силу, воевать пошелъ
Подъ то славно царство подъ Казанское.
Не дошедши до Казани города,
Становился батюшка нашъ въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ во заповѣдныихъ;
Подводилъ подкопы подъ Булатъ-рѣку,
Подводилъ и подъ Казанку подъ рѣку,
Бочечки дубовыя закатывалъ
Съ лютымъ зельемъ—чернымъ порохомъ,
Затеплялъ на бочкахъ свѣчи воску яраго.
А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
Грознаго Царя подразниваютъ:
„Какъ не взять тебѣ Казань-городъ ни во сто лѣтъ,
Какъ ни во сто лѣтъ и не во тысячу!“
Воспалилося сердечко государево,
Утопилъ онъ очи во сыру землю:
„Подавай мнѣ пушкарей сюда,

Пушкарей-подкопщиковъ и зажигальщиковъ!“
Призадумались пушкарчики, молчать-стоять;
Только выбрался молоденькій пушкаричекъ:
„Не вели меня, царь-батюшка, казнить-вѣшать,
Прикажи мнѣ слово молвити:
На вѣтру̀-то свѣчи скоро топятся,
Во глухомъ же мѣстѣ долго теплятся...“
Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить—
Догорѣли свѣчи воску яраго,
Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
Раскидало-разметало стѣну каменну,
Побросало въ рѣку всѣхъ татаришекъ.
Привозрàдовался тутъ царь-батюшка,
Приказалъ всѣхъ пушкарей дарить,
Всѣмъ пушкарчикамъ по пятьдесятъ рублей
Одному тому пушкарчику пятьсотъ рублей,
Одному ему пятьсотъ за слово смѣлое,
Да за правду его добрую. ([115])

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

ОГОВОРЪ ЦАРЕВИЧА ПЕРЕДЪ ГРОЗНЫМЪ. ([116])

Прикажи намъ, Боже, старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку, бывалую,
Про того царя про Грознаго,
Про Ивана да Васильевича.

* * *

Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
Становилася звѣзда восточная,
Когда зачиналась каменнà Москва,
Тогда воцарился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
У того царя Ивана да Васильевича

Во палатушкахъ во бѣлокаменныхъ,
На столахъ на бѣлодубовыхъ
Скатерти разостланы да браныя,
Яствушки поставлены сахарныя.
Во большомъ углу сидитъ самъ Грозный царь,
А вокругъ сидятъ его князья да бояре,
Пьютъ они да хлѣба кушаютъ,
Бѣла лебедя да рушаютъ,
Во полу-пиру да порасхвастались:
Сильный хвалится своею силою,
А богатый—золотой казной.
Государь-царь распотѣшился,
Выходилъ изъ-за стола съ-за бѣлодубова,
По палатушкамъ похаживалъ,
Во красно окно поглядывалъ,
Черны кудри частымъ гребешкомъ расчёсывалъ,
Самъ возговорилъ да таковы слова:
„Ой вы, глупые бояре, неразумные!
Чѣмъ вы хвалитесь, перехваляетесь?
Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
А богатство отъ меня пришло.
Ужь какъ мнѣ-то можно похвалитися:
Вынесъ я порфиру изъ Царя-града,
Взялъ Казань-городъ и славну Астрахань,
Вывелъ я туманъ изъ-за синя моря,
Вывелъ я измѣнушку изъ Нова-города,
Вывелъ и изо-Пскова, изъ каменной Москвы!“
Говоритъ Малюта сынъ Скурлатовичъ:
„Ахъ ты гой еси, нашъ родный батюшка,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Вывелъ ты измѣнушку изъ Нова-города,
Вывелъ ты измѣну и изо-Пскова,
Да не вывести тебѣ ее изъ каменной Москвы:
Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
Ѣстъ и пьетъ съ тобою съ одного блюда,
Цвѣтно платье носитъ съ одного плеча.“
За то слово царь спохватится,
На царевича ([117]) самъ злобно озирается:
„А скажи, скажи-ка, въ чемъ измѣна есть?“
Говоритъ злодѣй Малюта сынъ Скурлатовичъ:
„Гдѣ съ тобой мы улицею ѣхали,

Грѣшничковъ все били-вѣшали,
А гдѣ ѣхалъ улицей измѣнщикъ твой,
Грѣшныхъ онъ не билъ, а миловалъ.
Ерлычки давалъ имъ потаенные,
Да велѣлъ виновнымъ укрыватися."
Какъ воскликнетъ тутъ, возгаркнетъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„У меня-ль не стало грозныхъ палачей моихъ?"
Всѣ князья-бояре испужалися,
Изъ палаты разбѣжалися.
Соходились палачи десятками,
Соходилися и сотнями.
„Гой еси вы, грозны палачи мои!
Сослужите-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную и неизмѣнную:
Вы берите-ка царевича да за бѣлы руки,
Распоясайте-ка съ него шелковой поясъ,
Скидывайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте платье черное, опальное,
Отведите самого далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
На то озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, (118)
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Да снесите буйну голову!"
Палачи не знаютъ, какъ отвѣтъ держать:
Большіе за малыми хоронятся,
Малыхъ же за большими и не видать давно.
Выступаетъ тутъ Малюта сынъ Скурлатовичъ,
Говоритъ самъ таковы слова:
„У меня ли не дрогнётъ рука
На роды на ваши царскіе!"
Взялъ царевича да за бѣлы руки,
Распоясалъ съ него шелковой поясъ,
Скидываетъ платье цвѣтное,
Надѣваетъ платье черное, опальное,
И ведетъ его на озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, кровавую.
По сѣнямъ по новымъ, по косящатымъ,
Какъ не красно солнышко катилось по земли—
Проходила то царица благовѣрная,
Молода Настасьюшка Романовна,

„Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
Этимъ кусомъ ты подавишься,
Этимъ пойлицемъ попѐрхнешься!“

Къ своему ко братцу ко любезному
Къ молоду Никитушкѣ Романычу: ([119])
„А и гой еси ты, милый братецъ мой,
Молодой Никита свѣтъ Романовичъ!
Спишь-лежишь ли, опочивъ держишь?
Аль тебѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго—
Не становится у насъ млада царевича,
Твоего любима крестничка!“ ([120])
Много тутъ Никита не выспрашивалъ,
Скоро пометался на широкій дворъ,
Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:
„Эй вы, конюхи мои, приспѣшники!
Вы ведите наскорѣ добра коня,
Что несѣдлана, неузда́на.“
Скоро конюхи металися,
Подводили наскорѣ добра коня.
Сѣлъ Никита на добра коня,
Поскакалъ далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
Шапкой машетъ, головой трясетъ,
Во всю голову кричитъ-реветъ:
„Вы раздайтесь, люди добрые,
Не убейтесь, православные:
За мной дѣло государево!“
Настигаетъ палача онъ во полу-пути,
Не дошелъ до озера кроваваго;
По щекѣ его, злодѣя, бьетъ:
„Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
Этимъ кусомъ ты подавишься,
Этимъ пойлицемъ попѐрхнешься!“ ([121])
Взялъ царевича тутъ за бѣлы руки,
Посадилъ съ собою на добра коня,
И увезъ въ свое село боярское,
Во боярское Романовское.
По утру было ранымъ-ранёхонько,
Ото сна встаетъ царь Грозный—пробуждается,
Сына милаго хватается,
Млада-зѐлена царевича.

Вызнавъ дѣло, рвется-мечется:
„Ой вы, слуги мои вѣрные!
Вы зачѣмъ меня не ўняли,
Попустили дѣло окаянное?“
Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
„Ой ты, батюшка нашъ, Грозный царь,
Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
Не посмѣли мы перечить те,
Убоялись твово гнѣва скораго!“
Отдаетъ тутъ Грозный царь строгой приказъ
По церкзамъ служить молебны частые,
Заводить печальны звоны колокольные,
Надѣвать всѣмъ платье черное,
Собираться во большой соборъ,
Служить панихиду по царевичѣ.
Вотъ ударили къ заутренѣ;
У той церкви у соборныя
Собиралися попы и дьяконы,
Всѣ причетники церковные,
Отпѣвать любимаго царевича.
Вотъ идетъ и батюшка нашъ Грозный царь,
На немъ платье черное нерадошно,
Во правой рукѣ царской костыль;
Богу молится и поклоняется,
Самъ горючими слезами заливается.
А Никита свѣтъ Романовичъ
Нарядился въ платье цвѣтное,
Взялъ съ собой млада царевича
И поставилъ позади дверей,
Позади дверей у права крылоса. (122)
Какъ на шурина тутъ опаляется
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Костылемъ пришилъ его въ праву ногу
Къ половицѣ ко дубовоей:
„Ай же ты, любезный шуринъ мой!
Что въ глаза мнѣ насмѣхаешься,
Надо мною наругаешься?
Аль не свѣдался про горе царское,
Про кручинушку несносную,
Что звѣзда упала поднебесная,
Что свѣча угасла воску яраго?
У меня послѣ заутрени

Всѣмъ боярамъ переборъ пойдетъ,
А тебѣ ли, шуринъ, перва петелька!"
Говоритъ Никита свѣтъ Романовичъ:
„А я, батюшка-царь, все въ отлучкѣ былъ,
Все въ отлучкѣ за охотою,
Ясна сокола поймалъ тебѣ,
Что ни есть лучшаго и ближняго—
Твоего ли сына рòднаго."
Поднебесная звѣзда тутъ высокò взошла,
Свѣча воску яраго затѐплилась—
Выходилъ царевичъ изъ-за крылоса,
Подходилъ ко государю-батюшкѣ.
Бралъ царевича тутъ за бѣлы̀ руки
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Цѣловалъ его въ уста сахàрныя,
Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, любезный шуринъ мой!
Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать теперь?
Али дядюшкой, аль батюшкой?
Али будешь ты мнѣ бòльшій братъ?
Обратилъ мое ты ретивò сердцо,
Взвеселилъ мою ты буйну голову,
Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!
Еще чѣмъ тебя пожаловать?
Аль тебѣ за то полъ-царства дать,
Аль безсчетной золотой казны?"
„Гой еси ты, царь Иванъ Васильевичъ!
Ни полъ-царства мнѣ не надобно, ни золотой казны;
Ты меня пожалуй грамотой Тарханною:
Кто церквѝ ограбитъ, мужика убьетъ,
Кто жену у мужа со двора сведетъ,
Да уйдетъ въ село боярское
Къ молоду Никитѣ ко Романычу—
Не было-бъ ни взыску тамъ, ни выемки." (123)
И пожаловалъ Никитѣ Грозный царь
По той грамотѣ Тарханноей
Новое село боярское,
Чтò теперь село Преображенское,
Тѣмъ по нынѣ ли слыветъ оно и дò вѣку. (124)

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ. ([125])

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казаки, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Гребенскіе и Донскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ ([126]) Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ; ([127])
Стали думать они думушку единую,
Со крѣпка ума, со полна разума.
И возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
„Ужь какъ лѣто-то проходитъ, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ холодная;
Еще гдѣ-то намъ, казакамъ, зимовать будетъ?
Некорыстна у насъ шутка вѣдь зашучена:
Какъ гуляли мы по морюшку по синему,
Какъ стояли на протокѣ да на Ахтубѣ,
Мы убили вѣдь посланничка персидскаго ([128])
Со солдатами его да со матросами,
Животомъ его всѣмъ покорыстались:
Какъ-то будетъ намъ на то отвѣтствовать?
Намъ на Волгѣ жить—такъ все ворами слыть,
На Яикъ идти—такъ переходъ великъ,
Подъ Казань идти—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множество.
Мнѣ ли, Ермаку, тамъ быть повѣшену,
Вамъ ли, казакамъ, быть переловленнымъ
Да по крѣпкимъ тюрьмамъ поразсоженнымъ.
Мы уйдемте-ка въ Усолье, ко тѣмъ Строгоновымъ,
Ко тому Григорью ко Григорьевичу—
Возьмемъ много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго.
А какъ вскроется весна-то красная,
Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ,
Да вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ.“

И ушли они въ Усолье, ко тѣмъ Строгоновымъ,
Взяли много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго,
И пошли по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы зиму зимовати имъ.
И нашли они на Чусовой рѣкѣ
Во крутомъ кряжу пещеру каменну;
Опущалися въ пещеру, убиралися
Что не много и немало—триста молодцевъ.
Хорошо тутъ было зиму зимовати имъ.
Какъ прошла зима холодная,
Наставала весна красная,
Говоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
„Намъ пора ужь, братцы, убиратися,
Убиратися да во походъ идти,
Ужь вы дѣлайте-ка лодочки-коломенки,
Забивайте кочета еловые,
Накладайте весельца сосновыя;
Мы поѣдемъ, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Перейдемте, братцы, тѣ круты кряжи,
Доберемся до того до царства басурманскаго,
Завоюемъ царство то Сибирское,
А царя Кучума во полонъ возьмемъ—
Тѣмъ вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ.
Понадѣлали тутъ лодочекъ-коломенокъ,
Вверхъ пригрянули по Чусовой рѣкѣ,
Во Серебряну вошли, до Жаровля дошли,
До той Баранченской переволоки;
Забрали тутъ лодочки-коломенки,
На себѣ тащили, да надсѣлися—
На пути ихъ и покинули.
Мало время позамѣшкавши,
Увидали Баранчу-рѣку;
Понадѣлали боты сосновые,
Сколотили лодочки-набойницы,
И поплыли внизъ по Баранчѣ-рѣкѣ,
Выплывали на Тагиль-рѣку,
У Медвѣдя-камня становилися;
Жили тутъ съ весны до Троицы,
Промыслами рыбными кормилися.
Въ Троицу ли въ путь опять сбиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ,

Выплывали на Турý-рѣку,
По Турѣ-рѣкѣ поплыли въ Епанчу-рѣку,
И тутъ жили до Петрова дня.
Еще тутъ ли управлялися:
Понадѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было-то у Ермака дружины триста мòлодцевъ,
А ужъ съ тѣми стало больше тысячи.
И поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
И приплыли въ юрты Мяденски;
Полонили тутъ князька татарскаго,
Дабы путь казалъ имъ по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ во Тобольскіихъ
Собирались во единый кругъ,
Стали думать думушку единую:
Какъ-бы имъ приплыть ко той горѣ Тобольскоей?
Верхнимъ устьемъ самъ Ермакъ пошелъ,
Нижнимъ устьемъ ли Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Выплывалъ Асташка на Иртышъ-рѣку,
Подъ ту саму гору подъ Тобольскую.
Загорѣлся тутъ у нихъ великій бой
Со татарами со Котовскими.
Бьютъ татары въ нихъ со той крутой горы,
Стрѣлы какъ-бы частый дождь летятъ,
А казàкамъ взять ихъ нè можно.
Бились день съ утра до вечера;
Прибили татаръ казàки не малò число,
А татары смотрятъ да дивуются,
Каковы-то русски люди крѣпкіе,
Что убить-то ни единаго не могутъ ихъ:
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики (129) налѣплено,
А казàки всѣ живы стоятъ.
Въ тѣ поры Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ
Выходилъ лукою Соуксанскою
Во рѣкý Сибирку, до устья дошелъ,
Полонилъ Кучумъ-царя татарскаго;
Перваго князька-то полонёнаго
Отпустилъ къ татарамъ Котовскимъ,
Чтобы въ дракѣ съ казакàми помирилися:
„Ужь-де вашего царя въ полòнъ взяли
Атаманомъ Ермакомъ да Тимоѳеевымъ.“
То услышавши, татары сокротилися,

И пошли къ нему, ко Ермаку, съ подарками.
Понесли куницъ и соболей сибирскіихъ;
Принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи,
А на мѣсто ихъ Кучумъ-царя
Собанàка утвердилъ татарина.
А и жилъ тамъ съ Покрова Ермакъ
До Николина дня зимняго.
Шилъ тутъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ, теплымъ мѣхомъ вверхъ;
Шилъ и шапки куніи на тотъ-же ладъ.
Поубравшись со своими со казàками,
Отъѣзжалъ Ермакъ во каменнỳ Москву,
Къ Грозному царю съ повинною.
Слѣзъ съ коня тутъ и пѣшкомъ идетъ,
Потихохоньку и почастёхоньку,
За собою всю силỳ ведетъ;
Подходилъ къ палатамъ царскіимъ,
Ко тому крылечку красному.
Было-жь то о самомъ о Христовомъ днѣ,
И изволилъ царь идти съ заутрени.
На колѣни палъ Ермакъ тутъ предъ Грознымъ царемъ,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Ой ты гой еси, надёжа православный царь!
Невели меня казнити, вели рѣчь держать.
Я пришелъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною.
Мы, казàки, вѣдь шаталися-моталися
По чистỳ полю и по синю морю,
По синю морю Хвалынскому,
Разбивали бусы-кòрабли,
Бусы-кòрабли все неорлёные;
Да годилось на протокѣ томъ на Ахтубѣ
Мимо насъ идти послу персидскому
Со солдатами и со матросами,
И хотѣли отъ казàковъ поживитися,
И напали на казàковъ своей волею;
Только имъ казàки спуску не дали.
И посла персидскаго устукали
Со солдатами его и со матросами.
А теперича, надёжа православный царь,
Приношу тебѣ повинную головушку,
Съ головой въ гостинецъ—царство да Сибирское.“
И возгòворитъ надёжа православный царь,

Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Ты лихой казацкій атаманушка!
За твою за службу вѣрную
Я тебѣ прощаю всѣ вины твои,
А и жалую тебѣ я славный тихій Донъ.“ (130)

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ И БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орелъ летитъ по поднѐбесью;
Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зелёные,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютà змѣя воздывалася—
Воздывался собака булатный ножъ;
Упалъ ни нà воду, ни нà землю,
Упалъ царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію:
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ на игрищѣ!
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царитъ же, злодѣй, ровно семь годовъ.
Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли грозный Божій гнѣвъ,
Грозный Божій гнѣвъ за святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднѐбесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ И МАРИНА МНИШЕКЪ.

Ты, Боже мой, Боже, Спасъ милостивый,
Владыко царю Вседержителю!
За что̀ на насъ, Господь-Богъ, прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ-тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Перво̀го прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другаго прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.
Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака женитися:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменно̀й Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклято̀й Литвѣ,
У Юрья пана̀ Стредомірскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешній праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Стали бла̀говѣстить ко заутренѣ
У святаго Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
Бояре идутъ ко заутренѣ,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
Заводитъ законъ по своему:
Идетъ онъ во мыльню-баенку,
Маринка—во умываленку;
Бояре Богу молятся,

А онъ во мыльнѣ моется,
Маринка—во умываленкѣ;
Бояре пошли отъ заутрени,
А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
Маринка—со чистой умываленки;
На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
На ней саянъ въ цѣлу тысячу.
Идетъ у Ивана Великаго,
Вскричитъ тутъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня звонарики?
Звоните въ нàбольшій колоколъ,
Для-ради гостя дальняго,
Гостя дальняго, тестя любимаго.“
Всходитъ на крылечко красное,
Вскричитъ онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня пушкарики?
Свезите снарядъ-пушки зà городъ,
За тѣ ли ворота Серпуховскія:
Завтра у меня пѝръ будетъ
Для-рàди тестя любимаго.“
Вышелъ на крылечко на заднее,
Вскричитъ, взвопитъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня пòвары,
Мои батюшковы приспѣшнички?
Варите ѣству скоромную,
Варите другую—постную,
Скоромну ѣству—гуси-лебеди,
А постну ѣству—рыбу бѣлую:
Завтра у меня пѝръ будетъ
Для-ради тестя любимаго,
Про Юрья панà Стредомірскаго.“
Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честнѝя иконы подъ себя̀ стелетъ,
А чудны кресты подъ пятѝ кладетъ.
Въ тѣ поры бояре домышлялися,
И думные дьяки догадалися,
Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
Ко царицѣ Марѳѣ Матвѣевны: (131)
„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
Царица Марѳа Матвѣевна!
Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,

Твое дитя порожденное,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
Все-то дѣлаетъ не по царскому:
Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честныя иконы подъ себя стелетъ,
А чудны кресты подъ пяты кладетъ."
Царица Марѳа Матвѣевна
Заплакала горючьми слезьми,
Сама говоритъ таковы рѣчи:
„Глупы вы бояре, недогадливы
Вѣстимо Богу и всей земли,
Потеряно дитя мое любимое,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ
На Угличѣ отъ бояръ Годуновыихъ:
Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
У святаго Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
У того ли у Ивана Великаго
За всегда звонятъ во царь-колоколъ,
Соборны попы собираются,
Панихиды совершаютъ во праздники
За память младого царевича,
Царевича Димитрія Ивановича.
А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
Заростилъ себѣ крестъ во бѣлы груди,
И назвался, собака, прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Пріѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою,
Привозитъ наголо саблю острую,
Велитъ называть своимъ сыномъ,
Княземъ Димитріемъ царевичемъ Углицкимъ."
Какъ тутъ бояре догадалися,
И думные дьяки домышлялися;
Выбирали себѣ дьяка думнаго
Того ли Петрушку Басманинова,
Посылаютъ въ палаты во царскія,
Велятъ говорить не съ упадкою:
„А ты помнишь ли, Гришка, памятуешь ли,

Вмѣстѣ грамотѣ съ тобой мы училися
Во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
Ты, Гришка, былъ чернымъ дьякономъ,
А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ?"
Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ
Заглянулъ въ окно косящато:
Обступила сила кругомъ вокругъ,
Несмѣтная сила со копьями.
Беретъ онъ книжку волшебную,
Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
„Подѣлаю крыльица дьявольски,
Улечу теперь я дьяволомъ."
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицевъ—
Навалила вся сила несмѣтная,
Несмѣтная сила со копьями.
Видитъ Гришка бѣду неминучую,
Скоро скочитъ въ окошко косящато—
Да о каменья убился до смерти.
Только-то Гришка царемъ бывалъ,
Только-то Гришка и царствовалъ.
А та душенька Маринка дочь Юрьевна
Обернулась изъ окошка сорокою—
Только-то Маринку и видѣли.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

СМЕРТЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Вы, лѣса-ль мои, лѣсочки, лѣса темные!
Вы, кусты-ль мои, кусточки, кусты частые!
Вы, станы-ль мои, станочки, станы теплые!
Какъ и всѣ мои лѣсочки-то порублены,
Какъ и всѣ мои кусточки-то повыжжены,
Какъ и всѣ мои станочки пораззорены,
Какъ и всѣ мои товарищи половлены,
По злодѣйкамъ крѣпкимъ тюрьмамъ поразсожены,
Рѣзвы ноженьки во кандалахъ заклёпаны,

У воротъ стоятъ все грозны сторожи,
Грозны сторожи все, бравые солдатушки:
Никуда-то добрымъ мòлодцамъ нѣтъ выпуску,
Нѣтъ ни выпуску, ни ходу изъ крѣпкòй тюрьмы.
Только я ли, добрый мòлодецъ, не пойманъ былъ,
По прозванью меня звали Стенька Разинъ сынъ.
Я не годъ гулялъ вѣдь и не двà года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ тутъ ко синю морю,
Ко синю морю да ко Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки ли перевозъ кричалъ:
„Отвезите-ка меня вы, добра мòлодца,
На ту сторону, на бѣлый камешекъ!“
Сталъ на бѣломъ камешкѣ кончатися,
При кончинушкѣ ли сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
„Ахъ вы, милые да сотоварищи!
Вы возьмите-ка свой тùгой лукъ,
Натяните каленù стрѣлу,
Прострѣлите мою бѣлу грудь!
Схороните меня промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Муромской, Владимірской и Кіевской.
Въ праву руку дайте саблю острую,
Въ лѣву руку—каленù стрѣлу,
Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
Во ногахъ поставьте воронà коня.
Кто ни йдетъ, ни ѣдетъ мимо мòлодца,
Всякъ поклонится кресту, помолится:
Что не воръ лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
А лежитъ тутъ Стенька Разинъ сынъ!—“
Приходили сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому, братцы, сдивовàлися,
Стенькѣ Разину всѣ поклонялися:
„Ужь ты встань-ка, сотоварищъ нашъ,
Ты возьми-ка въ руки саблю острую,
Въ лѣву руку каленù стрѣлу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрàмъ по нашимъ по широкіимъ,
Что не выручили со бѣлà камня,
Со бѣлà камня да со Дунай-рѣки,
Со Дунай-рѣки широконькой!“

Погрузили Стеньку Разина
Сотоварищи тутъ во Дунай-рѣку;
Со Дунай-рѣки ли на Амуръ пошли;
У Амуръ-рѣки крута̀ гора,
Что крута̀ гора высокая;
На горѣ той распрощалися,
Всѣ другъ другу поклонялися:
„Ужь мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь по дикимъ мѣстамъ!“

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

АЗОВЪ.(132)

Охъ вы, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Еще съ вечера солдатамъ приказъ ѐтданъ былъ,
Со полу̀ночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу̀ свѣту солдаты во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, да по ружью̀ держатъ.
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Не серебряна саповочка возы̀грала,
Какъ возгѐворитъ самъ батюшка нашъ православный царь:
„Ой вы гой еси, князья да бо̀яре!
Вы придумайте мнѣ думу-думушку:
Еще какъ-то взяти намъ Азо̀въ-городъ?“
Промолчали князья-бо̀яре,
Прослезился самъ нашъ батюшка.
„Ой вы гой еси, мои солдатушки!
Вы придумайте мнѣ думу крѣпкую:
Еще какъ-то взяти намъ Азо̀въ-городъ?“
Какъ не яры пчёлушки шумятъ-гудятъ—
Какъ возговорятъ въ отвѣтъ солдатушки.
„Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудію!“
На восходѣ было красна солнышка,
На закатѣ было свѣтла мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ шли

Подъ тотъ славный подъ Азовъ городъ,
Подъ тѣ стѣны бѣлокаменны,
Да подъ тѣ раскаты подъ высокіе.
Не съ крутыхъ горъ камни покатилися—
Покатилися со стѣнъ татаровья;
Не бѣлы снѣги и въ полѣ забѣлилися—
Забѣлились груди басурманскія;
Да не съ дождичка ручьи вкругъ разливалися—
Разливалась кровь поганая.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

ПЛАЧЪ ВОЙСКА ПО ПЕТРѢ.(133)

Ахъ ты, батюшка свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что̀ ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Не во всю̀ землю святорусскую,
Что со вечера не до полу̀ночи,
Со полу̀ночи не до бѣла̀ свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?
Какъ у на̀съ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Признобилъ онъ рѣзвы ноженьки
Что по самые сапоженьки,
Бѣлы рученьки по самы ко̀стыньки.
Стоючѝ, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что̀ рѣка̀ льется,
Возрыдаетъ, что̀ ключи шумятъ,
Самъ штыкомъ-то бьетъ объ мать сыру̀ землю:
„Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите снѣги бѣлые,

Своротите бѣлъ-горючъ камень!
Разступися мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнися, золота парча!
Встань-проснися, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Что на гвардію да на всю армію.
Всѣ полки ужь во строю стоятъ,
Всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А и прапорщики подъ знамёнами:
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго."

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

О ДОБРОМЪ МОЛОДЦѢ И РѢКѢ СМОРОДИНѢ. (134)

Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѐревца,
Откатилося яблочко
Отъ садовой отъ яблоньки:
Отъѣзжалъ добрый мо̀лодецъ
Отъ родимой отъ матери
Въ чужедальнюю сторону
За рѣку̀ за Смородину.
Подъѣзжалъ добрый молодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Понизѐнько ей кланялся,
Молвилъ ласковымъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
Широкѝмъ не широкая,
Глубокѝмъ да глубокая!
Ты скажи-ка мнѣ, рѣченька,
Есть ли гдѣ на тебѣ, рѣкѣ,
Перебродьі конинные,
Переходьі да частые?“
И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
„Гой еси, добрый молодецъ!
Есть на мнѣ, на быстрѝй рѣкѣ,
Перебродьі конинные,
Переходьі да частые;

Есть на мнѣ, на рѣкѣ, еще
Два мосточка калиновыхъ,
Да отселѣ во дàлече,
Далекò во чистòмъ полѣ.“
И возгòворитъ молодецъ:
„Гой еси, мать быстрà рѣка!
А и что же ты, рѣченька,
Съ перевозу возьмешь съ меня?“
Отвѣчаетъ быстрà рѣка
Душой красною дѣвицей:
„Я скажу тебѣ, молодецъ,
Чтò беру съ перевозу съ васъ:
Съ переброду конинаго—
По сѣдельцу черкасскому,
Съ переходу со частаго—
По коню по наступчату,
Со мосточку калинова—
По удàлому молодцу.
Но тебя, добрый молодецъ,
За слова твои ласковы,
За поклоны за низкіе,
Я и такъ, безъ всего, пущу.“
Переѣхавши, молодецъ
Сталъ своимъ глупымъ разумомъ
Предъ рѣкой похвалятися,
Надъ рѣкой насмѣхатися:
„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
А и какъ тебя славили,
Говорили: быстрà, грозна,
Широкимъ-то широкая,
Глубокимъ-то глубокая;
Не пройти рѣку пѣшему,
Не проѣхати конному.
А теперь рѣка славная
Хуже всякаго озера—
Чтò болото стоячее,
Будто лужа дождёвая.“
И кричитъ въ сугонь молодцу
Быстра рѣчка Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Воротись, добрый молодецъ
За меня, за быструю рѣку,
Позабылъ ты за мной, рѣкой,
Двухъ надѣйныхъ товарищей:
Позабылъ два острà ножа,
Два ножа да булатные—
На чужой сторонѣ тебѣ
Оборона великая.“
Воротился тутъ молодецъ
За ножами булатными—
За рѣку за Смородину
Ни пройти, ни проѣхати.
Не нашелъ добрый молодецъ
Переброду конинаго,
Переходу да частаго,
Ни мосточку калинова,
Заѣзжалъ прямо молодецъ
Во глубокіе омуты.
Какъ на перву ступень ступилъ—
Конъ увязнулъ по черево,
На другую ступень ступилъ—
По сѣдельце черкасское,
А на третью ступень ступилъ—
Уже гривы не видѣти...
Утонулъ добрый молодецъ
Во рѣкѣ во Смородинѣ,
Выплывалъ его добрый конь
Ко крутому ко берегу,
Прибѣгалъ его добрый конь
Ко родной его матери.
Увидала родимая—
Залилась горючьмѝ слезьми,
Шла къ рѣкѣ ко Смородинѣ,
Говорила быстрой рѣкѣ:
„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
Потопила ты сына мнѣ,
Мила сына, единаго.“
И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ быстрà рѣка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Ай же ты, баба старая,
Стара баба, матёрая!
Потопила не я его—
Похвальба молодецкая.“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

ТАТАРСКІЙ ПОЛОНЪ. (135)

У колодеза у холоднаго,
Что у ключика у гремучаго,
Красна дѣвушка воду черпала.
Какъ наѣхали злы татàровья,
Полонили красну дѣвушку,
Полоня, ее замужъ выдали
За младого за татарченка.
И прошло тому ровно трѝ года,
Полонили они старую женщину.
Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ—
Злой татарченокъ полòнъ дѣлитъ:
Теща зятюшкѣ досталася.
Онъ привезъ ее на дикýю степь,
На дикýю степь къ молодой женѣ:
„Еще вотъ тебѣ, молодà жена,
Вѣковѣчная работница,
Нашимъ дѣткамъ нянька-мамушка.
Ты заставь ее дѣлать трѝ дѣла:
Перво дѣло-то—кудельку прясть,
Друго дѣло-то—гусей пасти,
Третье дѣло-то—дитю качать.“
Стала дѣлать теща трѝ дѣла:
Руками-то кудельку прясть,
Глазами-то гусей пасти,
Ногами-то дитю качать,
Дитю качать, прибаюкивать:
„Ты баю-баю, мое дитятко,
Ты люлю-люлю, мое милое!

Ужь какъ бить тебя—мнѣ грѣхъ будетъ,
Какъ бранить тебя—мнѣ жаль будетъ,
А роднёй назвать—той вѣры нѣтъ.
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—милъ внучёночекъ."
Какъ стучитъ-бренчитъ, по сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ дочь родная,
Къ ней упала во рѣзвы ноги:
„Охъ ты, матушка сударыня!
Что давно ты мнѣ не скажешься?
Брось кудель-то прясть—дай спутаться;
Брось гусей пасти—дай орламъ таскать;
Брось дитю качать—дай наплакаться.
Ты снимай-ка шубу кожурйную,
Надѣвай-ка шубу соболиную;
Ты бери себѣ золотой казны,
Золотой казны сколько надобно:
Ты ступай на конюшню мужнюю,
Выбирай себѣ коня лучшаго,
Поѣзжай назадъ на святую Русь,
На святую Русь на волю вольную."
„Ты дитя ли мое, дитя милое!
Не сниму я шубу кожурйную,
Не возьму себѣ золотой казны,
Не поѣду на святую Русь:
Какъ связала съ тобой неволюшка—
И во вѣкъ я съ тобой не разстануся!"

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

О ГОРЮШКѢ. ([136])

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося ты, Горе, отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка да изъ подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка да съ подъ ракитова.
Во лаптишечки ты, Горе, пообулося,
Въ рогозиночки ты, Горе, понадѣлося,
Понадѣлося, лычинкой подпоясалось,—
Приставало Горе къ добру молодцу.
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ горя во чисто поле,
Во чисто поле да сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и тенета несетъ,
Тенета несетъ шелковыя:
„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ Горя во быструю рѣку,
Во быструю рѣку да рыбой-щукою.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и невода несетъ,
Невода несетъ шелковые:
„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ Горя во огнёвушку,
Во огнёвушку до во постелюшку.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ да во ногахъ сидитъ:
„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ Горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски да во могилушку,
Во могилушку да во сыру землю.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ да со лопаткою,

Молодецъ отъ Горя въ гробовы доски,
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ:
„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Со лопаткою да со телѣжкою:
„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы добрый молодецъ!“
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Позарыло Горе во могилушку,
Во могилушку, во мать сырỳ землю.
Тутъ ли молодцу вѣдь и славỳ поютъ.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

«УЖЪ КАКЪ ПАЛЪ ТУМАНЪ НА СИНЕ МОРЕ...»

Ужъ какъ палъ туманъ на синё море,
А злодѣй-тоска въ ретивò сердце;
Не сходить туману съ синя̀ моря,
Да не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистòмъ полѣ—
Курѝтся огонёчекъ малёшенекъ.
Посланъ возлѣ огонёчка шелковòй коверъ,
А на коврикѣ лежитъ добрый мòлодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь горючую.
Подлѣ мòлодца стоитъ его добрый конь;
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сырỳ землю,
Будто слово хочетъ вымолвить хозяину:
„Ты вставай, вставай-ка, добрый молодецъ!
Ты садись-ка на меня, своего слугу,
Отвезу я тебя на святую Русь,
Къ отцу-матери, къ роду-племени,
Къ роду племени, къ молодой женѣ!“
Какъ вздохнетъ тутъ добрый молодецъ—
Подымалась у удалаго крѣпка грудь,
Опустились у него руки бѣлыя,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая,
И промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты бѣги-ка, мой конь, на святую Русь,
Отцу-матери скажи челобитьице,

Роду-племени скажи по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажи волюшку:
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое:
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена̀ стрѣла.
Да еще ли одинъ скажи поклонъ:
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице.
Мнѣ не столько жаль вѣдь роду-племени,
И не столько жаль молодой жены,
Сколько жаль моихъ малыхъ дѣтушекъ:
Остались дѣтушки малёшеньки,
Малёшеньки дѣтушки, глупёшеньки,
Натерпятся холода и голода!“

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ БЫЛИНАМЪ.

1. (Стран. 3). «Леванидовъ чудный крестъ» есть крестъ, взятый Владиміромъ Святымъ изъ Корсуня (греческаго Херсонеса въ Крыму), послѣ принятія тамъ св. крещенія, и водруженный потомъ въ Кіевѣ на лугахъ, получившихъ отъ креста названіе «луговъ Леванидовыхъ». Самый крестъ названъ Леванидовымъ, вѣроятно, по епископу Левонтію. У креста Леванидова обыкновенно «братаются» богатыри, и отъ него же начинаются ихъ богатырскія поѣздки. Затѣмъ онъ оказывается вообще повсюду, гдѣ начинается какое-нибудь знаменательное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ — у истока Волги.

2. (Стрн. 3). «Бѣлый горючій камень Ла̀тырь» (отъ греческаго электронъ), «Латырь-камень», «бѣлый горючій камень» или просто «горючій камень» есть янтарь, который, обладая, по повѣрью народному, большими цѣлебными и вообще чародѣйными свойствами, служитъ, какъ крестъ Леванидовъ, но еще чаще его, мѣстомъ отправленія богатырей на разнаго рода подвиги, и лежитъ обыкновенно на перекресткахъ трехъ дорогъ. Балтійское море, побережье котораго особенно изобилуетъ янтаремъ, называется по немъ Латырь-моремъ:

«Ахъ Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,
А Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ.»

(Изъ «Голубиной Книги.»)

Впрочемъ, янтарь, какъ показали недавнія раскопки, встрѣчается и около Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, иногда кусками до двухъ фунтовъ вѣсомъ.

3. (Стрн. 4). Слово «богатырь» нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, въ виду того, что богатыри, по представленію народному,—существа съ высшими божественными качествами, полубоги. По мнѣнію другихъ, оно выработалось изъ древняго буйтуръ (прозвище, между прочимъ, князя Всеволода

Святославича въ «Словѣ о полку Игоревѣ»), составленнаго изъ словъ буй (дикій) и туръ (зубръ, волъ). Полубогами-титанами по-преимуществу являются богатыри до-владимірской эпохи, такъ-называемые «старшіе» богатыри—исполинскіе миѳическіе представители прежней стихійной кочевой жизни, борющіеся не столько съ людьми, сколько съ непокорными силами природы, тогда какъ «младшіе» богатыри, которые тѣломъ меньше и слабѣе старшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и человѣчнѣе ихъ, осѣдло группируясь около кіевскаго князя Владиміра, служатъ опоэтизированными типами сложившейся русской общины. Главнѣйшіе изъ «старшихъ» богатырей: Вольга Всеславьевичъ, Микула Селяниновичъ и Святогоръ; кромѣ нихъ, встрѣчаются въ былинахъ: Самсонъ (отъ ветхозавѣтнаго Самсона «съ семью власами ангельскими на головѣ») Самойловичъ, Суханъ или Сухманъ (суш-манъ, изсушаемый, изсыхающій) Домантьевичъ (христіянское Дементьевичъ—передѣлка изъ первоначальнаго миѳическаго Одихмантьевичъ), Полканъ (полуконь), Колыванъ (образъ котораго совершенно неопредѣленный) и проч. Принадлежность «старшихъ» богатырей къ кореннымъ русскимъ героямъ поставлена новѣйшими изслѣдователями въ нѣкоторое сомнѣніе въ виду того, что въ побывальщинѣ объ «Аникѣ-воинѣ», заимствованной, какъ надо полагать, изъ Византіи (см. прим. 52), упоминаются старшіе богатыри: Святогоръ, Самсонъ, Колыванъ; причемъ два случая изъ жизни Святогора: о кольцѣ, которымъ этотъ богатырь хвалится притянуть небо къ землѣ и повернуть самую землю «краемъ вверхъ», и о «сумочкѣ переметной», въ которой вся «тяга земная» (см. кіевскую былину XII),—цѣликомъ вошли и въ разсказъ объ Аникѣ. Мы съ своей стороны полагали бы возможнымъ помирить новое мнѣніе съ прежнимъ. Въ болгарскомъ сказаніи о Маркѣ Кралевичѣ повторяются, съ нѣкоторой варіяціей, тѣ-же два случая. Постоянное мѣстопребываніе Святогора — Святыя горы (вѣроятно, Карпаты), откуда онъ не смѣетъ спуститься, такъ какъ его «не носитъ земля», одинаково почти близко къ древнему Кіеву и къ Болгаріи, и Святогоръ могъ оказаться, такимъ образомъ, одновременно и русскимъ и болгарскимъ героемъ. Съ кіевскою же Русью его особенно сроднилъ коренной русскій богатырь Илья Муромецъ, которому онъ, умирая, передалъ всю свою силу (см. кіевскую былину XIV). Затѣмъ, по нашему мнѣнію, скорѣе въ сомнительную побывальщину объ Аникѣ-воинѣ перенесены рапсодами сказанные два случая изъ жизни Святогора, чѣмъ наоборотъ. Противъ «подлинности» двухъ другихъ главныхъ «старшихъ» богатырей, Вольги и Микулы, не было высказываемо сколько-нибудь серьёзныхъ возраженій. Кстати, впрочемъ, не безъинтереснымъ находимъ упомянуть, что возбуждалось и такое мнѣніе, не нашедшее однако отголоска, будто даже вся вообще наша былевая поэзія древне-кіевская и древне-новгородская есть не болѣе, какъ повтореніе разныхъ восточныхъ поэмъ и монголо-тюркскихъ и татарскихъ пѣсень.

4. (Стрн. 4). «Поленицы» или «поляницы» (отъ полевать, поляковать), обыкновенно дочери «старшихъ» богатырей (наприм. Микулы Селяниновича),—амазонки древней Руси, дѣвицами «полюютъ» въ чистомъ полѣ и силой, ловкостью, удалью превосходятъ часто богатырей. Выйдя же замужъ, онѣ дѣлаются самыми преданными, любящими женами и только въ исключительныхъ случаяхъ проявляютъ еще свои богатырскія наклонности (какъ Василиса Микулична). Рыская на конѣ за приключеніями, участвуя въ княжескихъ пиршествахъ, играя въ шашки-шахматы, даже сватаясь лично за богатырей, поленицы пользуются полною равноправностью съ мужчинами, которая, такимъ образомъ, народомъ нашимъ уже въ древности охотно предоставлялась женщинѣ, если она умѣла постоять за себя.

5. (Стран. 4). Добрыня Никитичъ, какъ показываетъ самое имя его — олицетвореніе мягкосердія богатырскаго: при большой тѣлесной силѣ, онъ, безъ крайней необходимости, и мухи не обидитъ, но для защиты сиротъ, вдовъ и «безсчастныхъ» женъ, самъ домовитый семьянинъ, готовъ драться до послѣдней капли крови. Его кротость доходитъ иногда даже до робости (см. былину объ «Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ»). Сынъ боярина Никиты Романовича, онъ своимъ «вѣжествомъ», «уговоромъ», «смиреньицемъ» вполнѣ оправдываетъ свое боярское происхожденіе; а ко всему этому, онъ и артистъ въ душѣ: мастеръ пѣть и играть на модномъ инструментѣ— гусляхъ. Нѣкоторыми рапсодами Добрыня называется племянникомъ князя Владиміра, т.-е. родственникомъ его, меньшимъ лѣтами. У Нестора же имя «Добрыня» носитъ дядя Владиміра Святаго, дававшій ему мудрые совѣты. Вѣчная юность красавца-боярина выражается краснорѣчиво въ его постоянномъ прозвищѣ «младъ», которое, для усиленія, иногда даже удваивается: «молодой Добрынюшка Никитичъ младъ».

6. (Стран. 5). Старшій богатырь Вольга̀ Всеславьевичъ — титанъ-охотникъ и воинъ, изучившій, для порабощенія всей одушевленной природы (звѣрей, птицъ, рыбъ и людей), всѣ хитрости-мудрости, заключающіяся главнымъ образомъ въ оборотничествѣ, т.-е. въ способности принимать образъ разныхъ животныхъ. Имя его «Вольга̀» или «Волхъ» происходитъ отъ одного корня съ словомъ волхвъ — кудесникъ, жрецъ, занимающійся волхвованіемъ. Отъ Волха же производятъ названіе рѣки Волхова. Почти нѣтъ сомнѣнія, что въ полубога Вольгу̀ былевымъ творчествомъ преображенъ историческій Олегъ, который, по славѣ всевѣдѣнія, вѣдовства и въ Несторовой Лѣтописи называется Вѣщимъ. Не безъинтересно указать здѣсь на другаго богатыря-оборотня—князя Игоря въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: совершая побѣгъ свой изъ земли половецкой, Игорь, чтобъ отвести глаза врагамъ, оборачивается попеременно то въ горностая, то въ гоголя, то въ волка, то въ сокола. Отчество Вольгѝ «Всеславьевичъ» или «Святославичъ» заимствовано рапсодами отъ брата Владиміра Святаго— Олега Святославича.

7. (Стрн. 9). Вмѣсто «индейскаго» царя «Салтыка Ставрульевича» и царицы его «Азвяковны» (Узбековна), въ нѣкоторыхъ варіянтахъ выступаютъ «турецкій» царь «Турецъ-Санталъ» съ царицей «Панталовной». Походъ Вольги съ его дружиной въ «индейское» (или турецкое) царство есть, вѣроятно, набѣгъ Олега на Царь-градъ въ 906 году.

8. (Стрн. 12). Ближайшіе приближенные князя Владиміра — «князья-бояре» не играютъ въ былинахъ почти никакой роли, какъ въ драмѣ «лица безъ рѣчей». Изъ дѣтей боярскихъ — «боярченковъ» набирается придворный штатъ князя: «стольники», «чашники», «кравчіе» и т. д., въ число которыхъ поступаютъ, впрочемъ, и богатыри, какъ, напр., Добрыня Никитичъ (по происхожденію своему бояринъ) и Чурила Плёнковичъ. Изъ князей и бояръ въ былинахъ называются поименно только Блудъ (у Нестора подъ 980 годомъ), Часъ, Путята (отецъ Забавы Путятичны, племянницы Владиміра) и Бермята Васильевичъ, иначе Пермята, Перминъ или Пермилъ (происхожденіемъ, вѣроятно, изъ Перми). Послѣдній, съ прозвищемъ «старый», служитъ князю, такъ-сказать, ходячимъ архивомъ, дающимъ во всякое время необходимыя справки о предметахъ, никому другому неизвѣстныхъ.

9. (Стран. 13). Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева называются обыкновенно «ордами», а на западъ «землями» или «Литвами». Въ ордахъ царствуютъ «цари» съ «царевичами» и «царевнами», въ земляхъ и Литвахъ «короли» съ «королевичами» и «королевнами» («королевичнами»).

10. Стрн. 13). Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична есть, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь половецкаго князя Рогволода, отказывавшаяся сначала отъ замужества съ княземъ Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ея Рогволода.

11. (Стрн. 14). Дунай Ивановичъ относится нѣкоторыми къ числу «старшихъ» богатырей (см. прим. 3), такъ какъ, обратившись, умирая, въ старшую рѣку славянъ Дунай, онъ какъ-бы возвращаетъ природѣ ея стихійную силу и самъ дѣлается олицетвореніемъ всѣхъ рѣкъ вообще, такъ что съ теченіемъ времени въ устахъ народа обратился даже въ нарицательное имя: «за рѣками, за дунаями». Прозвище «тихій», принадлежащее рѣкѣ Дунаю у всѣхъ славянъ, присвоено въ былинахъ и богатырю Дунаю Ивановичу.

12. (Стран. 23). Въ нѣкоторыхъ пересказахъ этой былины, вмѣсто «Дуная Ивановича» и «Настасьи королевичны», поставлены «Донъ Ивановичъ» и «Нѣпра̀ (Днѣпра̀, Днѣпръ) королевична».

13. (Стрн. 27). Былина объ «Алешѣ Поповичѣ» въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ много общаго съ былиною объ «Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ»: тамъ и здѣсь русскій богатырь, готовясь на бой съ чудовищемъ-врагомъ, маскируется каликой

перехожею, чтобы не быть узнаннымъ; тамъ и здѣсь роковое столкновеніе вызывается обжорствомъ чудовища, причемъ и самое глумленіе русскаго богатыря надъ «обжорищемъ» выражается въ одномъ и томъ-же наивно-остроумномъ сравненіи (съ собакой и коровой, «треснувшими» отъ обжорства). Съ другой стороны, всѣ мелкія подробности этихъ былинъ и всѣ пріемы каждаго изъ двухъ богатырей: лукаваго Алеши и прямодушно-грубаго Ильи, настолько различны и соотвѣтствуютъ характерамъ того и другаго, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ самостоятельности обоихъ разсказовъ. Остается принять, что въ нихъ описываются два отдѣльныя, но весьма схожія событія, безсознательно вылитыя народнымъ творчествомъ, по ихъ тождественности, въ одну и ту-же поэтическую форму. Всѣ мнѣнія нашихъ ученыхъ сходятся на томъ, что въ убіеніи Ильею великаго и страшнаго Идолища слѣдуетъ видѣть уничтоженіе при Владимірѣ идолопоклонства на Руси. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, былину объ «Алешѣ Поповичѣ» съ былиною объ «Ильѣ и Идолищѣ», мы не могли не остановиться на мысли, что и въ первой изъ нихъ врагомъ русскаго богатыря является языческій идолъ: первоначальныя попытки введенія въ языческой Руси христіянства весьма естественно должны были исходить отъ христіянскаго духовенства, нашедшаго къ намъ доступъ еще при Св. Ольгѣ, принявшей христіянство; и вотъ миссія изверженія идоловъ возлагается въ былевомъ эпосѣ, прежде всего, на богатыря изъ «богомольной стороны»—города Ростова, на сына стараго попа соборнаго (вѣроятно епископа) Леонтія—Алешу Поповича. Первый бой его съ идоломъ происходитъ еще по пути къ стольному Кіеву; причемъ, какъ-бы для зачуранія себя отъ нечистой силы онъ заимствуетъ у богомольнаго странника его посохъ и весь, каличій нарядъ. Преодолѣвъ врага посредствомъ уловки и отрубивъ ему голову, богатырь пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Но здѣсь идолопоклонство еще въ силѣ, и только-что пораженный идолъ торжественно воздвигаютъ вновь и чествуютъ обильными жертвами: онъ съѣдаетъ по цѣлой ковригѣ «монастырской», проглатываетъ заразъ бѣлую лебедь, «охлёстываетъ» духомъ чары зелена̀ вина въ полтора ведра. Алеша Поповичъ, насмѣявшись надъ чудовищемъ, вызываетъ его на новый бой: весь дворъ княжескій, весь народъ и даже заѣзжіе купцы держатъ поруки за идола; одинъ владыка черниговскій ручается за торжество христіянства. И въ этотъ разъ, благодаря своей хитрости, Алешѣ удается справиться съ сильнымъ врагомъ. Но окончательно уничтожить «Идо̀лище» со всей его «силой невѣрной» суждено только богатырю-крестьянину Ильѣ Муромцу.

14. (Стрн. 27). Алешѣ Поповичу, подобно Добрынѣ, хотя и нѣсколько рѣже, присвоивается прозвище «младъ». Онъ изъ всѣхъ богатырей наименѣе любимъ народомъ, что̀ высказывается какъ въ изображеніи съ видимымъ удовольствіемъ и обстоятельностью комическихъ положеній въ его жизни и въ презрительной

кличкѣ «Алешка», такъ и въ томъ, что единственная былина, которой онъ является героемъ—настоящая былина о борьбѣ его съ Тугариномъ Змѣевичемъ—имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ (у Кирши Данилова); память народная, точно нарочно, утратила воспоминаніе о главномъ подвигѣ этого несимпатическаго богатыря. Наши современные собиратели успѣли розыскать только три отрывка этой былины.

15. (Стрн. 28). Каликами перехожими, одними изъ древнихъ пѣвцовъ былинъ, внесено въ былины много именъ изъ священнаго писанія. Такъ «Сафатъ-рѣка» получила свое названіе отъ ветхозавѣтной долины Іосафата. Въ настоящей былинѣ, воспѣвающей, какъ сказано, первое торжество христіянства надъ язычествомъ, перенесеніе дѣйствія на библейскую почву очень естественно.

16. (Стрн. 28). «Калики перехожіе», по своему названію хотя и близки къ нищимъ-калѣкамъ нашего времени, но общаго съ ними имѣютъ только хожденіе съ мѣста на мѣсто и прошеніе милостыни. Они, въ своемъ родѣ, также богатыри, но, подобно богатырямъ «старшимъ», богатыри кочевой, до-владимірской эпохи: шуба на нихъ соболиная, лапти семи шелковъ, шитые серебромъ и золотомъ, сумка рытаго бархату; гуня въ тридцать пудъ, шляпа въ девять пудъ, посохъ въ сорокъ пудъ; подъ шагами ихъ мать-земля подгибается; а «зычный» голосъ ихъ дѣйствуетъ пуще грому небеснаго:

«Становилися калики во единый кругъ,
Клюки-посохи въ сыру̀ землю потыкали,
Сумочки на посохи навѣсили,
Сумочки-то рыта бархату,
Попросили милостыньки, золотòй гривны,
Крикнули всѣ вмѣстѣ зычнымъ голосомъ:
Отъ тѣхъ пòкриковъ отъ богатырскіихъ
Да отъ голосовъ отъ молодецкіихъ
Дрогнетъ матушка сырà земля,
Со деревъ охлопья да посыпались,
Съ теремовъ верхи да повалилися,
Въ горенкахъ оконницы разсыпались,
Въ погребахъ напитки всколыбалися,
Конь подъ княземъ окарàчился,
А богàтыри съ коней попàдали.»

(Непомѣщенная здѣсь былина о «Сорока каликахъ»).

Это—послѣдніе могиканы былой кочевой жизни, выговорившіе себѣ дальнѣйшее существованіе обѣтомъ странствовать ко святымъ мѣстамъ и распространять въ народѣ духовные стихи, а также поэтическія повѣствованія о сѣдой старинѣ. Силы въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ истыхъ богатыряхъ, которые поэтому зачастую и вооружаются каличьей клюкою или шелепугою; по смѣлости въ нихъ нѣтъ уже и «въ полъ-богатыря».

17. (Стрн. 29). Имя «Тугаринъ» дано противнику Алеши Поповича, какъ полагаютъ, по имени половецкаго хана Тугар-

кана, на внучкѣ котораго былъ женатъ сынъ Владиміра Мономаха Андрей. По тождеству именъ двухъ Владиміровъ, имя позднѣйшаго половецкаго хана, вѣроятно, перенесено народомъ и въ памятное ему царствованіе Владиміра Святаго. Отчество «Змѣевичъ» присвоено Тугарину, какъ потомку нечистой силы, которая всѣми народами олицетворяется чаще всего въ образѣ змѣя или дракона.

18. (Стрн. 32). Оживленіе убитаго уже разъ Тугарина объясняется, какъ изложено въ прим. 13-мъ, возстановленіемъ разрушеннаго идола. Затѣмъ вообще, какъ отродье змѣиное, Тугаринъ долженъ обладать особенной жизненной силой.

19. (Стрн. 36). «Пучай-рѣка» — нынѣшняя Почайна. Въ нѣкоторыхъ варіянтахъ, вмѣсто Пучая, встрѣчается «Израй-рѣка», отъ библейскаго Израиля.

20. (Стрн. 39). Змѣя предлагаетъ Добрынѣ побратимство — обычное между богатырями братство «крестовое» или «назва̀ное».

21. (Стрн. 39). Племянница Владимірова «Забава» называется иногда также «Запавой» или «Любавой». Имя отца ея «Путяты» встрѣчается въ лѣтописяхъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Владиміру Мономаху, и, подобно имени Тугарина (см. выше прим. 17), перешло впослѣдствіи въ былевые разсказы о времени Владиміра Святославича.

22. (Стран. 40). Большихъ горъ въ предѣлахъ древней Руси нѣтъ, и потому, вмѣстѣ съ неясностью понятія о горѣ, и самыя названія горъ въ былинахъ какія-то миѳическія. Всего чаще упоминаются: 1) «Латырь-гора» (воображаемый возвышенный берегъ Латырь-моря, т.-е. Балтійскаго моря); 2) гора «Сорочинская» (сарацинская, арабская), которая, по представленію народному, помѣщается гдѣ-то на берегу Хвалынскаго (Каспійскаго) моря; 3) «Святыя горы», на которыхъ живетъ богатырь Святогоръ,— вѣроятно, Карпаты.

23. (Стрн. 49). О богатырицѣ Василисѣ Микуличнѣ и мужѣ ея существуютъ двѣ разныя былины, построенныя на одномъ и томъ-же мотивѣ: что мужъ ея впадаетъ въ немилость князя Владиміра; но развитіе и развязка дѣйствія въ одной былинѣ комичны, въ другой трагичны. Мы выбрали первую редакцію, какъ потому, что послѣдняя, по развязкѣ, весьма схожа съ помѣщаемою здѣсь былиною о «Дунаѣ Ивановичѣ и Настасьѣ королевичнѣ», такъ и потому, что въ послѣдующихъ былинахъ упоминается о счастливомъ супружествѣ еще здравствующихъ Ставра и Василисы. Въ трагическомъ пересказѣ былины, мужъ Василисы называется Данилой Ловчаниномъ и посылается княземъ въ «службу дальнюю, невзворотивную», на Буянъ-островъ. Съ горя, что онъ сдѣлался «неугоденъ» князю, Данило, побивъ предварительно враговъ, падаетъ грудью на «вострò копье». Василиса, съ тоски, «спарываетъ» себѣ также «бѣлую грудь» надъ трупомъ мужа.

24. (Стрн. 49). Въ Лѣтописи (Новгородской) Ставёръ упоминается въ первый разъ подъ 1118 годомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бояръ новгородскихъ, присягавшихъ въ Кіевѣ Владиміру Мономаху, но неугодныхъ ему, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Тождественность событія и одинаковость именъ царствующихъ князей послужили слагателямъ былинъ поводомъ къ наименованію Ставромъ одного изъ богатырей Владиміра Святаго, причемъ родиною его, вмѣсто Новгорода, называется Черниговъ.

25. (Стрн 49). Торговля въ старину производилась по бо̀льшей части мѣновая, и купцы находились постоянно въ разъѣздахъ, т.-е. вездѣ были гостями; отсюда названіе ихъ — «гости торговые».

26. (Стрн. 50). Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. былину объ немъ). Въ народныхъ сказкахъ она называется также «Василисою Золотою Косою», «Василисою Премудрою» и «Прекрасною».

27. (Стрн. 51). Подъ выраженіемъ «посадить на овесъ и на воду», очевидно, слѣдуетъ разумѣть «на хлѣбъ (овсяный) и на воду».

28. (Стрн. 51). «Грознымъ» (страшнымъ) представляется простолюдину всякій посолъ, застающій его врасплохъ нежданою негаданою вѣстью.

29. (Стрн. 53). По плохому состоянію дорогъ въ древней Руси, по нимъ ставились вѣхи.

30. (Стрн. 54). Въ былинахъ «лицами безъ рѣчей», подобно князьямъ-боярамъ, являются еще такъ-называемые «скученные» богатыри, цѣлыя кучи которыхъ, по общему ихъ свойству, носятъ одно общее имя: «братья Притченки» (отъ прыткій), «Хапиловы» (отъ хапать, хватать — «хваты»), «Сбродовивичи» (отъ сбродъ), «мужики Залѣшане» (отъ залѣсье, лѣсъ).

31. (Стран. 62). Молодому заѣзжему венеціянскому купцу, одаренному удивительнымъ искусствомъ пѣнія и игры на гусляхъ (подъ которыми здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, нѣчто въ родѣ итальянской мандолины или гитары), дано имя искуснѣйшей пѣвчей птицы — «Соловья», точно также, какъ и знаменитому былевому Соловью разбойнику, свистъ котораго если и не умиляетъ, то сражаетъ всякаго съ ногъ. Отчество «Будимировичъ», составленное илъ словъ буди и міръ, усиливаетъ еще артистическое значеніе Соловья, который, какъ Орфей, своей чарующей игрой пробуждаетъ весь окружающій міръ.

32. (Стран. 64). «На златѣ-серебрѣ не погнѣваться» — значитъ: князь не прогнѣвается, что ему не дарятъ злата-серебра: такимъ подаркомъ его не удивишь.

33. (Стрн. 64). «Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
Всѣ-то мудрости Ерусо̀лима,
А все замыслы Соловья Будимірова» —

означаетъ: всѣ подробности узоровъ были заморскіе, но соединеніе ихъ въ одно стройное цѣлое принадлежало самому Соловью.

34. (Стран. 65). Какъ человѣку торговому, князь предлагаетъ Соловью Будиміровичу для застройки «бойкое» мѣсто; но Соловью, хотя и строющему затѣмъ, кромѣ теремовъ, гостиный дворъ, не того надобно.

35. (Стран. 68). Соловьёва золота казна «стучитъ-бренчитъ, щелчитъ-молчитъ»—т.-е. только и слышно пересыпаніе денегъ.

36. (Стран. 69). По одному варіянту, Соловей Будиміровичъ съ Забавой Путятичной тутъ-же мѣняются перстнями; но Соловьева матушка отсрочиваетъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока сынъ не расторгуется. Соловей отъѣзжаетъ за синія моря. Между тѣмъ является къ князю Владиміру съ подарками «голый щапъ» (бѣдный щеголь) «Давидъ Поповъ», и князь отдаетъ за него племянницу. Во время свадебнаго пира, однако, возвращается Соловей Будиміровичъ, и Забава изъ-за стола съ радостью бросается къ нему и выходитъ за него. Этотъ эпизодъ явно заимствованъ изъ былины о «Добрынѣ въ отъѣздѣ», такъ какъ не только общее содержаніе его, но и многія мелкія подробности и даже цѣлыя фразы схожи съ концомъ послѣдней былины; «голый» же «щапъ Поповъ» есть, очевидно, «бабій пересмѣшникъ» Алеша «Поповичъ».

37. (Стран. 71). Пока совершаются богатырями кіевскаго князя описываемыя въ предъидущихъ былинахъ подвиги,—далеко на сѣверѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, подъ Муромомъ, въ деревушкѣ Карачаровѣ безвѣстно прозябаетъ растительною жизнью параличный крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, которому суждено сдѣлаться впослѣдствіи спасителемъ отчизны отъ враговъ внутреннихъ, духовныхъ и внѣшнихъ. Здѣсь предоставленный въ теченіи десятилѣтій самому себѣ, въ дали отъ суеты мірской, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, Илья исподоволь набирается того безкорыстнаго, человѣчнаго духа, который необходимъ истинному оберегателю общественныхъ интересовъ, остающемуся вѣкъ безсемейнымъ бобылемъ для вящшей пользы общины. На родинѣ его, въ селѣ Карачаровѣ, и въ настоящее время есть крестьяне Ильюшины, которые съ гордостью производятъ отъ него родъ свой.

38. (Стран. 72). Мать Ильи Муромца, по преданію, называлась Ефросиньей Яковлевой.

39. (Стран. 72). Въ теченіи тридцатилѣтняго «сидѣнія» Ильи Муромца, въ немъ какъ-бы назрѣваютъ исполинскія силы, необходимыя для предстоящихъ ему подвиговъ, непреодолимыхъ для другихъ смертныхъ. Но вывести его изъ неподвижности можетъ только внѣшняя, сверхъестественная, искупительная сила; такими ангелами-искупителями являются могучіе представители вѣчнаго движенія, былаго кочевья—калики перехожіе, однимъ словомъ своимъ пробуждающіе къ жизни его онѣмѣлые члены, однимъ прикосновеніемъ губъ къ напитку, который онъ испиваетъ послѣ нихъ, дѣлающіе изъ него сильнѣйшаго богатыря.

40. (Стран. 74). Заря, по народному повѣрью, самое дѣйствительное время для совершенія всякихъ чаръ, роса же заревая обладаетъ, будто-бы, особенною цѣлебною силой, и купаніе въ ней подъ Ивановъ день принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ славянъ.

41. (Стран. 75). Какъ самъ Илья Муромецъ, до пробужденія богатырскихъ силъ его поданнымъ каликами питьемъ, находится въ безпомощномъ, параличномъ состояніи, такъ и богатырскій конь его, до купанія въ чародѣйной утренней росѣ, долженъ быть болѣзненнымъ, шелудивымъ.

42. (Стран. 78). «Въ полпути» отъ села Карачарова къ Мурому, дѣйствительно, воздвигнута надъ ключомъ часовня во имя пророка Ильи, который, такимъ образомъ, является какъ-бы ангеломъ муромскаго богатыря.

43. (Стран. 78). Вмѣсто Чернигова, въ разныхъ варіянтахъ называются «Бѣжеговъ», «Бекетовецъ», «Кидишъ», «Кряковъ», «Смолягинъ» (Смоленскъ) и «Турговъ».

44. (Стран. 81). «Заставы» въ былинахъ бываютъ двоякаго рода: заставы вражьи — преграды, встрѣчаемыя богатырями на своемъ пути со стороны враговъ или вообще враждебной силы, и, въ противоположность имъ, заставы богатырскія — небольшія крѣпосцы, бо̀льшею частью по окраинамъ государства, на которыхъ стоитъ богатырская дружина, «братья крестовая» или «назва̀ная», обороною отчизны отъ внѣшнихъ враговъ.

45. (Стран. 81). Рѣка «Смородина» или «Самородина» есть миѳическая рѣка, сама рождающаяся и, подобно древне-греческой Летѣ, безпощадно поглощающая въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее. Поэтому она протекаетъ и мимо Соловьинаго гнѣзда, гдѣ всякому прохожему грозитъ неминуемая смерть.

46. (Стран. 81). Соловей разбойникъ, залегающій тридцать лѣтъ дорогу въ стольный Кіевъ, олицетворяетъ собою вообще главныхъ внутреннихъ враговъ возникающаго государства — шайки разбойниковъ, которыя разсѣять суждено первому нашему герою — Ильѣ Муромцу. Кто не испытывалъ невольной дрожи темною ночью въ глухомъ мѣстѣ при неожиданномъ рѣзкомъ свистѣ, служащемъ обыкновенно условнымъ знакомъ для злоумышленниковъ? Неудивительно, что народное воображеніе одарило прототипъ русскихъ разбойниковъ убійственнымъ соловьинымъ свистомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя. Отчество же его «Рахмановичъ» производится отъ слова рахманъ или брахманъ, т.-е. браминъ— индейскій жрецъ и кудесникъ. Иногда онъ называется и «Птицей Рахманной», «Алатырцемъ некрещёнымъ» (отъ Латырьморя), а по батюшкѣ «Одихмантьевичемъ» (какъ и старшій богатырь Сухманъ) или «Ахматовичемъ» (отъ татарскаго Ахмата).

47. (Стран. 84). По другимъ пересказамъ, неожиданное нападеніе до того раздражило нашего богатыря, что онъ раззорилъ

все гнѣздо Соловьиное и «показнилъ» всю семью, за исключеніемъ самого отца-разбойника, котораго повезъ съ собой въ Кіевъ.

48. (Стран. 92). Какъ Вольга Всеславьевичъ есть полубогъ-охотникъ и воинъ, побѣждающій всю одушевленную природу, такъ Микула Селяниновичъ есть «любимый землею» полубогъ-крестьянинъ, божественный представитель земледѣлія и первой осѣдлости на Руси, который, изборазживая своею чудесною сохою вдоль и поперегъ всю матушку святую Русь, порабощаетъ питательную силу земли. Имя его «Микула»—Микола, Николай; отчество «Селяниновичъ» показываетъ, что онъ сынъ селянина, т.-е. крестьянина; въ видѣ исключенія онъ величается и «Никитичемъ». Сыновей у него нѣтъ; но, по одинаковости происхожденія, изъ «младшихъ» богатырей всего ближе приходится ему главнѣйшій — Илья Муромецъ. Второй, послѣ Ильи, младшій богатырь— Добрыня Никитичъ, типъ семьянина, женится на одной изъ трехъ поленицъ-дочерей Микулы — Настасьѣ, старшая сестра которой, Василиса, замужемъ за богатыремъ-купцомъ Ставромъ. Такимъ образомъ Микула есть, въ нѣкоторомъ родѣ, родоначальникъ младшихъ богатырей.

49. (Стран. 96). Тяжесть сохи Микулиной, которой не могла осилить вся дружина Вольгй, есть та-же самая «земная тяга», которую затѣмъ тщетно силится одолѣть въ переметной сумкѣ Микулиной великанъ-Святогоръ (см. былину о немъ).

50. (Стран. 97). По Лѣтописи, Олегъ подъ Гурчевцемъ или Вручевцемъ нашелъ смерть: «Побѣгъшю же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ гроблю мостъ ко вратамъ граднымъ: тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту въ дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дня у Вручего.»

51. (Стран. 101). Двухъ главныхъ «старшихъ» богатырей, о которыхъ имѣются отдѣльныя былины, Вольги Всеславьевича и Микулы Селяниновича, при князѣ-солнышкѣ Владимірѣ нѣтъ уже въ живыхъ. Изъ прочихъ старшихъ богатырей, нѣкоторые также сошли уже со сцены; другіе, не умѣя освоиться съ условіями осѣдлой жизни, доживаютъ кое-какъ свой вѣкъ, не совершая уже никакихъ богатырскихъ подвиговъ. Одинъ изъ нихъ, Святогоръ удалился отъ свѣта на свои Святыя горы, и единственная попытка его (описываемая въ настоящей былинѣ) приложить свою исполинскую мощь къ новымъ житейскимъ условіямъ—къ земскому дѣлу—почти погубила его: онъ по колѣна угрязъ въ землю, и кровь, вмѣсто пота, потекла по лицу его. Онъ — представитель грубой физической силы кочеваго періода, которая, какъ самостоятельная стихія, въ строгомъ строѣ одухотворенной нравственнымъ началомъ гражданской жизни не имѣетъ уже мѣста и должна умереть. Изрѣдка Святогору присвоивается отчество — «Колывановичъ».

52. (Стран. 109). По одному пересказу, встрѣча Ильи Муромца

съ Святогоромъ происходитъ тотчасъ по первомъ выѣздѣ его изъ родительскаго дома. Но конь Святогоровъ возитъ своего хозяина съ Ильею трое сутокъ; Илья же, простоявъ въ Муромѣ заутреню, къ поздней обѣднѣ того-же дня поспѣлъ въ Кіевъ, слѣдовательно, по пути, очевидно, не могъ трехъ сутокъ пробыть въ карманѣ Святогора. Затѣмъ, разсказывая въ Кіевѣ князю о помѣхахъ, замедлившихъ его своевременное прибытіе къ обѣду «княженецкому», онъ ни въ одномъ варіантѣ не упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Святогоромъ. Далѣе, рекомендуясь Святогору, онъ, въ нѣсколькихъ пересказахъ, называетъ себя богатыремъ изъ Кіева (значитъ, ѣдущимъ изъ Кіева, а не впервые въ Кіевъ), и указываетъ даже цѣль своей поѣздки—повидать Святогора, невиданнаго еще кіевскими богатырями. Поэтому, не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что поѣздку свою на Святые Горы Илья совершилъ уже послѣ перваго пріѣзда своего въ Кіевъ съ Соловьемъ разбойникомъ. — Рядомъ съ настоящею былиною могла бы быть помѣщена извѣстная побывальщина объ «Аникѣ-воинѣ», имѣющая также тэмою гибель представителя грубой богатырской силы, который, судя по встрѣчающимся въ разсказѣ именамъ однихъ старшихъ богатырей (Святогора, Самсона и Колывана), долженъ бы также быть изъ числа ихъ (см. прим. 3). Но, не говоря уже о книжномъ и разрушенномъ стихѣ этой побывальщины, дѣлающемъ возстановленіе ея довольно затруднительнымъ, мы не сочли удобнымъ включать ее въ сводъ образцовъ русскаго народнаго эпоса и по ея апокрифическому происхожденію. Какъ подробности основной ея тэмы — борьбы «храбраго человѣка» Аники со смертью, такъ и греческое имя ея героя (Аникита, т.-е. «непобѣдимый») сближаютъ ее съ византійскою поэмою о «Дигенисѣ-Акритѣ» (также «непобѣдимомъ»), извѣстною и въ русскихъ пересказахъ. При этомъ, впрочемъ, не можемъ не указать на то, что недалеко отъ Вологды есть мѣсто, обросшее въ настоящее время мелкимъ кустарникомъ и носящее еще названіе Аникина лѣса, по имени жившаго тамъ нѣкогда разбойника Аники, о которомъ разсказывается то-же, что̀ и о Аникѣ-воинѣ, съ тою лишь любопытною разницею, что въ завѣтной котомкѣ (сумѣ) странника, попадающагося Аникѣ, кромѣ земли, оказываются еще частицы антидора и святыя мощи, въ которыхъ, такимъ образомъ, какъ-бы заключается главная таинственная сила котомки.

53. (Стран. 114). Вдохнувъ въ себя могучій богатырскій духъ Святогора и получивъ въ наслѣдство его славный мечъ (называемый въ одномъ варіантѣ мечомъ-кладенцомъ), Илья Муромецъ дѣлается прямымъ воспріемникомъ древнихъ русскихъ титановъ—«старшихъ» богатырей, и можетъ смѣло выступить на защиту отечества, противъ всѣхъ враговъ духовныхъ (Идо̀лища) и внѣшнихъ (царя Калина), какъ выдержалъ уже убійственный свистъ врага внутренняго (Соловья разбойника).

54. (Стран. 115). Въ «Идо̀лищѣ» (иначе «Одолище» — отъ

одолѣть) представляется метафорически, какъ надо полагать, старшій изъ древнерусскихъ боговъ Перунъ (отъ глагола переть, бить), соотвѣтствующій греческому Зевсу-громовержцу. «Силу поганую», сопровождающую Идолище, составляютъ прочіе боги: Купало — богъ земледѣлія, Волосъ — богъ скотоводства, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Ладо—богъ семейнаго счастья и любви, Коляда — богъ міра, и другіе. Всѣ боги древней Руси олицетворялись кумирами, которымъ, для бо̀льшей внушительности, придавался обыкновенно возможно грозный видъ огромными размѣрами тѣла, множествомъ головъ и страшными чертами лица; причемъ каждый кумиръ имѣлъ свои необходимые, наводящіе ужасъ аттрибуты, въ видѣ многоголовыхъ ящеровъ, змѣевъ и т. п. Туловище громоноснаго Перуна было искусно вырѣзано изъ дерева и стояло на желѣзныхъ ногахъ; голова его была серебряная съ золотыми усами, а въ рукѣ у него сверкала молнія изъ рубиновъ и карбункуловъ.

55. (Стрн. 115). Смѣлый Алеша Поповскій сынъ, первый изъ русскихъ богатырей дерзнувшій свергнуть одиночный идолъ (Тугарина Змѣевича), не нашелъ въ себѣ, однако же, достаточно мужества, чтобы выступить противъ всего сонмища языческихъ боговъ.

56. (Стрн. 120). По лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, Владиміръ Святославичъ, окрестившись въ Херсонѣ (близъ нынѣшняго Севастополя) въ 988 году, по возвратѣ въ Кіевъ, прежде всего распорядился уничтоженіемъ языческихъ идоловъ. Идолъ Перуна, возвышавшійся на священномъ холмѣ противъ самаго княжескаго терема, былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и, подъ палочными ударами, спущенъ по̀дъ гору въ Днѣпръ. Здѣсь бѣдный идолъ, будто-бы, съ рыданіями и воплями пытался еще выбиться на берегъ; но его схватили, и, съ тяжелымъ камнемъ на шеѣ, онъ пошелъ ко дну. Послѣ этого, убѣжденный въ безпомощности своихъ старыхъ боговъ, народъ повалилъ толпами къ рѣкѣ, гдѣ, стоя въ водѣ, по примѣру Христа, и былъ окрещенъ іереями. Прочіе кумиры были также или разбиты, или сожжены.

57. (Стрн. 121). Былина объ «Ильѣ Муромцѣ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ» заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ ней муромскій герой, «помѣшавъ учёныя мѣста» на пиру у Владиміра и усадивъ затѣмъ рядомъ съ собою бѣдный пролетаріатъ—«голей кабацкихъ», удовольствовавшись самъ, впрочемъ, мѣстомъ середнимъ,—ратуетъ за равноправность сословій, которая лишь 9 вѣковъ спустя, въ минувшее царствованіе, по собственной державной волѣ въ Бозѣ почивающаго нынѣ Царя-Освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ—въ крестьянской реформѣ, всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности.

58. (Стрн. 130). Поголовное побіеніе татаръ Ильею Муромцемъ. разсказываемое въ былинѣ объ немъ и царѣ Ка̀линѣ, не

соотвѣтствуетъ никакой исторической битвѣ въ особенности, какъ и въ самомъ царѣ Калинѣ не слѣдуетъ искать какой-нибудь опредѣленной исторической личности: царь Калинъ есть лицо собирательное, внѣшній врагъ по преимуществу, и въ побѣжденіи этого врага съ его несчетной силой должно видѣть вообще побѣдоносныя дѣйствія оружія Владиміровыхъ богатырскихъ дружинъ противъ азіятскихъ варваровъ, особенно печенѣговъ, безпрестанно вторгавшихся въ русскіе предѣлы; причемъ побѣдные лавры, естественно, предоставляются все тому-же любимому былевому герою — Ильѣ Муромцу. Татарское иго, однако, запечатлѣлось въ памяти народной на столько глубоко, что позднѣйшими рапсодами, вмѣсто тѣхъ или другихъ враговъ владимірской Руси, вездѣ называются одни «татаровья», а вмѣсто царя Калина, нерѣдко выступаетъ «Батый Батыевичъ» («Батыга», «Бутеянъ Бутеяновичъ») или «Мамай»; такъ что въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, воспѣвается безсознательно и сверженіе татарскаго ига, совершившееся 500 лѣтъ спустя (въ 1480 году).

59. (Стрн. 138). Интересно сравнить это описаніе несмѣтныхъ полчищъ царя Калина съ разсказомъ Волынскаго Лѣтописца о нашествіи Батыя въ 1237 году: «Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множьства ревѣнія вельблудъ его и рьжанія отъ гласа стадъ конь его.»

60. (Стрн. 147). Достойно вниманія, что князь Владиміръ добровольно предоставляетъ здѣсь народу ту самую льготу, которою прежде Илья Муромецъ обусловилъ примиреніе свое съ княземъ.

61. (Стрн. 148). Чурила Плёнковичъ есть яркій типъ получившаго свѣтскій лоскъ того времени богатаго купеческаго сынка, живущаго въ полное свое удовольствіе, незнающаго удержу своимъ затѣямъ и поставившаго себѣ жизненною цѣлью—своимъ щегольствомъ и удалью разудивить весь міръ. Въ этихъ видахъ онъ поступаетъ и на службу къ князю, при дворѣ котораго есть чѣмъ и предъ кѣмъ блеснуть. Своею удалью онъ возвысился до богатырства; но онъ ограничивается только придворною должностью, а не примыкаетъ къ земской богатырской дружинѣ: ему, бѣлолицему красавцу и щеголеватому волокитѣ, не до защиты отчизны, въ чистомъ полѣ, въ дождѣ и вьюгѣ, или на дальнихъ, безлюдныхъ «заставахъ», въ дали отъ столичнаго комфорта. Имя «Чурила» (или «Чурило») нѣкоторыми языковѣдами производится отъ предполагаемаго родоначальника его Чура, какого-то древняго славянскаго бога, которому вѣроятно воздвигались встрѣчавшіеся въ старину на перекресткахъ идолы — чурки или чуры, и которымъ и донынѣ чураются въ заговорахъ и заклинаніяхъ. Имя же «Чура» тѣми-же лингвистами сближается съ именемъ греческаго бога Гермеса (Меркурія).

62. (Стрн. 152). Имя «Плёнъ» («Плёнко», «Плёнчище») происходитъ вѣроятно отъ слова плѣнъ, полонъ: плѣнные, полоненные продавались нѣкогда въ рабство, составляя весьма важную статью торговли; одному изъ главныхъ торговцевъ этимъ живымъ товаромъ легко могло быть присвоено соотвѣтственное имя Плёнъ. Происхожденіемъ же этотъ «гость» — «Сурожанинъ», т.-е. съ Сурожа (Азовскаго моря).

63. (Стрн. 156). Ни въ одной другой былинѣ столь свойственный русскому народу простодушный юморъ не достигаетъ такой силы, какъ въ былинѣ о «Дюкѣ Степановичѣ»: не знаешь что̀ забавнѣе: небывалыя ли чудеса Дюкова «посельица» и наивное удивленіе «обцѣнивающихъ» ихъ русскихъ богатырей, или же самъ пѣвецъ былины, искренно вѣрующій во всѣ эти чудеса и невинно подтрунивающій, вмѣстѣ съ Дюкомъ, надъ простячка̀ми-кіевлянами. Особенно яркій контрастъ представляетъ самоувѣренно-спокойное хвастовство вылощеннаго западно-европейской цивилизаціей Дюка съ доморощеннымъ ухарствомъ кіевскаго фата Чурилы. Хотя Дюкъ и величается въ былинѣ «бояриномъ», но, судя по имени, онъ едва ли не Dux, герцогъ, который, впрочемъ, какъ усматривается изъ конца былины, не гнушается заниматься и (столь прибыльнымъ) торговымъ дѣломъ; для этого дѣла-то онъ въ сущности, можетъ быть, и прибылъ въ Кіевъ, и пущенная имъ въ глаза кіевлянамъ пыль, которою ослѣплять такъ умѣютъ насъ и современные иностранные «гости», послужила ему лучшей рекламой, добывшей ему право вѣчнаго безпошлиннаго торга. Родина Дюка — родственная намъ Галицкая Русь («Галичь проклятая»), которая однако, какъ лежащая за предѣлами Владиміровыхъ владѣній, помѣщается неособенно сильными въ географіи рапсодами гдѣ-то тамъ—въ «Индіи богатой».

64. (Стрн. 158). О значеніи купанія въ росѣ см. прим. 40.

65. (Стрн. 178). Невѣжа-черный воронъ олицетворяетъ собою цѣлое вражеское полчище.

66. (Стрн. 180). «Участь-таланъ» Ильи Муромца въ томъ, что ему «смерть на бою не писана».

67. (Стрн. 180). Сборы Добрыни въ дорогу описываются здѣсь, нѣкоторыми рапсодами, такъ-же обстоятельно и тѣми-же словами, какъ и сборы его на гору Сорочинскую противъ змѣя Горынчища, для избавленія Забавы Путятичны (см. былину о второмъ боѣ его съ змѣемъ). Такъ какъ такое-же подробное описаніе сборовъ, съ незначительными отступленіями, должно было быть сохранено нами, по его характеристичности, еще въ двухъ былинахъ, гдѣ героями являются два другіе богатыря (Илья Муромецъ, въ былинѣ объ немъ и царѣ Калинѣ, и Дюкъ Степановичъ), то въ настоящей былинѣ мы сочли умѣстнымъ выбрать сокращенную редакцію, незадерживающую дѣйствія.

68. (Стрн. 182). Одинъ пѣвецъ (правда, лучшій — Рябининъ) повѣствуетъ здѣсь и о самыхъ подвигахъ Добрыни Никитича; причемъ Добрыня дается княземъ Владиміромъ въ товарищи другому

богатырю — Василію Казиміровичу, отправляющемуся къ королю (царю) Бутеяну Бутеяновичу (Батыю) отвезти дани-выходы за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; но, прибывъ къ Бутеяну, отодвигаетъ Василія на второй планъ и выступаетъ самъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ (до тридцати) пересказовъ былины о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» — о похожденіяхъ Добрыни ничего не упоминается, то мы склоняемся къ мнѣнію, что разсказъ объ этихъ похожденіяхъ перенесенъ Рябининымъ въ настоящую былину изъ какой-нибудь другой самостоятельной былины, отрывки которой и передаются также нѣкоторыми другими рапсодами. Не включая затѣмъ этихъ богатырскихъ приключеній въ нашу сводную былину, тѣмъ болѣе, что они повредили бы цѣльности и занимательности всего разсказа, имѣющаго предметомъ эпизодъ изъ семейной жизни Добрыни, — мы не можемъ, тѣмъ не мѣнѣе, не привести здѣсь въ извлеченіи весьма картиннаго описанія Добрыниныхъ подвиговъ:

На вопросъ Бутеяна Бутеяновича:

«—Ай же вы, дородны добры мòлодцы!
Кто изъ васъ гораздъ играть во шашки-шахматы,
Да во славныя во тàвлеи нѣмецкія?» *)

Василій Казиміровичъ отвѣчаетъ:

«—Дома у меня всѣ игроки оставлены,
Только ести у меня надеюшка
Что на Спаса, на Пречисту Богородицу
Да на своего на братца на крестоваго,
На младà Добрынюшку Никитича.»

Кликнули Добрынюшку Никитича. «Со великой со горячности» просмотрѣлъ Добрыня одинъ «ступѐнь» шашечный и проигралъ Бутеяну добрà коня богатырскаго. Подъ другую игру король ставитъ залогомъ великую безсчетную золоту казну, а русскій мòлодецъ свою буйную головушку. На этотъ разъ, однако, Добрыня обыгрываетъ короля. Тогда король предлагаетъ другаго рода состязаніе:

«—Кто изъ васъ гораздъ стрѣляти изъ тугà лука,
Пропущати стрѣлочку каленую
По тому по острію ножевому,
Чтобы вѣсомъ ровно шла да на двѣ стороны,
Угодила бы въ колечико серебряно?»

Василій Казиміровичъ посылаетъ, вмѣсто себя, опять своего братца крестоваго. Побѣжали слуги королевскіе за лукомъ.

«Какъ несутъ Добрынѣ тугой лукъ разрывчатый
Подъ конецъ несетъ лукъ сто татàровей,
Подъ другой несетъ другое сто,
Подъ середочку еще да третье сто,
Всѣ идутъ татаровья—покряхтываютъ.
Бралъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,

*) «Нѣмецкія»—явно новѣйшая редакція.

Сталъ Добрыня стрѣлочку накладывать,
Сталъ шелкòвую тетивочку потягивать—
Заскрипѣли полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у тугà лука,
Изломался тугой лукъ, полопался,
Со бедра его Добрыня бросилъ ò землю.»

Какъ Добрыня играетъ здѣсь только роль «товарища» Василія Казиміровича, такъ у него самого взятъ пажомъ молодой Иванушка Дубровичъ; этого пажа онъ посылаетъ къ коню богатырскому отстегнуть отъ праваго стремени его собственное «дрянное лучёнышко завозное».

«Какъ во томъ луку разрывчатомъ, въ тупомъ концѣ,
Были сдѣланы гуселышки яровчаты,
Да не для-ради красы-угожества,
Для-ради потѣхи молодецкія...»
«Какъ беретъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Самъ становится да на рѣзвы̀ ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Какъ кладетъ онъ тугой лукъ подъ ножку лѣвую,
Съ лѣвой ножки на правò плечо:
Защелкàла тутъ тетивочка шелкòвая,
Натянулся у Добрыни тугой лукъ,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Три раза стрѣлилъ по острію ножевому,
Три раза попалъ въ колечико серебряно.»

Послѣ него стрѣляетъ Бутеянъ:

«Первый разъ стрѣлилъ—перѐстрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дòстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ.»

Королю дѣло не слюбилося, и онъ предлагаетъ бороться.

«Какъ на улицѣ-то ходятъ три борца,
Три борца да три татарина,
Дружка дружку зà воротъ похватываютъ,
Дружка дружку нà земь да побрасываютъ.»

Добрыня сходитъ съ крыльца и спрашиваетъ Бутеяна: какъ прикажетъ съ ними драться—со всѣми ли вдругъ или по одиночкѣ? Бутеянъ отвѣчаетъ, что можетъ драться, какъ ему угодно. Тогда Добрыня перваго татарина хватаетъ за воротъ, втораго за голову, третьяго за волосы, бросаетъ о сырỳ землю и зашибаетъ до смерти. «Та борьба была побòрона.» Бутеянъ, испугавшись, не только отказывается отъ привезенныхъ ему русскими богатырями даней-выходовъ, но даетъ имъ еще «грамоту повинную» платить съ своей стороны кіевскому князю дани-выходы «вѣкъ пò вѣку.»

69. (Стрн. 190). Какъ указано въ прим. 16, калики перехожіе были послѣдними представителями былой кочевой жизни. Богатырь Михайло Пòтыкъ, выступающій въ одной былинѣ (о «Сорока каликахъ», непомѣщенной здѣсь) во главѣ каликъ, есть по-преимуществу богатырь-бродяга, какъ показываетъ самое прозвище его: «Пòтыкъ» (потыкаться, слоняться по міру) или «Потòкъ» (неудержимо-подвижный, какъ потокъ, рѣка). Изъ эпохи

кочевья, къ которой онъ принадлежитъ еще своимъ существомъ. богатырь этотъ влечетъ за собою всю языческую обстановку: жену-оборотня, подземныхъ гадовъ, добывающихъ живую воду, и проч. Но христіянское начало въ немъ все-таки пустило уже столь глубокіе корни, что еретница-жена тщетно пытается погубить его, и сама, по смерти мужа, несетъ заслуженное наказаніе, будучи обречена живою лечь съ нимъ въ могилу.

70. (Стрн. 191). «Бѣлою Лебедью», въ которую обыкновенно обращались красавицы-женщины-оборотни сказочныхъ временъ, стали называться впослѣдствіи вообще женщины-красавицы. Авдотья Лиходѣевна (иначе Лиховидьевна) есть, по нѣкоторымъ варіянтамъ, дочь царя Лиходѣя Лиходѣевича.

71. (Стрн. 192). Безшабашный разгулъ есть одна изъ характеристическихъ чертъ бродяжничества, представителемъ котораго служитъ Пòтыкъ.

72. (Стрн. 193). Со стороны довѣрчиваго Пòтыка такой уговоръ былъ искреннимъ выраженіемъ безграничной супружеской вѣрности, тогда какъ Бѣлая Лебедь Авдотья Лиходѣевна, какъ показали послѣдствія, имѣла при этомъ свой особый злой умыселъ.

73. (Стрн. 194). По нѣкоторымъ пересказамъ, вѣсть о смерти жены застаетъ Пòтыка на чужбинѣ, въ ордѣ царя Налета Налетовича (иначе царя заморскаго Бухаря), гдѣ онъ, по примѣру Добрыни (см. прим. 68), обыгрываетъ царя въ шашки-шахматы.

74. (Стрн. 194). Покойники въ старину доставлялись въ церковь не иначе, какъ на саняхъ.

75. (Стрн. 197). Уже разъ отпѣтые покойники, въ случаѣ оживленія, вновь освящаются.

76. (Стрн. 197). Въ нѣкоторыхъ варіянтахъ былины разсказываются еще дальнѣйшія похожденія Пòтыка, вызванныя побѣгомъ жены его къ королю литовскому: волшебница Лебедь Бѣлая подноситъ погнавшемуся за ней мужу «зелья забыдущаго» и обращаетъ его въ бѣлый горючій камешекъ (см. прим. 2); но братья названные его Илья Муромецъ и Добрыня, при помощи встрѣтившагося имъ калики перехожаго, приподнимаютъ грузный камешекъ, который раскалывается и выпускаетъ на свѣтъ божій Пòтыка. Несмотря на уговариванья братцевъ крестовыхъ, мягкосердый Пòтыкъ вторично идетъ въ Литву за женою, которая снова успѣваетъ слабому до зелена̀ вина мужу преподнести, подъ видомъ зелена̀ вина, соннаго зелья. Тутъ, однако, спасаетъ его, посредствомъ уловки, дочь королевская Настасья, съ которою Пòтыкъ и «принимаетъ по злату вѣнцу», снявъ предварительно буйну голову чародѣйкѣ-женѣ за ея «поступки неумильные».

77. (Стрн. 198). «Васька Долгополистый», «Долгополый», «Долгополище», иначе называемый еще «Василіемъ Казиміровичемъ», «Долгомѣровичемъ» или «Игнатьевичемъ», а также «Пьяницей», оба съ Михайлой Потыкомъ — знаменитые пьяницы.

78. (Стрн. 200). Смотрѣніе въ даль изъ кулака молодецкаго

соотвѣтствуетъ современному наблюденію въ подзорную трубку, которая, впрочемъ, какъ анахронизмъ, иногда упоминается и рапсодами.

79. (Стрн. 204). «Не уловя птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься»—

значитъ: не поймавъ птицы, уже щиплешь ее; не сваривъ птицы, садишься за столъ.

80. (Стрн. 205). По одному пересказу, послѣ боя на копьяхъ, богатыри еще тягаются черезъ гривы лошадиныя:

«Тягами желѣзными хваталися,
Черезъ гривы лошадиныя тянулися,
Другъ друга̀ никто не перетягивалъ,
Другъ друга̀ бога̀тыри не ранили.»

81. (Стрн. 206). У всѣхъ исчадій тьмы груди черныя, тогда какъ у людей, хотя бы и враговъ, онѣ бѣлыя.

82. (Стрн. 207). «Латыгорка» (иначе «Латымірка», «Лысогорка», «Горынинка», «Горынчанка», въ сказкахъ «Баба-Яга»), богатырица царства тьмы, получила свое имя отъ Латырь-горы, которая есть ничто иное, какъ берегъ Латырь-моря (Балтійскаго).

83. (Стрн. 207). «Сокольникъ» (иначе «Соловникъ», «Борисъ Козловъ», «Збудъ королевичъ младъ», «Жидовинъ богатырь», «Татарченокъ Бусурманченокъ») есть представитель темной силы, такъ что бой его съ Ильей Муромцемъ есть какъ-бы аллегорическая борьба начала тьмы и зла съ свѣтлымъ, нравственнымъ началомъ.

84. (Стрн. 207). Сокольникъ называется также сыномъ Ильи Муромца.

85. (Стрн. 216). Нѣкоторые рапсоды заставляютъ «стараго» послѣ этого умереть.

«Какъ пріѣхалъ опять во Кіевъ градъ,
Ко пещерамъ тѣмъ ко кіевскимъ,
Прилетала сила невидимая,
И взимали стараго со добра̀ коня,
Заносили во пещеры во кіевски;
Тутъ ли старый и опочивъ держалъ,
Тутъ матёръ человѣкъ и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя.»

Въ кіевскихъ пещерахъ, дѣйствительно, до настоящаго времени показываются мощи Ильи.

86. (Стрн. 217). Существуетъ мнѣніе, что былина о томъ, «Какъ перевелись богатыри на святой Руси», — значительно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ всѣ прочія былины Владимірова круга. Поводомъ къ такому мнѣнію должно было послужить приведенное выше (въ прим. 85) окончаніе былины о «Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца», который, по нѣкоторымъ пересказамъ, умеръ своею смертью при возвратѣ съ послѣдней поѣздки, — чѣмъ оправдалъ на дѣлѣ предсказаніе каликъ перехожихъ, давшихъ

ему богатырскую силу: что смерть ему на бою не написана. Притомъ-же былина о гибели богатырей имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ. Но подобное мнѣніе едва ли основательно. Каждый былевой богатырь есть типъ, живущій вѣка, и продолжительность жизни богатырей соотвѣтствуетъ грандіознымъ размѣрамъ всего ихъ бытія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если богатыри Владимірова времени дожили до перваго нашествія на Русь Чингисхана въ 1223 году (слишкомъ 200 лѣтъ по смерти Владиміра). До татаръ они имѣли дѣло съ половцами, печенѣгами и другими безпокойными, но, относительно, слабыми сосѣдями (впослѣдствіи въ устахъ народа получившихъ общее прозваніе «татаръ»), и постоянныя побѣды надъ этими врагами должны были вселить въ нихъ самоувѣренность, доходящую до самообольщенія. И первыя полчища новой «невѣдомой» силы, накатившейся съ Востока, наши богатыри не могли не встрѣтить съ тою-же самонадѣянностью, выразившеюся въ возгласѣ вѣчнаго хвастуна Алеши Поповича:

«Подавай намъ силу хоть небесную: *)
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!»

За это-то самохвальство, по благочестивому воззрѣнію народа, Провидѣніе и ниспосылаетъ имъ двухъ грозныхъ супротивниковъ, которые, разрубаемые по-поламъ, удваиваются только числомъ и наконецъ наступаютъ такою несмѣтною силой, что богатыри въ паническомъ страхѣ обращаются въ бѣгство и окаменѣваютъ—окаменѣваютъ въ незыблемыхъ образахъ народнаго богатырскаго эпоса. Въ глазахъ народа, эти супротивники—вызванная богохульникомъ Алешей сила небесная; въ дѣйствительности же это—невиданные дотолѣ легіоны азіятскихъ варваровъ, по мѣрѣ истребленія, подобно саранчѣ, прибывающихъ все бо̀льшими и бо̀льшими массами и этими массами окончательно подавляющихъ нашу немногочисленную богатырскую дружину. Поэтому былина о гибели богатырей, созданная, какъ надо полагать, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ татарскаго нашествія, по мнѣнію нашему, достойно заключаетъ древне-кіевскій богатырскій эпосъ, отдѣльныя былины котораго также возникали постепенно въ періодъ времени отъ Владиміра до первыхъ годовъ татарскаго владычества.

87. (Стрн. 217). Въ виду божественнаго происхожденія, которое дается народомъ двумъ супротивникамъ русскихъ богатырей, представляется естественнымъ перенесеніе дѣйствія къ библейской Сафатъ-рѣкѣ.

88. (Стрн. 217). О «Горденкѣ» («Гордей», «Годинъ», Хотенъ») Блудовичѣ и Иванѣ Гостиномъ сынѣ есть двѣ отдѣльныя былины, мало, однако, замѣчательныя.

89. (Стрн. 217). Въ подлинникѣ единственнаго цѣльнаго варіянта былины здѣсь названъ, по очевидному недоразумѣнію, нов-

---

*) Варіянтъ: «нездѣшнюю».

городскій удалецъ Василій Буслаевичъ; мы считали себя въ правѣ замѣнить его «старшимъ» кіевскимъ богатыремъ Самсономъ Самойловичемъ, который одинъ изъ всѣхъ богатырей кочеваго періода ѣздитъ, хотя и неохотно, «поляковать» съ младшимъ поколѣніемъ богатырей и, конечно, долженъ былъ также погибнуть на-равнѣ съ послѣдними въ борьбѣ съ «нездѣшней» силой.

90. (Стрн. 219). Замѣчательно, что роковой вызовъ небесамъ, повлекшій за собою гибель всей богатырской братіи, влагается въ уста все того-же Алеши Поповича, ядовитый языкъ котораго разсѣваетъ повсюду разладъ и раздоръ.

91. (Стрн. 223). О Василіѣ Буслаевѣ въ Лѣтописи (именно Никоновой) говорится вообще только разъ, какъ о посадникѣ Васкѣ Буславичѣ, скончавшемся въ 1171 году. Уменьшительное Васька въ былинѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ типу народнаго удальца; причемъ во второй былинѣ объ немъ (о его смерти), когда удалецъ отчасти остепенился, оно уже не повторяется. Имя отца Василія «Буслай» или «Буславъ» — сокращенное славянское «Богуславъ».

92. (Стрн. 223). Мужики новгородскіе—мужи, горожане.

93. (Стрн. 223). Изъ этого надо заключить, что отецъ Василія былъ въ древнемъ Новгородѣ лицомъ именитымъ, чуть-ли не посадникомъ, въ пользу чего говоритъ также раннее обученіе Василія грамотѣ, письму и пѣнію церковному.

94. (Стрн. 227). Вмѣсто Ѳомы Горбатенькаго, называется также Котельная Пригарина.

95. (Стрн. 231). Разнорѣчіе: бой дружины Васильевой продолжается трое сутокъ.

96. (Стрн. 232). По нѣкоторымъ варіянтамъ, дѣвушка-чернавушка (иначе Чернавка, дѣвка поварёная), прежде чѣмъ бѣжать за Василіемъ, сама еще побиваетъ коромысломъ малую толику «мужиковъ» новгородскихъ.

97. (Стрн. 233). Старчище Ондронище (Андронище), иначе Игнатьище, Елизарище или пилигримище — странникъ (peregrinus), калика перехожій, имѣвшій главное пристанище въ мѣстномъ Кирилово-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

98. (Стрн. 234). Варіянтъ:

«Я иду—Василью смерть несу!»

99. (Стрн. 234). «Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ.» Стало быть, бой былъ въ Петровки.

100. (Стрн. 234). «А у стараго во лбу и глазъ ужь вѣку нѣтъ» — т.-е. старецъ и при жизни еще слѣпъ былъ.

101. (Стрн. 236). Есть слѣдующее отрывочное начало былины о «Смерти Василія Буслаева», которое могло бы служить какъ-бы присказкой ея:

«По синю морю корабличекъ бѣжитъ, таки бѣжитъ;
Къ Нову-городу корабличекъ спѣшитъ, таки спѣшитъ;
По кораблику Васильюшка погуливаетъ,

Онъ во звонкія гусѐльчики поигрываетъ:
«Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусѐльчики мои,
«Заиграйте, вы гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
«При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ молодцѣ,
«При Васильѣ молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!»

Хотя, однакоже, умѣнье играть на гусляхъ ни мало не противорѣчило бы общему характеру новгородской вольницы, но нигдѣ, кромѣ приведеннаго отрывка, не упоминается о подобномъ искусствѣ Василія Буслаева; почему оно присвоено ему здѣсь едва-ли не случайно отъ настоящаго «загусельщика» Садка̀ купца или же отъ кіевскаго заѣзжаго артиста-богатыря Соловья Будиміровича, которые оба также «похаживаютъ» по своимъ кораблямъ.

102. (Стрн. 237). Вмѣсто Ѳаворъ-горы, называются также Сіонъ-гора и гора Сорочинская (см. прим. 22).

103. (Стрн. 238). Островъ Куминскій — въ устьѣ р. Кумы, впадающей въ Каспійское море.

104. (Стрн. 239). Встрѣчаемая Василіемъ Буслаевымъ на Ѳаворъ-горѣ голова нѣкоторыми изслѣдователями сравнивается съ древне-греческою головою Медузы.

105. (Стрн. 243). Въ былинѣ Садко̀, прежде чѣмъ сдѣлаться богатымъ гостемъ, не болѣе какъ веселый молодецъ, т.-е. гусляръ или даже скоморохъ, добывающій себѣ хлѣбъ насущный игрою на гусляхъ. Въ Лѣтописяхъ же XII вѣка онъ упоминается неоднократно уже какъ Сотко Богатой или Съдко Сытиничь, построившій въ 1167 году церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. Такимъ образомъ Садко̀ долженъ былъ быть современникомъ Василія Буслаева, умершаго, по Лѣтописи, въ 1171 году. Производятъ имя Садко̀ различно: отъ слова Садокъ (уменьшит. слова садъ), отъ званія сотникъ (сотскій) или же, наконецъ, отъ лѣтописнаго отчества его Сытиничь (Сытничь), происходящаго отъ имени Сытъ или Сытой (нѣм. Satt, лат. Satur).

106. (Стрн. 243). Поддонный Царь—также Царь Морской, Царь Водяной, Водяникъ, Водовикъ. По одному варіянту, Садко̀ является въ Новгородъ съ матушки Волги-рѣки, поклонъ которой приноситъ братцу ея, озеру Ильменю; Ильмень же, въ образѣ добраго мо̀лодца, даетъ тотъ же совѣтъ, что̀ и Поддонный Царь.

107. (Стрн. 246). Въ первой былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ, по нѣкоторымъ пересказамъ, въ числѣ мужей (мужиковъ) новгородскихъ упоминаются Никола Зиновьевичъ и Ѳома Родіоновичъ. Весьма вѣроятно, что это—тѣ-же настоятели Лука Зиновьевъ и Ѳома Назарьевъ, что̀ упоминаются въ первой былинѣ о Садкѣ, такъ какъ Садко̀ и Василій Буслаевъ, какъ выше сказано, должны были быть современниками.

108. (Стрн. 248). Разнорѣчіе: Садко̀ «пораздумался», что не выкупить ему товаровъ со всего бѣла̀ свѣта: «богатъ я, Садко, да богатѣе меня Новгородъ», — и отдаетъ свой проигранный закладъ.

109. (Стрн. 349). Черные корабли, вмѣсто обычнаго эпитета «червлёные», въ противоположность Садкову кораблю — бѣлому кречету.

110. (Стрн. 249). «Дружки-братья, корабельщики»—иначе: «Ярыжки, люди наемные, наемны люди, подначальные».

111. (Стрн. 250). Извѣстный купеческій девизъ: «не надуть—не продать»—въ былое время, когда гости торговые, какъ птицы залетныя, всегда могли уклониться отъ преслѣдованія со стороны обманутыхъ покупателей, безъ сомнѣнія, былъ еще болѣе въ ходу, чѣмъ въ нашъ практическій, но и просвѣщенный вѣкъ. Садко̀, конечно, не составлялъ исключенія изъ общаго правила, и потому совершенно понятно его желаніе, во что бы то ни стало, по древнему языческому обычію, откупиться отъ подлежащаго божества — сначала богатымъ даромъ, а затѣмъ и человѣческою жертвою.

112. (Стрн. 251). По одному варіянту, Садко̀ въ правую руку беретъ образъ «Миколы Угодника», а въ лѣвую гусли.

113. (Стрн. 253). Вмѣсто Царицы Поддонной, Садку является также Святитель Никола (образъ котораго имъ взятъ былъ съ собой).

114. (Стрн. 254). Дѣвушка черная или поварёная, играющая извѣстную роль и въ первой былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ,—едва-ли не разновидность встрѣчающейся столь часто въ сказкахъ разныхъ народовъ Замарашки (Сандрильоны).

115. (Стрн. 260). Въ варіянтѣ (другаго стихосложенія), который мы находимъ у Кирши Данилова, Иванъ Васильевичъ, еще великій князь, а не царь московскій, съ прозваніемъ Прозритель, милостиво принимаетъ отъ царицы казанской Елены ковригу съ солью, а саму царицу велитъ крестить и затѣмъ въ монастырь постричь, супругу же ея, царю Симеону, за гордость его, что не встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью, «вынялъ ясны очи косицами», и, снявъ съ него царскую корону и порфиру, «царской костыль въ руки принялъ».

«И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство;
Что тогда-де Москва основалась,
И съ тѣхъ поръ великая слава.»

116. (Стрн. 260). Воспѣваемый въ былинѣ объ «Оговорѣ царевича передъ Грознымъ» эпизодъ изъ жизни Грознаго включенъ графомъ Ал. Толстымъ въ извѣстную историческую повѣсть его «Князь Серебряный».

117. (Стрн. 261). Здѣсь разумѣется сынъ Грознаго, Ѳеодоръ Ивановичъ, котораго нѣкоторые рапсоды такъ и называютъ по имени.

118. (Стрн. 262). И въ настоящее время еще сохранилось названіе Поганыхъ прудовъ.

119. (Стрн. 263). Никита Романовичъ—третій и младшій братъ царицы Анастасіи Романовны, отецъ которой Романъ Юрьевичъ

былъ царскимъ окольничимъ, изъ рода Андрея Кобылы, вышедшаго изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ.

120. (Стрн. 263). Разнорѣчіе: «нерадошну вѣстку» приноситъ Никитѣ Романовичу слуга его. (Такъ и въ «Князѣ Серебряномъ»).

121. (Стрн. 263). Варіянтъ: Никита Романовичъ, для спасенія царевича, жертвуетъ своимъ любимымъ клюшникомъ (или конюхомъ):

«Ужь ты гой еси, Малюта сынъ Скурлатовичъ!
Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
Ужь ты на-тко да насытися
Молодымъ моимъ ли клюшникомъ!»

Малюта, срубивъ клюшнику голову, приноситъ окровавленную саблю царю.

122. (Стрн. 264). По разнорѣчію, въ то время, какъ остальной народъ печалится, у Никиты въ селѣ его Романовскомъ пиръ «на веселѣ», въ трубы трубятъ, въ барабаны бьютъ. Извѣстившись о томъ отъ бояръ Годуновыхъ, разгнѣванный царь велитъ привести Никиту предъ свои ясны очи.

123. (Стрн. 265). Или же Никита выпрашиваетъ себѣ самого Малюту.

124. (Стрн. 265). Послѣ настоящей былины изъ семейной жизни Грознаго могла бы слѣдовать другая, того-же рода былина о «Кострюкѣ», гдѣ описывается кулачная борьба шурина царскаго Кострюка Темрюковича съ двумя московскими «молодчиками», осиливающими его въ концѣ концовъ. Описаніе это, однако, настолько безцвѣтно, что мы ограничимся здѣсь лишь началомъ былины, служащимъ какъ-бы вступленіемъ къ ней и довольно живо передающимъ отношенія къ Грозному его первой супруги Анастасіи:

«Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядючись со тѣхъ со черныхъ кораблей,
Со тѣхъ марсовъ корабельныихъ
И со тѣхъ со трубочекъ подзорныихъ
На тѣ круты-красны бережки
И на тѣ поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли круты-красны бережки,
Пріутихли-пріуныли и поля зеленыя,
Глядючись на государевъ дворъ:
Преставляется царица благовѣрная,
Молода Настасья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ-то два царевича,
А въ ногахъ сидятъ двѣ молоды княжны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужь ты слушай, царь, послушай-ка,
Что тебѣ, царица, я повыскажу:
Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
До своихъ до двухъ младыхъ царевичей:
Когда будутъ они во полномъ умѣ,
Во полномъ умѣ, во твердомъ разумѣ,
Тогда будутъ обороной отъ иныхъ земель.
Еще слушай, царь, послушай-ка:

Когда будутъ дѣвицы да во полнòмъ умѣ,
Во полнòмъ умѣ, во твердомъ разумѣ,
Отдавай тогда дѣвицъ замужъ.
Еще слушай, царь, послушай-ка,
Чтò тебѣ, царица, я повыскажу:
Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
До своихъ князей и до думныіхъ бояръ,
До того до дядюшки любимаго
И до своего до крестнаго до батюшки,
До того Богдана Сирскаго:
Тутъ вѣдь твоя дума крѣпкая.
Еще слушай, царь, послушай-ка:
Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
Тутъ вѣдь твоя сила вѣрная.
Еще слушай, царь, послушай-ка:
Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго.
Еще слушай, царь, послушай-ка,
Чтò тебѣ, царица, я принàкажу,
Чтò принàкажу тебѣ, повыскажу:
Какъ, царица, я преставлюся,
Не женись ты, царь, во золотой Ордѣ
На купавѣ той татарскоей
На той Марьѣ на Темрюковнѣ,
Хоша много есть у ней приданаго,
Много злыхъ, поганыихъ татаровей,
Хоша есть у ней и брателко родимое,
Молодой Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,—
А женись ты, царь, во каменнòй Москвѣ.»
«Тутъ царица и преставилась,
Тутъ царицѣ и славў поютъ.»

Тѣмъ не менѣе, однако, спустя три мѣсяца, Грозный отправляется за Марьей Темрюковной въ Орду, откуда беретъ съ собой и ея «брателку Кострюка-Мострюка»—героя былины.

125. (Стрн. 266). Разсказъ о походѣ Ермака въ Сибирь самъ по себѣ хотя и прозаиченъ, но заслуживаетъ особеннаго вниманія по своимъ подробностямъ, позволяющимъ слѣдить за покорителемъ шагъ за шагомъ едва-ли не съ бòльшею точностью, какъ по имѣющимся историческимъ даннымъ.

126. (Стрн. 266). Ермакъ, иначе Ермилъ.

127. (Стрн. 266). Рядомъ съ Ермакомъ, одна былина называетъ, вмѣсто есаула Асташки Лаврентьевича, двухъ другихъ атамановъ: Самбура Андреевича и Анофрія Степановича.

128. (Стрн. 266). Посолъ персидскій (въ Персію отъ Ивана Васильевича Грознаго)—Карамышевъ Семенъ Константиновичъ, объ убіеніи котораго казаками сложена также особая былина, сама по себѣ мало замѣчательная.

129. (Стрн. 268). Татары видятъ, что казаки ни дать, ни взять снопики, но не догадываются, что это—выставленныя впередъ соломенныя чучела.

130. (Стрн. 270). Одна былина разсказываетъ далѣе, какъ Ермакъ, посланный царемъ къ Котовскимъ татарамъ, «брать дани-выходы въ казну государеву», погибаетъ при возмущеніи

татаръ: собираясь перескочить на другую ладью, онъ оступается на «переходнѣ обманчивой», которая «съ верхняго конца подымалася и на него опущалася, расшибла ему буйну голову и бросила въ ту Енисей быстру-рѣку». Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, Ермакъ утонулъ въ Иртышѣ.

131. (Стр. 272). Царица, мать царевича Дмитрія Угличскаго, 7-ая супруга Грознаго Марія Ѳедоровна, изъ рода Нагихъ, въ иночествѣ Мароа, такъ и названа въ былинѣ.

132. (Стр. 276). Изъ разряда былинъ «петровскихъ», литературное значеніе, по своей цѣльности и поэтическому складу, имѣютъ лишь помѣщаемыя здѣсь былины «Азовъ» и «плачъ войска о Петрѣ», а также былины о стрѣлецкихъ смутахъ и постриженіи царицы Евдокіи, которыя, однако, по своему содержанію, не могли войти въ это популярное изданіе. Въ прочихъ былинахъ петровскихъ встрѣчаются только изрѣдка, цѣнными самородками въ грудахъ булыжника, яркіе поэтическіе образы. Не можемъ не привести здѣсь наиболѣе удачные изъ нихъ:

Сборы русскихъ противъ шведовъ описываются устами самого «батюшки православнаго царя Петра Алексѣевича» слѣдующимъ образомъ:

«Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку,
Онъ-де будетъ, король шведскій, ко мнѣ кушати.
Ужь мы столики разставимъ ли—Преображенскій полкъ,
Скатерти разстелемъ—полкъ Семеновскій,
У насъ вилки да тарелки—полкъ Измайловскій,
У насъ пойлица медвяны—полкъ драгунушекъ,
У насъ кушанья сахарны—полкъ гусарушекъ,
Подчивать заставимъ—полкъ пѣхотушекъ.»

Въ противоположность такому свѣтлому, ободрительному взгляду виновника похода на предстоящія войску трудности, само войско (въ другомъ образцѣ) смотритъ на дѣло съ болѣе будничной стороны:

«Гдѣ намъ день дневать, ночь коротати?
Намъ денекъ дневать во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, подъ ясныимъ небомъ;
Ночь коротати во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору;
Намъ постелечка—мать сыра земля,
Намъ зголовьице—зло корѐньице,
Умываньице—частый мелкій дождь,
Утираньице—шелкова трава!»

На гражданскихъ чиновъ одна вѣсть о войнѣ производитъ паническій страхъ. Когда «батюшка первый императоръ» «докатается до сенату»,

«Изъ каретушки да вылѣзаетъ,
Во присутствіе да самъ заходитъ—
Сенаторы всѣ да испугались,
Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
Изъ очей слезы да покатились.»

Полтавскій бой, вдохновившій и перваго нашего поэта къ его

замѣчательной поэмѣ, описывается въ народной пѣснѣ по своему, просто и картинно:

«Подымалась полтавская баталья.
Запалить шведская сила
Изъ большого снаряда—изъ пушки;
Запалить московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.»

Былина-пѣсня о «Ладожскомъ каналѣ» начинается такъ:

«Ахъ, далече-далече, въ чистомъ полѣ,
Расплачется травушка зеленая,
Унимаетъ ее мати земля сырая:
Не плачь, не плачь, трава-мурава,
Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
И мнѣ еще того тошнѣе.
Какъ ѣхалъ государь-царь изъ-подъ Риги,
Велѣлъ меня, землюшку, копати,
И рвы, и колодези вырывати,
Ключевую воду испускати.»

Далѣе пѣсня переходитъ вообще въ жалобу безъимяннаго молодца, собирающагося «съ великія печали посхимиться.»

133. (Стрн. 277). «Плачъ войска о Петрѣ», подобно былинѣ объ Азовѣ, повторяетъ старѣйшіе мотивы, а именно стародавнюю пѣсню о «Громѣ Гремучемъ».

134. (Стрн. 281). О былевой рѣкѣ Смородинѣ см. прим. 45. Нѣкоторыми «сказителями» былинъ безъимянному молодцу настоящей былины присвоивается имя богатыря Добрыни Никитича или царя Петра Алексѣевича. Мы сочли, однакоже, за лучшее вовсе упустить имя, такъ какъ въ былинѣ о томъ, «Какъ перевелись богатыри на святой Руси», Добрыня погибаетъ въ числѣ прочихъ богатырей; въ варіянтѣ же Кирши Данилова тотъже молодецъ уѣзжаетъ на чужбину съ кручины, что государь-царь (т.-е. царь Петръ Алексѣевичъ) на него «гнѣвъ взложилъ»; стало быть, молодецъ здѣсь, очевидно, не можетъ быть въ то-же время и Петромъ Алексѣевичемъ.

135. (Стрн. 284). Былина о «татарскомъ полонѣ», по всему вѣроятію, сложилась уже послѣ татарскаго ига въ періодъ набѣговъ крымскихъ татаръ на южную Русь, — въ пользу чего говоритъ и то, что соотвѣтственная этой былинѣ пѣсня есть и на малоросійскомъ языкѣ.

136. (Стр. 286). Хотя нѣкоторые варіянты столь разновидной былины о «Горѣ» имѣютъ до 300 стиховъ, но выбранный нами небольшой варіянтъ, по своей сжатости и образности, долженъ почитаться образцовымъ. Въ одномъ варіянтѣ отъ Горя уходитъ не молодецъ, а молодица, которую—

«Въ воскресеньице матушка замужъ выдала,
Къ понедѣльничку Горе привязалося.»

Бѣдная спасается отъ Горя сперва «во темны лѣса», потомъ «во чисты поля», «въ зелены луга», «во высокъ терёмъ», «во круты горы.»

„Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
„—Я червомъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю.—
„—Ахъ, ты матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ Горя дѣватися?
Я пойду съ Горя во сыру землю.—
„Горе вслѣдъ идетъ съ острымъ заступомъ,
Устоялося, засмѣялося:
„—Ужь ты, дочь ли моя родная!
Ты успѣла Горюшко повыгоревать!“

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРЕБУЮЩИХЪ ОБЪЯСНЕНІЯ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НЕОБЫЧНЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

А.

Аззяковна (царица) жена индейскаго царя Салтыка Ставрульевича (см. прим. 7).

Алеша Поповичъ — см. прим. 13 и 14.

Апраксія—стольная княгиня кіевская (см. прим. 10).

Афимья Александровна — мать Добрыни Никитича.

Б.

Базыга — хрычъ.

Баса — краса.

Башлыкъ (отъ восточнаго *башъ*— голова, атаманъ, преимущественно рыболовный.

Безвременье — невзгода.

Бермята Васильевичъ — см. прим. 8.

Бесѣда — скамья.

Бласловить—благословить.

Богатырь—герой (см. прим. 3).

Богачество — богатство.

Богорадные старцы — богадѣленные въ церковномъ странноприимномъ домѣ.

Большой уголъ—главный уголъ, гдѣ стоятъ образа.

Браный—узорчатый, вышивной.

Братовство — братство.

Буде — если.

Булатъ — сталь; *булатный* — стальной.

Буркò—бурый конь.

Бурнастый—бурый.

Бусы-галеры — извѣстный родъ судна.

Бѣгецъ—бѣгунъ.

Бѣлояровая пшена—пшеница-кукуруза.

В.

Вальякъ — рѣзьба; *вальящетый*—рѣзной.

Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. прим. 23 и 26).

Василій Буслаевъ—см. прим. 91.

Васька Долгополистый или Долгополый—см. прим. 77.

Вдвоемъ—вдвое; «*вдвоемъ тебя*»—вдвое противъ тебя.

Вдовить — лишать жену мужа.

Веденецъ — Венеція; *веденецкій*—венеціянскій.

Верёхъ—верхъ.

Взимать—брать.

Вливать—выливать.

Во всю голову—во все горло.

Волжанка — клюка изъ дерева таволги.

Волокитный — волочащійся съ мѣста на мѣсто.

Волхъ-рѣка—Волховъ.

Вольга Всеславьевичъ — см. прим. 6.

Вольгота — свобода, вольный шагъ.

Во-потай (впотай)—тайно.

Воспрогòворить—выговорить.

Воспрокуриться — подняться, ударить въ голову (въ переносномъ смыслѣ).

Вранъ—воронъ.

Выжлецъ борзой—ловчій песъ.

Выигрышъ—содержаніе пѣсни.

Вырука—выручка.

Выступка—поступь, осанка; *выступкою щапить* — щеголять поступью, осанкою.
Выть—1) ѣда, кормъ («медвѣжья выть»); 2) количество ѣды за разъ.
Выщапливать—щеголять.
Выщербить — выломать часть цѣлаго.
Вѣжество—вѣжливость.
Вѣковѣчный—начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка.

Г.

Главище (глава)—голова.
Глуздырь—птенецъ.
Голь кабацкая — народъ обѣднѣвшій, бездомный.
Горденко Блудовичъ — см. прим. 88.
Гостебище—пирушка, гости.
Гость торговый — купецъ; гость корабельный — мореходный купецъ (см. прим. 25).
Граять—каркать.
Гридня—столовая комната.
Грудью пойти—поскакать.
Грядка — шестъ для вѣшанья одежды.
Гуня—верхнее платье.
Гурчевецъ (Вручевецъ, Вручій) — вѣроятно, Овручъ (Волынской губ.) (см. прим. 50).
Гусёлышки, гусельцы—гусли.

Д.

Державушка (держава) — владыка.
Держать—носить, тратить; держаться—издерживаться.
Дивоваться—удивляться.
Добрыня Никитичъ—см. прим. 5.
Довлѣетъ — подобаетъ, прилично.
Догадка—догадливость.
Долина̀—длина, вышина.
Домовище—гробъ.
Дунай Ивановичъ—см. прим. 11.
На дымъ пустить—пожечь.
Дѣянье—дѣйствіе.
Дѣяться—дѣлаться.
Дюкъ Степановичъ—см. прим. 63.

Е.

Еврейскій стихъ—духовный.
Епанѐчка (епанча)—плащъ.
Ерусо̀лимъ—Іерусалимъ.

Ж.

Жаровой лѣсъ—рослый, выросшій на припекѣ, на *жару*.
Жалкій—жалобный.
Живность—жизнь.

З.

Забава Путятична—племянница князя Владиміра (см прим. 21).
Завидливый, завидущій—завистливый.
Заводь — заливъ, защищенный отъ вѣтра.
Завозный—взятый на дорогу, привезенный для дороги.
Заворачивать—забирать.
Завѣсистая шапка—съ завѣсами, которые можно опускать и приподнимать.
Завѣтъ—обѣтъ.
Загусельщикъ—гусляръ.
Задаться—поступить въ обученіе или на службу.
Задёрнуть—приготовить.
Зазыватель—позовщикъ.
Займище—топкое мѣсто, иногда поросшее тростникомъ или лѣсомъ.
Закатàться—закатываться.
Заколодить—покрыться колодьемъ.
Залѣшанинъ (имя нарицательное) — лѣсной житель, дикарь;

отъ того же корня: мужики Залѣшане (см. прим. 30) и Никита Заолѣшанинъ — подъ именемъ котораго скрывается Илья Муромецъ (см. кіевскую был. XVI).

Замуравѣть—покрыться муравою.

Заносливый—заносчивый.

Заповѣдь—см. завѣтъ.

Заржучись—отъ *заржать*.

Застава—преграда (см. прим. 44).

Застолье—мѣсто за столомъ.

Застояться — остановиться.

Затохоль—затхлый запахъ.

Затыхаться — сдѣлаться затхлымъ.

Затюремщикъ—заключенникъ.

Захвастливый—хвастливый.

Захлыщевый — забубенный, отчаянно-смѣлый.

Захошь — см. хошь.

Зачинъ—начало.

Звеселять—взвеселять.

Земь—земля.

Златоверховатый — съ золотымъ верхомъ.

Златъ—золотой.

Зобать—ѣсть что-нибудь мелкое, разсыпчатое.

Зычный—звучный.

И.

Иванъ Гостиный сынъ — см. прим. 88.

Идолище — см. прим. 13 и 54.

Избыть—избавиться.

Изотчество, изотчина—отцовское имя.

Илья Муромецъ—см. прим. 37.

Индейское царство—см. прим. 7.

Индія богатая — см. прим. 63.

Ископыть—комъ грязи или земли изъ-подъ копыта.

Исполошаться —всполошиться.

Источенька — разноцвѣтный струйчатый поясъ.

К.

Кавурка (каурка)—каурый (желторыжій) конь.

Калика перехожая—нищій калѣка (см. прим. 16).

Калинъ царь—см. прим. 58.

Камень бѣлый горючій или, просто, горючій—янтарь (см. прим. 2).

Камочка—камка (см. саянъ).

Кирпичатъ полъ—кирпичный.

Клюшничать—быть клюшникомъ.

Княгиня — молодая въ бракѣ.

Кожанъ, кожанецъ—1) невыдѣланный овчинный тулупъ; 2) кожанный мѣшокъ.

Кой—который.

Коковка—загнутый верхній конецъ палки (клюки).

Коло—около.

Колпакъ—см. шляпа.

Колыбаться—колебаться.

Конникъ—залавокъ сейчасъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ.

Конюхать — быть конюхомъ.

Корба—чаща мелкаго лѣса.

Косица—високъ.

Кочета—см. укрючины.

Красовитый—красивый.

Крестьянствовать—заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

Крылецъ—крыльцо.

Крылосъ—клиросъ.

Кряжъ крутой—каменистый берегъ.

Кряковистый — съ корявымъ пнемъ, суковатый.

Кудельба—см. курево.

Купавъ—красивый; купава — красавица.

Курево — пыль столбомъ.

Л.

Ладить—приготовлять, приготовиться; ладиться — 1) собираться; 2) быть въ пору.

Ластинье—тонкая дрань.

Латыгорка — мать Сокольника (см. прим. 82).
Латырь-камень — янтарь (см. прим. 2).
Латырь-море — Балтійское (см. прим. 2).
Леванидовъ крестъ — корсунскій (см. прим. 1).
Леванидовы луга—см. прим. 1.
Литва—всякая земля на западъ отъ Кіева (см. прим. 9).
Ложня—спальная комната.
Луда—подводный камень.
Лукоморье—излучина морскаго побережья.
Луна небесная—твердь.
Люби — отъ *любовь; до-люби* — сколько угодно; *по-люби* — по душѣ.
Въ любовь придти—по сердцу придти, понравиться.

М.

Маломожный (маломочный) — малосильный.
Мамельфа Тимоѳеевна — матери Дюка Степановича и Василія Буслаева.
Марѳа Всеславьевна — мать Вольги Всеславьевича.
Марѳа Матвѣевна—мать царевича Дмитрія Угличскаго (см. прим. 131).
Матёрый, матерой—престарѣлый и сильный.
Матерѣть — рости, становиться большимъ и сильнымъ.
Меженный—отъ *межень*, жаркая лѣтняя пора.
Микула Селяниновичъ—см. прим. 48.
Михайло Потыкъ Ивановичъ—см. прим. 69.
Младъ—молодой.
Могота—мощь.
Молитвиться—молиться.
Мосты — настланные переходы наружныхъ сѣней.
Мудрости искать надъ кѣмъ—стараться перехитрить, опутать чарами.
Муравленый — муравою, разводами расписной, пестрый.
Мурашъ—муравей.
Мурзамецкій — отъ *мурза* (эпитетъ копья).
Мурманка — шапка, имѣющая съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать.

Н.

Набольшій—наибольшій, глава.
По надобью—сколько надобно.
Надейный—надёжный.
Наигрышъ—содержаніе пѣсни.
Наконъ—разъ.
Накрутиться — накутаться, нарядиться.
Налучникъ, налушно—чахолъ на лукъ.
Намётывать (службу)—налагать.
Напускъ—сильное нападеніе.
Напустить—напуститься.
Нарядить—справиться.
Науличье—площадь на улицѣ.
Нахтарма — непушистая сторона мѣха.
Невѣжа-черный воронъ—см. прим. 65.
Немудрый—простой.
Неорлёный — безъ царскаго орла.
Неуёмчивый—неукротимый.
Неумильный—невѣжливый.

О.

Обзариться—заглядѣться, польститься.
Обкольчужиться — надѣть кольчугу.
Облатиться—надѣть латы.
Ободверина—притолока и косяки у дверей.

Обоймень—что̀ можно обнять двумя руками.
Оболоко—облако.
Общѣнщикъ—оцѣнщикъ.
Объумѣться—придти въ себя.
Огнёвушка—горячка.
Одинцовый—темнозеленый.
Одноличный — одинаковаго лица.
Одномѣдный—изъ одной мѣди.
Озадориться—раззадориться.
Окаракою, окарачь — на четвереньках.
Окатиться—раскатиться.
Околенька—оконница.
Окольный—идущій *около* чего-нибудь.
Омѣшикъ—рало у сохи.
Опережь—прежде.
Опознать—узнать.
Опочивъ держать — опочивать.
Опочинуться—уснуть.
Опсковъ—Псковъ.
Оратай—землепашецъ.
Орать—пахать.
Орда — земля, сторона (см. прим. 9).
Ордынскій—отъ *орда*.(Эпитетъ телѣги).
Орѣховецъ — вѣроятно, вымышленный городъ.
Въ особину—особенно.
Отвѣдать—попробовать.
Отчина—см. изотчина.
Ошарашиться—стать дыбомъ.

П.

Палатный брусъ—гряда, откуда и *гредня* или *гридня* (столовая).
Палица (палка)—дубинка.
Палъ—обгорѣлый лѣсъ.
Паробокъ—слуга.
Пенье—пни.
Перелестникъ (судейскій)—обманщикъ. (Эпитетъ Алеши Поповича).
Перёное крылечко—съ *перёнами* или *перилами*.
Перепасться—перепугаться.
Перещапить—перещеголять.
Писчикъ—писарь.
Платёный—платяной.
Пленъ (Пленко, Пленчище) Сурожанинъ—отецъ Чурилы Пленковича (см. прим. 62).
Повалешное—по̀дать съ валька, съ портомойни.
Поверткій—поворотливый, проворный.
Проволжаный—изъ дерева таволги.
Паволька—воля.
Поворотъ держать—вернуться.
Повѣнечное—по̀дать съ брака.
Повѣтерь—попутный вѣтеръ.
Погода—непогода.
Погодиться—пригодиться.
Погрязывать, угрязывать—погружаться въ грязь, въ землю.
Подвигаться—подвизаться, совершать подвиги, полевать.
Поддонный царь—см. прим. 106.
Подираться—драться.
Подковыренные лапти — проплетенные вторично.
Подколѣнный—младшій (отъ *колѣно*, старшій въ семьѣ или въ родѣ).
Подкрутиться—пріодѣться.
Подорожникъ—попадающійся на дорогѣ. («Разбойнички-подорожнички»).
Подорожный—1) взятый на дорогѣ или на дорогу; 2) платимый за дорогу.
Подсолнечникъ — зонтикъ, опахало.
Подстолье—мѣсто подъ столомъ.
Пожадѣться — исполниться жажды, изныть.

Позариться—польститься.
Показаться—поправиться.
Покляный—наклоненный въ одну сторону.
Полевать—рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.
Поленица—женщина-богатырица (см. прим. 4); также и иноземные богатыри.
Полонà—взятое въ плѣнъ.
Полòнъ—1) плѣнъ; 2) плѣнникъ.
Полтеи—половинки тѣлъ убитыхъ.
Получка—дань.
Поляковать—см. полевать.
Помялушко (помело)—метла для выметанія печи.
По поряди—рядкомъ.
Попротивиться—вступить въ бой.
Поразстроиться—посторониться.
Пороша—молодой снѣгъ.
Порученьки—перила.
Порыскучій—см. рыскучій.
Поселица (поселье)—мѣсто поселенія, постояннаго жительства.
Поскакучій—отъ *поскакивать*. (Эпитетъ зайца).
Поскочить—поскакать.
Пословаться—вести посольское дѣло.
Поступка—поступь.
Посыльный—посольскій.
Потникъ—подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.
Поучёный—знающій.
Почестка—почесть.
Прикакуивать—ликовать.
Приниматься къ рѣчамъ—обращать вниманіе.
Присошекъ—лопатообразная часть сохи, накладываемая попеременно то на одинъ, то на другой омѣшикъ, для откидыванія вспаханной земли.
Пристилаться—разстилаться.
Притченки—см. прим. 30.
Прихватка—ухватка.
Причеть—причитанія.
Пріогрюшиться—погрузиться.
Пріужахнуться—ужаснуться.
Провизгъ—визгливый тонъ рѣчи.
Провѣщиться—заговорить.
Пропитомство—пропитаніе; *пропитомствовать*—пропитать.
Просто—легко.
Путыни—путы.
Пучай-рѣка—Почайна (см. прим. 19).
Пѣхотою—пѣшкомъ.
Нà пяту отворить дверь—настежь.

Р.

Разболакивать—разоблачаться, скидавать.
Развалить—расчистить.
Разгорчивый—легко разгорающійся.
Разрывчатый—отъ *разрываться*. (Эпитетъ лука).
Ратиться—сражаться.
Ратовье—жердь.
Рогачъ—рукоятка у сохи.
Родитель, родителекъ—родной, родная.
Розстань—перекрестокъ.
Рудожелтый—красножелтый.
Рукобитье—обрядъ сговора.
Рыбій зубъ—моржовая кость.
Рыкучій—издающій рыкъ.
Рыскучій—рыскающій.

С.

Садкò купецъ—см. прим. 105.
Салтыкъ Ставрульевичъ—см. прим. 7.

Самсонъ Самойловичъ — см. прим. 3.
Саповочка—дудочка.
Сафатъ-рѣка—см. прим. 15.
Сахàрный — сàхарный. (Эпитетъ яствъ и устъ).
Саянъ (итал. Сая)—то-же, что̀ «камка хрущатая», полушелковая, протканная золотомъ ткань, а затѣмъ и одежда изъ этой ткани.
Сбродовичи—см. прим. 30.
Сверстаться—поровняться.
Сверстный—равный, подходящій.
Сворохнуться—пошевелиться.
Святогоръ—см. прим. 51.
Святыя Горы—см. прим. 22.
Сдивоваться—удивляться.
Семья, семеюшка — общее названіе супруговъ въ отношеніи другъ друга.
Середа—полъ.
Сила—войско.
Сиро̀тать—лишать родителей.
Скорбить—доводить до скорби.
Скурлатъ — шерстяная ткань разнаго цвѣта.
Слава идетъ—молва; *славу пѣть* кому-нибудь — пѣть въ честь умершаго.
Слезить—вводить въ слезы.
Смёртушка—смерть.
Смородина (рѣка)—см. прим. 45.
Смѣта—счетъ.
Снарядный—нарядный.
Сокольникъ—см. прим. 83.
Сокротиться — укротиться, смириться
Сокрутиться—одѣться.
Соловей Будиміровичъ — см. прим. 31.
Соловей разбойникъ — см. прим. 46.
Соловый—блѣдножелтый.
Сорочинскій — сарацинскій, арабскій; *гора Сорочинская* — см. прим. 22.
Спрого̀ворить—проговорить.
Спустить—отпустить.
Спѣть — глаголъ, выражающій *пѣніе* спускиваемой тетивы или стрѣлы.
Ставёръ Годиновичъ—см. прим. 24.
Стаметъ (аксамитъ)—бархатъ.
Становитый—статный.
Старина, старинка, старинушка—пѣсня про *старину*, былина.
Статья—1) свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю; 2) самая участь, судьба.
Столованье—пированье.
Стольничать—быть стольникомъ.
Сторожокъ—спускная дверь.
Стоялый—1) давно стоявшій (эпитетъ меда); 2) гдѣ есть стойло (эпитетъ конюшни).
Стредомірскій (панъ) — Сендомірскій (воевода Юрій Мнишекъ).
Стрѣта—встрѣча.
Ступа, ступокъ—тихій шагъ.
Ступѐнь—ходъ (въ игрѣ).
Сумляться—сомнѣваться.
Супротивиться—драться, вступать въ бой.
Супротивникъ (супротивница)—равный по силѣ или по другому свойству противникъ, а также вообще ровня.
Супротивъ — 1) напротивъ; 2) *супротивъ* кого силой, красотой—ровня.
Суханъ Домантьевичъ — см. прим. 3.
Сходня, сходенька — лѣстница.
Сцапина—царапина.
Счудиться — сотвориться (о чудѣ).
Счудоваться—быть пораженнымъ чудомъ.

Съ-подъ—изъ-подъ.
Сыгрышъ—музыка, напѣвъ.
Сыта (медвяная)—жидкій пчелиный медъ.
Сыть—то, чѣмъ бываютъ *сыты*. («Волчья сыть»).
Сѣдатый—сѣдой.

Т.

Тавлеи (tabula)—шашки, шахматы.
Тайницкій—потайной.
Тать—воръ.
Толкучій—сталкивающійся.
Тоневья — тони, рыболовныя сѣти.
Тороки—дорожный мѣшокъ, сума за сѣдломъ.
Тощиться—истощаться.
Тугаринъ Змѣевичъ — см. прим. 13 и 17.
Туляться — прятаться; *тулица*—тулящійся, прятающійся.
Туръ—зубръ, волъ.

У.

Увалиться—провалиться.
Углище—Угличъ.
Угодить—попасть.
Угожество—красота.
Уграживать—угрожать.
Угрязывать—см. погрязывать.
Укладный — изъ закаленаго желѣза.
Укрючины—уключины, въ которыхъ ходятъ весла.
Укрѣпа—крѣпость.
Улещать—ластиться.
Уливаться—заливаться.
Уловный — гдѣ кто уловленъ, найденъ.
Умильный — умѣлый, вѣжливый, любезный.
Унылый—унылый.
Упадка—упадокъ духа; *не съ упадкою*—безъ боязни.
Уповодъ—пріемъ.
Управа—посадка.
Уродствовать — проказить, чудить.
Утопить (очи)—уставить.
Утріе—утро.
Утѣшенье (утишье)—тишина; «*синему морю на утѣшенье*»—чтобъ было тихо.
Уѣда—кушанье.

Х.

Хайлище—пасть.
Хамкать—лаять по-собачьи.
Хапиловы—см. прим. 30.
Хвалынское море—Каспійское.
Хоробрый—храбрый.
Хошь, захошь—хочешь, захочешь.
Христовъ день — Свѣтлое воскресенье.
Хрущатый (хрустящій, шелестящій)—жесткій, плотный.

Ц.

Царёвъ — постоянный эпитетъ кабака.
Цѣловальникъ—цѣловавшій, въ знакъ вѣрности, крестъ кому-нибудь.

Ч.

Чашничать—быть чашникомъ.
Чебурацкій (?) — эпитетъ свинца.
Челомъ-битчикъ — челобитчикъ
Червлёный — багряный, пурпуровый
Червчатый—красноватый.
Чернавушка—см. прим. 96 и и 114.
Чернедь—чернь.
Чернизина—черное пальто.
Черный дьяконъ — іеродьяконъ.

Чивье—рукоятка.
Чингалище—кинжалъ.
Чоботъ—полусапожекъ, сапогъ.
Чурила Пленковичъ — см. прим. 61.

Ш.

Шалыга, шелепуга — плеть съ обвязанной пулей, кистень.
Шеломъ—шлемъ.
Ширинка—полотенце.
Шишира—праздношатающійся.
Шляпа (колпакъ) земли греческой — дорожная съ широкими полями.
Шопоткомъ—шопотомъ.
Шпенекъ—пряжечная шпилька.

Щ.

Щапить—щеголять.
Щапъ—щеголь.
Щелейка—горное ущелье.
Щепливый (щепетливый)—щегольской.
Щепо́мъ щепить—щеголять.

Я.

Ярлыки скорописчаты — грамоты.
Яровчатый—яворчатый, изъ дерева явора.
Ясакъ—вѣсть, голосъ, зовъ.

ОТЗЫВЪ ПЕЧАТИ

О

„КНИГѢ БЫЛИНЪ“.

„Кому неизвѣстны эти эпическія русскія произведенія съ ихъ оригинальнымъ, чисто-народнымъ языкомъ, смѣлыми, яркими и образными оборотами рѣчи, съ ихъ глубокой поэзіей? Намъ думается, что эта «КНИГА БЫЛИНЪ» можетъ оказать особыя услуги въ качествѣ семейнаго чтенія, къ которому прислушиваются вечеромъ дѣти и взрослые, уютно собравшись за столомъ. Взрослыхъ поразитъ поэзія образовъ, удивительная сила и мѣткость языка, тонкій юморъ, обиліе сравненій и параллелей, вызываемыхъ этими былинами въ человѣкѣ, знакомомъ съ памятниками и исторіей всеобщей литературы. Для дѣтей здѣсь впервые откроется міръ русскаго богатырскаго эпоса; разъ запавъ въ дѣтское воображеніе и память, могучія фигуры этого полумиѳическаго, полуисторическаго міра навсегда останутся въ нихъ запечатлѣнными. Нельзя не порадоваться въ этомъ отношеніи за нашихъ дѣтей. Сокровища русской народной поэзіи достаются имъ теперь легко и просто, тогда какъ въ «наше» время только-что начиналась еще разработка этихъ сокровищъ, и мы почти впервые знакомились съ ними на университетской скамьѣ. Народная поэзія драгоцѣнна тѣмъ, что она даетъ каждому возрасту то, что̀ можетъ быть имъ воспринято. Вотъ почему мы думаемъ, что «КНИГѢ БЫЛИНЪ» должно быть отведено мѣсто во всякомъ русскомъ домѣ.“

«Московскія Вѣдомости» 1880 г. № 77.

Благопріятные отзывы о «КНИГѢ БЫЛИНЪ» дали и многіе другіе органы печати: «Новое Время», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Правительственный Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», «Нива», «St.-Petersburger Zeitung» и проч.

600

495527
LR.C .
A9518kn
Avenarius, Vasily Petrovich
Книга былинъ ... 3.изд. ...
[Transliter.: Kniga builin. ...]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 21 04 02 010 9